

Ніжинський державний університет
імені Миколи Гоголя

САМОЙЛЕНКО Г.В.

**Творча спадщина М.Гоголя
на перетині епох**

Ніжин – 2009

УДК 821.161.1.09 Гоголь
ББК 83.3(4 Рос)5 + 63.3(4 Укр)
С 17

Рекомендовано Вченою Радою
Ніжинського державного університету імені Миколи Гоголя
Протокол №5 від 29.01.09 р.

Рецензенти:

д. філол. н., проф. *Кирилюк З.В.*,
д. філол. н., проф. *Арват Н.М.*

Самойленко Г.В.

С 17 Творча спадщина М.Гоголя на перетині епох. – Ніжин: Видавництво НДУ ім. М.Гоголя, 2009. – 210 с.

ISBN 978-966-7391-66-9

У книзі представлено статті, написані автором у різний час, які зачіпають проблеми, що торкаються життя і творчої діяльності М.Гоголя періоду його навчання у Ніжинській гімназії вищих наук кн.Безбородька, а також сприйняття і трактування окремих творів письменника, визначення їх ролі в житті читачів та глядачів. Книга адресована всім, хто цікавиться творчою долею М.Гоголя.

В книге представлены статьи, написанные автором в разные годы, затрагивающие проблемы жизни Н.Гоголя времени его учебы в Нежинской гимназии, творческого восприятия отдельных произведений писателя, определения их роли в жизни читателей и зрителей. Книга адресована всем, кто интересуется творческой судьбой Н.Гоголя.

ISBN 978-966-7391-66-9

ББК 83.3(4 Рос)5 + 63.3(4 Укр)
© Видавництво НДУ ім. М.Гоголя, 2009
© Самойленко Г.В.

Вместо предисловия

Из ответов на анкету "Гоголеведческих студий"

- 1. Какие были Ваши мотивы обращения к творчеству Гоголя?**
- 2. Самое большое Ваше удивление-открытие при изучении творчества Гоголя?**
- 3. Какие направления исследования творчества Гоголя Вам представляются перспективными сегодня?**

1. Жизнь складывалась как-то так, что Гоголь осознанно долго в ней не появлялся. Со школьных лет помню "Былое и думы" Герцена, а из студенческих – споры о судьбе героев "Евгения Онегина" А.Пушкина, в которых принимали участие в нашей университетской аудитории два академика – известный украинский поэт М.Рыльский и литературовед А.Белецкий, и о лермонтовских романтических поэмах, а также "Герое нашего времени", о творческом методе которых также остро спорили во Владикавказе крупные ученые-лермонтоведы в 1961 году. Свидетелем этих событий мне пришлось быть. До сих пор остались в памяти незабываемые лекции В.А.Капустина о романах И.Тургенева. А вот Гоголь в студенческие годы остался в стороне. Все это, конечно, зависело от наших профессоров – И.Я.Заславского и В.А.Капустина, которые были влюблены в своих кумиров, и эту любовь они пытались привить и нам, но Гоголь, видимо, не входил в их число.

Я открыл Гоголя, уже работая в школе: и на уроках, и во время подготовки школьных спектаклей, и в походах по гоголевским местам. Более осознанно и с интересом стал проникать в мир гоголевских произведений, когда начал работать в Нежинском педагогическом институте. Много открывалось заново, захватывало гоголевское мастерство лепки художественного образа, умение Гоголя создавать яркий пластический рисунок и его проникновение во внутренний мир персонажей, привлекал внимание и язык писателя, материальность и предметность его мира. И, конечно же, готовясь к лекциям, перечитывая каждый раз художественные тексты Гоголя, постоянно открывал что-то новое.

Систематическое, углубленное, научное осмысление всего наследия Гоголя началось в 1979 году, когда в Нежинском педагогическом институте по нашей инициативе была проведена впервые за многие годы Всесоюзная Гоголевская конференция, посвященная 170-летию со дня рождения писателя, на которую съехалось более 150 ученых со всех уголков страны. Это было необычайно теплое, творческое единение людей, влюбленных в творчество Гоголя. Конференция и дискуссии на ней определили основные направления в изучении наследия Гоголя на кафедре, которую я возглавлял. Гоголевская тема стала на долгие годы основной в научной работе и моей, и моих коллег.

2. Всегда поражала многогранность Гоголя. Сколько написано о Гоголе, а его творчество, как тот свежий, чистый источник, остается неиссякаемым. Не перестает удивлять гоголевское восприятие мира. На нем печать опыта и сознания украинца. Это наблюдаешь не только в ранних повестях Гоголя, но и в "Ревизоре", и даже в "Мертвых душах".

Изучение жизни и творчества Гоголя нежинского периода много открывает в понимании психологии писателя. Мемуары соучеников подают образ таинственного, загадочного юноши, наделенного тонким артистизмом, с легкостью меняющего маски в зависимости от ситуации, а одновременно болезненно ранимого. По-разному эти черты будут проявляться на протяжении всей жизни, но достаточно ярко они обозначились уже в юношеские годы.

Мир жизни и творчества Гоголя открыт для исследователей. Каждый по-своему будет открывать его. Крупный исследователь языка произведений Гоголя, проф. Н.Н.Арват, как-то сказала в частной беседе: "Гоголя необходимо читать ранним утром, тогда внешние раздражители не будут мешать девственно чистому восприятию текста". Последуем этому мудрому совету и будем удивляться находкам Гоголя и открывать как для себя, так и для других неповторимый удивительно яркий, колоритный, пронзенный юмором и злой сатирой мир писателя.

3. Думается, любое, способное помочь глубже познать Гоголя.

Работая над составлением гоголевской библиографии XX века, осмысляя, что сделано литературоведами Западной Европы и стран бывшего Советского Союза, замечаем, что в последнее десятилетие проявился особый интерес к религиозно-нравственным проблемам, определившим во многом и интерпретационные поиски. Убежден в продуктивности этого направления. Требуется современного и систем-

ного истолкования проблема "Гоголь в искусстве". Назрела необходимость создания научной многотомной биографии Гоголя и летописи его жизни и творчества. Такие труды могли бы обогатить современное гоголеведение.

В предложенной читателю книге собраны некоторые статьи о Гоголе, написанные нами в разное время и охватывающие различные проблемы, которые остаются, как нам кажется, современными и сегодня. Читатель находит в произведениях Гоголя всегда много такого, что ему близко, в какое бы историческое время он не жил.

**Н.ГОГОЛЬ
В НЕЖИНСКОЙ
ГИМНАЗИИ
ВЫСШИХ НАУК
КН.БЕЗБОРОДКО**

Бытовая и учебная жизнь Гимназии высших наук кн.Безбородко в нежинских письмах Н.Гоголя

Николай Гоголь-Яновский принадлежал к старинному козачьему роду, который в силу исторических перемен в XVIII в. перешел в разряд дворянских. Его отец Василий Афанасьевич в начале XIX века был небогатым помещным дворянином. Имея двух сыновей, Николая и Ивана, он старался дать им образование. Поэтому в 1819 г. он отправил их учиться в Полтавскую гимназию. Но в 1820 г. умер младший сын, Иван. Николай очень переживал смерть брата. Василий Афанасьевич понимал, что сыну необходимо получить образование. Именно в это время в Нежине открывалась Гимназия высших наук кн.Безбородко. Он старался более подробно узнать об этом учебном заведении, а поэтому дважды обращался непосредственно к директору В.Г.Кукольнику. Не получив ответа на первое из писем, Василий Афанасьевич отправил с нарочным второе письмо от 12 февраля 1821 г. В нем он сообщал: "...Вторично осмеливаюсь писать к Вам уже с нарочным, через коего всенижайше прошу Вас, Милостивый Государь, удостоить меня Вашим извещением, могу ли я быть столько счастливым, чтобы воспитать моего сына под Вашим покровительством – не лишите, Почтеннейший муж! – меня сего благополучия – и верьте, что никто в свете не будет Вам более меня благодарным.

Признаюсь Вам, что я сына моего совершенно уже приготовил к отдаче в Нежинский пансион в число своекоштных воспитанников; но по слабости моего здоровья не решаюсь его представить к Вам, покуда не буду уверен, что он будет Вами принят. В сей то крайности я осмеливаюсь столько Вас беспокоить..." [1]. За разъяснениями Василий Афанасьевич обращался и к своим соседям Григорию Кидтяцу и Михаилу Щербаку, которые также хотели отправить учиться своих детей в Нежин. Наконец, 18 февраля 1821 г. из Управления гимназией пришло письмо, в котором сообщалось, что "по желанию Вашему сын Ваш может быть принят в число воспитанников Гимназии на известных Вам касательно того условиях" [2].

Итак, 1 мая 1821 г. Николай Гоголь был зачислен в Гимназию, в которой он учился до 27 июля 1828 г. Современники Н.Гоголя поразному рассказывают о его появлении в Нежине. П.Кулиш романтизирует этот приезд: "Гоголь представляется нам красивым белокурым мальчиком, в густой зелени сада Нежинской гимназии у вод поросшей камышом речки, над которой взлетают чайки, возбуждавшие в нем грезы о родине. Он – любимец своих товарищей, которых привлекала к нему его неистощимая шутливость..." [3].

Совершенно в противоположных тонах рассказывает о появлении Н.Гоголя гимназист В.Любич-Романович: "Хохота у нас было не мало, когда мы увидели, что из хохлацкой простой брички, заложеной двумя волами и сопровождаемой только одним усачем-запорожцем, выкатили какой-то странный сверток, не то тюк, не то узел какого-то домашнего скарба, завернутый в платки и одеяла и увязанный поперек кушаками и шальями, и при помощи сопровождавшего его усача вкатили к нам в лицей. Распакованный перед нами узел этот, оказалось, содержал в себе небольшого роста худенького молодого человека, похожего на пигалицу, с тонким длинным носом, из которого что-то сочилося. Все лицо нашего нового товарища было покрыто какими-то прыщами и представляло собою сплошную болячку, не то оспенного больного, не то худосочного субъекта. Из ушей у него также текла какая-то жидкость, хотя уши и были заткнуты большими комками просмоленной пакли..." [4].

В этих словах, сказанных через 50 лет после увиденного уже престарелым наблюдателем, ощущается пренебрежительное к своему товарищу отношение, которое у автора воспоминаний, представителя аристократической прослойки Гимназии, останется на долгие годы. Но это единственная отрицательная характеристика юного Гоголя, которая встречается в воспоминаниях о нем и которая, к сожалению, тиражировалась некоторыми исследователями как достоверный источник.

Гоголь-ребенок после смерти брата Ивана был травмирован, болел. И родители действительно беспокоились о его состоянии здоровья. Оказавшись вдали от родных, от обычной обстановки, Гоголь трудно привыкал к новым условиям жизни. Не имея достаточных средств платить за обучение сына, отец Гоголя добился у попечителя Гимназии А.Кушелева-Безбородко перевода Николая на казенный счет.

Первые письма Гоголя 1821 года наполнены скорбными, печальными тонами, и это понятно, потому что Никоша, так называли Гоголя в семье, был оторван от близких.

Первое письмо от 10 июня 1821 года поразительное. Гоголь благодарит дражайших родителей Папинуку и Маминуку за их родительское к нему "попечение". Сообщает, что благодаря Богу он здоров и этого желает родным. В этом коротком письме есть несколько любопытных деталей.

"Платие нам будут шить после каникул, – сообщает Гоголь, – но как во мне недостаток в платье, то Егор Иванович заказал мне сделать летнее платие" [5]. Василий Афанасьевич, оставляя сына в Гимназии, просил Егора Ивановича Зельднера, надзирателя и преподавателя немецкого языка, чтобы тот наблюдал за Никошей и помогал ему. Письма Зельднера к отцу Гоголя свидетельствуют, что он добросовестно исполнял эти поручения.

"За мною присылайте на каникулы 20 июня", – сообщает Гоголь. Он здесь допускает ошибку, потому что переводные экзамены за второй класс проходили с 20 по 28 июня. Гоголь учился только 1 месяц, так как был зачислен 21 мая. 24 ученика второго класса сдавали экзамен по 10 предметам. С ними сдавал эти предметы и Гоголь. По Закону Божьему и Священному Писанию он получил отличные оценки, по остальным предметам (русскому языку, арифметике, географии, истории, латинскому и немецкому языкам) – удовлетворительные, а по французскому языку и рисованию – неудовлетворительные. Экзаменационная комиссия решила оставить Гоголя во втором классе. И это правильно, ибо Гоголь смог ознакомиться с обстановкой, лучше усвоить материал по предметам. Это подтверждают и результаты полугодовых экзаменов за второй класс, которые проходили в январе 1822 года. Из 10 предметов 7 были оценены отличными оценками (арифметика, география, история, логика, латинская и немецкая грамматика), а по Закону Божьему и российской грамматике получил "хорошо". Лишь по французской грамматике у него была удовлетворительная оценка. Общий балл при четырехбалльной системе отметок комиссия выставила 4 (протокол от 24 января 1822 года).

"Мне было очень грустно в разлуке с вами". Эта мысль пронизывает несколько писем, написанных Гоголем после окончания первых его каникул и возвращения на учебу в Нежин. Но это временное и объяснимое состояние. Особенно большой переполох вызвало пись-

мо от 14 августа 1821 г., в котором Гоголь жаловался на свое здоровье. Мария Ивановна сообщала своей родственнице О.Д.Трощинской: "Возвратившийся из Нежина посланный несколько успокоил меня насчет моего Николеньки; он затосковал было, а теперь начал привыкать и сделался веселее" [6]. В последующих письмах он уже извинялся за подобные жалобы. Он сообщал новости, в частности, о приезде нового директора доктора Орлая, просил выслать необходимые учебники, по которым занимались в Гимназии. Правда, он не подумал: а где могли приобрести родители эти книги?

В письме от 10 декабря 1821 года имеется любопытная приписка: "Ежели угодно вам будет, что я учился танцевать и играть на скрипке и фортепиано, так извольте заплатить 10 рублей в месяц, я уже подписался хотевшим учиться на сих инструментах, также и танцеванию, но не знаю как вам будет угодно" [Т. X, с. 37]. Он некоторое время брал уроки игры на скрипке у учителя музыки, пения и танцев Федора Емельяновича Севрюгина. Хотя в ведомостях по этим предметам Гоголь-Яновский нигде не числится.

Гоголю идет тринадцатый год, расширяются его интересы, но детские поступки остаются. В письмах встречаются довольно частые разнообразные просьбы: "Прошу вас, дражайшие родители, прислать мне сколько-нибудь денег, потому что у меня они вовсе сошли, так что я найдусь принужденным занять, да и займы достать негде, а мне надо ужасно, а особливо в теперешных моих обстоятельствах. Также ежели б еще прислали чего-нибудь из съестных припасов, как маминька еще тогда обещались прислать сушеных вишен без косточек. Но мне хоть чего-нибудь и похуже, а много ежели это" [Т. X, с. 41].

Просьбы выслать деньги, съестные продукты, книги встречаются во многих письмах. Письма свидетельствуют, что он рвался домой, к семье, в родные места: "Я уже почти собрался, уклал все свое имущество и ожидаю со дня на день сего времени: уже вижу все милое сердцу – вижу вас, вижу милую Родину, вижу тихий Псел, мерцающий сквозь легкое покрывало, которое я сброшу, наслаждаясь истинным счастьем, забыв протекшие быстро горести. Одна счастливая минута может вознаградить за годы скорбей" [Т. X, с. 47–48].

Приступивший к исполнению своих обязанностей директор Гимназии И.С.Орлай на первом заседании Конференции 8 ноября 1821 года огласил план устройства учебного заведения, согласно которому все воспитанники соответственно уровня их подготовки были поделе-

ны на 6 разрядов (принципаты, грамматисты, синтаксисты, риторы, пииты, эстетики).

Надзиратели были обязаны общаться с воспитанниками во время дежурства только на немецком или французском языке.

1 ноября 1824 года И.С.Орлай предложил разделить гимназистов каждого музея (комната для подготовки домашних занятий) на три разряда в соответствии с уровнем овладения иностранными языками ("хорошо объясняющихся, посредственно, плохо и ничего не знающих") [7]. Надзиратели должны были докладывать инспектору, а инспектор – директору об успехах учащихся в изучении языков. В Нежинском архиве сохранились ведомости успеваемости за каждый месяц по соответствующим предметам. В конце полугодия устраивались испытания по новым языкам в присутствии директора и всех чиновников Гимназии. При этом следует заметить, что И.С.Орлай ввел систему изучения языков по 4 отделениям. В каждое отделение зачислялись дети разных классов в зависимости от их знания языка.

22 января 1822 г. Конференция Гимназии приняла решение вместо существующих учебных отделений учредить классы, а также ввести 4-бальную систему оценивания знаний. В протоколе Конференции было сказано: "...для отчисления превосходных успехов брать цифру 4-ю, хорошо – 3-ю, посредственно – 2-ю, слабейших – 1-ю".

В июне 1822 г. почетный попечитель граф А.Г.Кушелев-Безбородко сообщил директору Гимназии о его намерении направить "несколько детей греческих семейств, ныне по смутным обстоятельствам находящихся в Одессе" и "содержать их на свой счет". Так в Гимназии появились Константин Базили, Стефан Гютен, Иван Сканави, Егор Ксенис, Иван Агало, Филипп Котопули, хотя только С.Гютен и Е.Ксенис закончили Нежинскую гимназию. Остальные продолжили учебу в Одессе и других городах.

Константин Базили стал одним из близких друзей Н.Гоголя.

Руководство Гимназии обращало внимание на организацию жизни учащихся внутри учебного заведения, на подготовку домашних заданий, на их быт и досуг. Всех пансионеров разделили на 4 спальни по 15 человек во главе с надзирателем и прислугой, которая убирала помещения, застилала кровати, наводила порядок. Спальни были переведены со второго на третий этаж северной стороны здания. Николай Гоголь был определен в третью спальню вместе с С.Кохановичем, И.Кобеляцким, Н.Миллером, В.Любичем-Романовичем, Н.Ду-

митрашко, Н.Данченко, Н.Григоровым, П.Матушинским, А.Миницким, И.Халчинским, Г.Бордовским, А.Пузыревским, П.Богаевским. Надзирателем в спальне был Е.И.Зельднер, а служкой – Н.Строганов. В одной спальне размещались ученики разных классов. Рядом со спальнями в небольших комнатах жили слуги некоторых недорослей, среди них и Симон Стекоза, представленный для присмотра Николая Гоголя его отцом в 1821–1826 гг. С согласия Василия Афанасьевича крепостного слугу в Гимназии использовали в качестве повара без оплаты труда. Сначала цирюльником, а потом фельдшером работал крепостной человек пансионера Николая Григорова Евлампий Поляков. Николай Гоголь в письме к родителям от 14 августа 1821 года писал: "Не забудьте также доброго моего Симона, который так старается обо мне, что не прошло ни одной ночи, чтобы он не увещевал меня не плакать об вас, Дражайшие родители, и часто просиживал по целой ночи над мною, уже его просил, чтобы он пошел спать, но никак не мог принудить" [Т. X, с. 35].

Директора Гимназии интересовала не только судьба пансионеров, но и вольноприходящих. Он дал распоряжение надзирателям Е.И.Зельднеру и А.И.Аману обходить несколько раз в неделю их квартиры с целью изучения условий жизни учащихся.

Для того чтобы стимулировать детей к учебе, И.С.Орлай предложил организовать между ними "благородное соревнование", сущность которого сводилась к тому, чтобы: "1) размещать учеников каждый месяц в соответствующих классах по результатам успеваемости, выставленным профессорами, на определенном месте: превосходные сидели по старшинству на 1-й скамейке, хорошие – на 2-й, а посредственные – на 3-й и так далее; такое старшинство наблюдать и при столе; 2) из числа превосходных и благонравнейших учеников назначать аудиторов, которых преимущество должно стоять в том, что им подчиняется несколько соучеников, от которых они спрашивают отчеты в уроках и замечаниях классических и о исправности или неисправности их подают каждый класс записки господам профессорам; 3) превосходнейших и благонравнейших учеников делать старшими и вне класса, как то в музеях и прогулках, поручая им смотрение над известным числом их сотоварищей, которым они во всякое свободное время должны задавать изустные вопросы на выученное в классе и таким образом делать с ними повторение, а в случае их упорства и непослушания доводить до сведения дежурного надзира-

теля или инспектора; 4) но чтобы старшие и аудиторы не могли ослабевать по беспечности в своем учении, и посредственные имели надежду быть старшими, позволить всем ученикам беспрепятственно просить посредством испытания или состязания о высшем месте; и если гг. профессора такое прошение признают совершенно справедливым, они перемещают просителя на просимое место, а бывшего на одном перемещают на место просителя" [8].

Это предложение директора было внедрено в жизнь профессорами. Показательным в этом отношении есть судьба гимназиста Александра Рославского-Петровского, который блестяще знал латинский язык и был назначен его аудитором-аудиторов всего отделения с предоставлением ему первого места на передней скамье. По словам самого А.Рославского-Петровского, "этот суровый преподаватель имел обыкновение для возбуждения соревнования в своих слушателях, от времени до времени рассказывать их по местам, соответственно степени оказанных ими успехов, причем масштабом главным образом служило число ошибок, сделанных в письменных переводах с русского языка на латинский, происходивших ежемесячно в присутствии профессора" [9].

Кроме соревнования аудиторов, И.С.Орлай предложил также завести две книги: одну для награды отличных (*librum honoris*), а другую, черную, для наказания неисправляющихся (*librum dedecoris*), в которые по истечении каждого месяца должны были вписывать имена учеников в каждую из книг и читать в общем зале перед всеми учениками. Как свидетельствуют архивные материалы, 28 августа 1826 г. Конференция приняла решение об учреждении в Гимназии "Книги чести" (*Liber Honores*).

Согласно этого решения Конференции 7 ноября 1826 года впервые на общем собрании Гимназии воспитанники А.Власенко (9 класс), А.Божко (8 класс), К.Базили (7 класс) собственноручно вписали свои имена в "Книгу чести".

Директор И.С.Орлай интересовался преподаванием всех предметов. После знакомства с программой он давал советы и делал распоряжения, как исправить недостатки. Эти советы всегда были конкретны. Об этом свидетельствуют указания, касающиеся изучения русской словесности, которую читал проф. П.И.Никольский.

Для поощрения учащихся использовалась форма публичного экзамена. Конференция Гимназии определяла, кто из учащихся допус-

кался к этому испытанию и по какому предмету. Так, 29 июня 1826 г. гимназисты на таком экзамене по словесности читали оду Горация на латинском языке, отрывки из трагедии Расина на французском, а баллады Ф.Шиллера – на немецком, лучшие места из Гомеровою "Илиады" – по-гречески.

Иногда такие экзамены носили характер праздничного мероприятия. Так, 25 июня 1828 г. ко дню рождения царя Николая I был проведен публичный экзамен по "свободным искусствам", на котором Н.Кукольник прочел свой гимн в честь Его Императорского Величества, а гимназисты-выпускники А.Пузыревский и А.Данилевский исполнили танец "Матлот". Состоялся также поединок на рапирах и саблях учителя фехтования О.Д.Урсо с выпускниками А.Данилевским, Н.Григоровым и Н.Миллером [10]. В это же время проходил и экзамен по российской словесности. На нем звучали ответы гимназистов на вопрос "Об основных правилах словесноизящных произведений и о критике" с чтением своих сочинений. Проф. П.И.Никольский прочитал свою оду в честь "ожидаемого шествия через Нежин Его Императорского Величества".

На публичном выпускном экзамене зачитывался список гимназистов, "кто из окончивших полный курс учения и в какой степени удостоен от Конференции Гимназии".

Успеваемость гимназистов была всегда в центре внимания администрации. Ею интересовался и почетный попечитель граф А.Г.Кушелев-Безбородко, когда бывал в Нежине. В письме директору И.С.Орлаю от 18 сентября 1823 года он сообщал: "Приятным долгом почитаю объявить Вашему Высочородию, что во время пребывания моего в Нежине и обревизовании хода Гимназии высших наук князя Безбородко замечены мною большие успехи воспитанников со времени моей ревизации как в науках, так и языках – в экзаменах, проводимых мною, я нашел, что воспитанники в классах: математики, истории, словесности и языках, большею частью ясно понимают и объясняют предметы, что доказывает старание гг.профессоров и ваше попечение" [11].

Ведомости текущей успеваемости зафиксировали ход ежемесячных итогов, которые свидетельствуют о разном отношении гимназистов к занятиям. Часто текущие оценки были значительно ниже, чем экзаменационные.

Что касается учебы Гоголя, то в литературе о писателе нередко встречаются утверждения, что Николай Васильевич учился плохо. Это не верно. Здесь надо учитывать, что в Гимназии действовала четырехбалльная система оценивания знаний и оценки шли от 4 баллов до 1.

В Нежинском архиве сохранились все ведомости учебных занятий и экзаменов, которые подтверждают мысль, что Гоголь учился неровно, имел разные оценки в течение года. Сосредоточившись, он всегда сдавал большинство предметов на экзаменах на "отлично" и "хорошо". В письме от 28 марта 1824 г. И.С.Орлай писал Василию Афанасьевичу, с которым тот был знаком как сосед по имению (познакомились они у Д.Трощинского в Кибинцах, хутор Михайлодар находился недалеко от Васильевки, и отец Гоголя присматривал за ним) об успехах гимназистов: "К великому моему удовольствию могу Вас уведомить, что питомцы из Полтавской губернии верх берут над другими. В 7-м классе Редькин из Ромен занимает первое место как по успехам в науках и языках, так и по поведению; Баранов из Сорочинцы в том же классе после полугодичного испытания занял второе место и состязается с Редькиным о первенстве; Бороздин в шестом классе в числе превосходных; Пашенко в третьем классе первенствует; Данилевский в пятом классе превосходный, Полторацкий во втором классе превосходный и Забелла в том же классе взял верх над всеми. Жаль, что Ваш сын иногда ленится, но когда принимается за дело, то и с другими может поравняться, что и доказывает его отличные способности" [12].

Нельзя согласиться с утверждением исследователя П.Е.Щеголева, который на основании воспоминаний И.Г.Кулжинского утверждал, что будто бы "учебные занятия были самой незначительной стороной гимназической жизни Гоголя. Подходящим определением его отношения к школьному знанию и учению будет сказать, что он не обращал внимания на учение. Нам известны его отметки, но, право, о них не стоит и говорить: до того жалок этот материал для биографии Гоголя. Обязательные занятия стояли у мальчика на втором плане. По обычной школьной терминологии, он плохо учился и плохо вел себя" [13]. Этот вывод все же не подтверждается документально.

Вот текущие оценки Гоголя в 5 классе:

Август 1823 г. – Закон Божий, алгебра, геометрия, латинский немецкий языки – "2", география, французский язык и рисование – "3",

русская словесность, история – "4". Средний балл успеваемости $2\frac{6}{9}$ ".
Общее поведение – "3".

Сентябрь 1823 г. – алгебра, геометрия, латинский и немецкий языки – "2", Закон Божий, география, французский язык – "3", российская словесность, история – "4". По рисованию – не аттестован. Средний балл успеваемости $2\frac{7}{9}$ ". Общее поведение – "3".

Октябрь 1823 г. – Закон Божий, алгебра, геометрия, латинский и французский языки – "2", рисование – "1", остальные предметы – "4". Средний балл успеваемости $2\frac{8}{9}$ ". Общее поведение – "3".

Ноябрь 1823 г. – алгебра – "1", Закон Божий, геометрия, латинский и французский языки – "2", российская словесность, история, геометрия, немецкий язык, рисование – "3", география – "4". Средний балл успеваемости $2\frac{5}{9}$ ". Общая оценка по поведению – "4".

Декабрь 1823 г. – Закон Божий, латинский, немецкий языки и рисование – "2", российская словесность, алгебра, геометрия, французский язык – "3", история и география – "4". Средний балл успеваемости $2\frac{8}{9}$ ". Общее поведение – "4".

Январь 1824 г. – немецкий язык – "1", латинский и французский языки – "2", Закон Божий, российская словесность, всеобщая история, география, алгебра, геометрия и физика – "3", русская история – "4". Средний балл – $2\frac{7}{10}$ ". Общая оценка по поведению – "2".

Февраль 1824 г. – немецкий язык – "2", российская словесность – "4", остальные предметы – "3". Средний балл успеваемости – "3". Общая оценка по поведению – "1" (по представлению инспектора К.А.Моисеева за "неопрятность, шутовство, упрямство, неповиновение").

Март 1824 г. – французский язык – "2", русская история – "4", остальные предметы – "3". Средний балл успеваемости – "3". Общая оценка по поведению – "4".

Апрель 1824 г. – российская словесность, всеобщая и русская история, география – "4", остальные предметы – "3". Средний балл успеваемости – $3\frac{4}{10}$ ". Общая оценка по поведению – "4".

Май 1824 г. – Закон Божий, российская словесность, география, всеобщая и русская словесность – "4". Остальные предметы – "3". Средний балл успеваемости – $3\frac{5}{10}$ ". Общая оценка по поведению – "4".

Июнь 1824 г. – Закон Божий, русская история, алгебра, география, физика – "4", российская словесность, всеобщая история, география,

иностранные языки – "3". Средний балл успеваемости – "3⁴/₁₀". Общая оценка по поведению – "4" [14].

Конечно, современному читателю сразу же бросается в глаза "2", "3", но ведь все это по тогдашней системе оценивания знаний положительные оценки и "тройки", "четверки" преобладают. Поэтому и итоговые оценки в целом высокие.

Ведомости за шестой класс свидетельствуют, что в первом полугодии 1824/1825 уч. года Гоголю был выведен средний балл по девяти предметам – "3", т.е. хорошо, а во втором – три с половиной, что обозначало "довольно хорошо". Если посмотреть на отметки 1828 г., то с каждым месяцем они улучшались. Хотя результаты за год были выражены отметкой 2¹/₂, удовлетворительно. На экзаменах он получил общую оценку 4 не только по наукам, но и по языкам.

Из 26 предметов, которые Гоголь изучал в девятом классе, по 21 были отличные и хорошие, а по остальным – удовлетворительные оценки. Успешно он сдал и выпускные экзамены.

Гоголь рассказывает в письмах и о своих увлечениях, в частности игрой на скрипке, танцами, рисованием ("ежели бы вы увидели, как я теперь рисую"), подготовкой к театральным постановкам. А в связи с этим возникают и новые просьбы ("пришлите полотна и других пособий для театра", "прошу вас покорнейше прислать мне для рисования тонкого полотна несколько аршин" и т.д.).

Смерть отца, "лучшего отца, вернейшего друга", Гоголь перенес "с твердостью истинного христианина". В письме от 23 апреля 1825 г. он поддерживает мать, вселяет веру, что судьба не оставит ее. "Вам посвящаю всю жизнь свою. Буду услаждать ваши каждые минуты. Сделаю все то, что может сделать чувствительный, благодарный сын" [Т. X, с. 53].

Гоголь уверен в помощи Всевышнего: "Благословляю тебя, священная вера! В тебе только я нахожу источник утешения и утомления своей горести!" [Т. X, с. 53]. Он беспокоится о здоровье мамочки и сестер, и когда долго не было писем, очень волновался, переживал, не находил себе места, непрерывно бегал на почту. "Каждая минута просрочки меня будет мучить" [Т. X, с. 54], – заявляет в одном из писем Гоголь. В другом письме: "Мое нетерпение увеличивается, мне хочется вас видеть, слышать, хочется говорить с вами, но пространство разлучает нас. Говорите хоть со мною письменно! Сделайте милость, скорее только пишите, прошу вас, умоляю. Ах вы не знаете, в

каком беспокойстве теперь я нахожусь. И днем и ночью мысли об вас наполняют мою душу" [Т. X, с. 55].

Отсутствие или задержка ответа порождают у юноши Гоголя тревожные предчувствия, печальные мысли, беспокойство, сможет ли мать выдержать сама такое горе. И он, как любящий сын, обращается к матери:

"Сделайте милость, я вас прошу, молю, заклинаю всем, что есть свято, что осталось еще любезным для вашего сердца, заклинаю вас именем ваших детей, которые не могут жить без вас, отвечайте мне, не мучьте меня мрачной неизвестностью" [Т. X, с. 59].

Все большое письмо от 26 мая 1825 г. пронизано глубокой печалью об утрате отца, о горе матери, о его, сына, горе. Гоголь просит, умоляет мать: "утешьтесь хоть немного, живите для нас, верьте, что вы никогда не будете иметь огорчения. Мы постараемся уславить, сколько можно, вашу драгоценную для нас жизнь" [Т. X, с. 56]. Он надеется на скорую встречу во время каникул, которая, как "целительный бальзам, прольет отраду в изнывшее сердце", которое "всегда останется привязанным к священным местам Родины" [Т. X, с. 57].

Эмоциональная насыщенность этих писем объяснима, хотя Гоголь, которому уже исполнилось 16 лет, должен был понимать, что после смерти отца мать одна осталась с маленькими детьми (Машенька, Анинька, Лиза, Таня, Оленька, которая родилась за несколько недель до смерти отца) и ей было страшно тяжело, ибо все заботы о доме, хозяйстве легли на ее еще не до конца окрепшие плечи. Более того, в Васильевке и в дворне свирепствовала какая-то заразная болезнь. В скором времени после смерти мужа умерла трехлетняя дочь Таня. Мария Ивановна и сама была озабочена душевным состоянием сына. Поэтому просила товарища Гоголя по Гимназии Петра Баранова, сына соседа по имению, присмотреть за Никошей.

Все письма Гоголя к матери проникнуты теплотой и глубоким уважением. Они свидетельствуют об искренности сыновних чувств, проникновенности любви, благодарности. И Гоголь со своей стороны пытается сделать матери приятное: "постараюсь к вам привезть несколько своих произведений, также хорошеньких картинок своей работы: дары скудные, но они от чистого сердца, и их приносит нежный, чувствительный сын" [Т. X, с. 59].

Пребывание Гоголя в семье вместе с родными несколько успокоило его, и в последующих письмах не ощущается той ностальгии, которая заметна была раньше. Он сообщает о некоторых новостях, которые происходят в Гимназии, о выполнении заказов для Андрея Андреевича Косяровского, в частности, покупке каракатиц и т.д.: "Не знаю, дражайшая маминька, что бы вам сказать о наших происшествиях: нового у нас так мало, причательного и того менее; притом мы живем теперь совершенно в глуши, никто не посещает наш бедный Нежин. Скажу вам только, что наш Иван Семенович едет (хотя не так скоро) в Одессу, в тамошний лицей" [Т. X, с. 62]. В другом письме: "Совершенно ничего нет, все пусто, и Нежин наш заснул в бездействии" [Т. X, с. 71].

Гоголь больше интересуется домашними хозяйственными делами, строительством, предлагает свои услуги. "Ежели нужно будет фасад или план, то сделайте милость, известите меня немедленно, и уже фасад будет немедленно хорош... и фасад, и план будет тщательно нарисован и по первой же почте без замедления прислан", – пишет он 20 августа 1826 г. Среди рисунков писателя сохранились и рисунки построек дома. Он дает советы: "Когда окончится полевая работа, то не худо бы приняться отыскивать глины, годной для черепиц. Я не знаю, что может быть полезнее, как завести этакую завод. Крыша, ими укрытая, издержками не превышает соломенной, зато какая выгода в прочности. Черепичная крыша лет пятьдесят и более не требует подчинки, притом как красивы под нею будут строения, не надо никогда деревянной. Да притом и деревянная далеко ей уступает в прочности и крепости. Под эту крышею конюшни, амбары, все приняло бы другой вид и вековую несломаемость" [Т. X, с. 71].

Не часто в письмах Гоголя найдешь теплые слова о Гимназии и ее преподавателях. С появлением в Нежине профессора естественного права Н.Г.Белоусова, который занимал также должность инспектора, все изменилось. Он полюбил этого преподавателя, и это ощущается в тех характеристиках, которые встречаются в письмах. В письме от 16 ноября 1826 года Гоголь пишет: "Вы просите известить, кто теперь директор у нас; директора у нас нет, и желательно, чтобы совсем не было. Пансион наш теперь на самой лучшей степени образования, на степени такой, до какой Орлай никогда не мог достигнуть, и этому всему причина – наш нынешний инспектор; ему обязаны мы своим счастьем; стол, одеяние, внутреннее убранство комнат, заве-

денный порядок, этого всего вы теперь нигде не сыщете, как только в нашем заведении. Советуйте всем везть сюда детей своих: во всей России они не найдут лучшего. – Должность директора исправляет профессор физики и химии Шапалинский" [Т. X, с. 77].

В некоторых письмах проскальзывают сведения о той или другой книге, приобретенной им для углубления своего самообразования. В письме от 13 сентября 1827 г. к Петру Косяровскому Гоголь расхваливает "Математическую энциклопедию" Перевощикова, удивляясь тому, как можно увлекательно, просто и ясно разъяснять самые сложные математические исчисления, что дитя в состоянии понимать его, и сожалеет, что это не сделано в учебных книгах.

С восхищением говорит о предмете "Полевая фортификация", которую читал профессор К.Шаполинский, рассказывает о военных походах полководцев, об ошибках и успехах в разработке сражений, планов войны. И эта информация подается естественно, потому что сам условный собеседник – дядя Петр Петрович, который собирается связать свою судьбу с армией, располагает к этому.

Более всего информации о жизни в Гимназии находим в письмах к Герасиму Высоцкому, выпускнику 1826 года, с которым дружил Гоголь. Он был на два курса старше Гоголя. Сблизились они в Гимназии. Как заявляет Гоголь, сердце его ни к кому так не привязывалось, как к нему. "С первоначального нашего здесь пребывания уже мы поняли друг друга, а глупости людские уже рано сроднили нас; вместе мы осмеивали их и вместе обдумывали план будущей нашей жизни" [Т. X, с. 80]. Письма эти отличаются откровенностью, желанием поделиться сведениями о знакомых, о том, чем живет Гимназия.

Три письма – от 17 января, 19 марта и 26 июня 1827 года. Все они не только источник информации о Гимназии, но и плод размышлений 18-летнего юноши о жизни, о своем положении в обществе гимназистов. В первом письме он упоминает об их общих знакомых – Лукашевиче, который перевелся в Одесский Ришельевский лицей вслед за И.С.Орлаем, А.Данилевском: "не знаю, куда понесет его, здесь он весьма худо вел себя" [Т. X, с. 81]. Ведь А.Данилевского вместе с П.Мартосом исключили из Гимназии за распространение вольнолюбивых стихов, и он устроился в Московском университетском пансионе, о чем не знал ещё Гоголь.

Рассказывал Гоголь и о пансионе, который находился в "самом благородном состоянии", благодаря инспектору Н.Г.Белоусову, что к

Масленице затевают театр и т.д., здесь же названо несколько проходных фамилий и прозвищ, в частности Михаила Риттера, который бывал в гимназической среде как "Барончик, Доримончик, фон-Фонтик, Купидончик, Мишель Дюсенка, Хопцики" (авторство некоторых прозвищ принадлежит Г.Высоцкому), учителя Закона Божьего П.И.Волынского – "батюшечка", с которым были неоднократные конфликты, а также упоминает учителя фехтования О.Д.Урсо, сторожей гимназии Мыгалыча и Бадьяна, однокурсников Гоголя Андрея Божко и Николая Миллера.

В следующем письме он снова благоговеет перед Н.Г.Белоусовым, благодаря которому "в пансионе у нас теперь весело. Все возможные удовольствия, забавы, занятия доставлены нам". "Я не знаю, можно ли достойно выхвалить этого редкого человека. Он обходится со всеми нами совершенно как с друзьями своими, заступает за нас против притязаний Конференции нашей и профессоров-школяров. И, признаюсь, ежели бы не он, то у меня недостало бы терпения здесь окончить курс – теперь по крайней мере могу твердо выдержать эту жестокую пытку, эти 14 месяцев" [Т. X, с. 85].

Очень интересны сообщения Гоголя о театральных спектаклях, которые были устроены в Гимназии на Масленице. Снова идут с сатирическими характеристиками имена некоторых общих знакомых гимназистов, преподавателей, а также сведения о беспрестанном движении между греками, проживавшими в это время в Нежине, которые "шумят, спорят в магистрате, хотят нового образа правления и прошедшую субботу мятежные сенаторы самовольно свергнули архонта Бафу, а на его место и в сенаторское достоинство возвели до того неизвестного Афендулю" [Т. X, с. 87].

Гоголь шутит, каждая фраза обрастает какими-то намеками, сатирико-юмористическим подтекстом. "Теперь у нас происходят забавные истории и анекдоты с Иваном Григорьевичем Кулжинским. Он теперь напечатал свое сочинение под названием "Малороссийская деревня". Этот литературный урод причиною всех его бедствий: когда он только проходит через класс, тотчас ему читают отрывки из "Малороссийской деревни", и почтенный князь бесится, сколько есть духу; когда он бывает в театре, то кто-нибудь из наших объявляет громкогласно о представлении новой пьесы; ее заглавие: "Малороссийская деревня, или Закон дуракам не писан", комедия-водевиль. Несколько раз прибегая к покровительству и защите Конференции и наконец

видя, что его жалобы худо чувствуют, решился унизительно и смиренно просить нашей милости не рушить стихотворное его спокойствие и не срамить печатный бред его, а особливо не запирать его в канцелярии с майором Шишкиным, как до сего делано" [Т. X, с. 88].

Гоголь в письмах к Г.Высоцкому интересуется петербургской жизнью, всеми бытовыми деталями. Он готовит себя к ней. Он даже мысленно, в воображении бродит улицами столицы, любит ее красотою. Все это романтическое восприятие будущего, его интересуют и реалии повседневной жизни: цены на продукты, квартирная плата, продолжительность рабочего дня служащих, зарплата.

Третье, как и предыдущие письма, наполнено восторженными словесными выражениями, связанными с чувствами дружбы, разлуки – всего того, что бывает на расстоянии и находит воплощение в письменном виде, но исчезает при непосредственном общении.

Гоголь радуется, что у Г.Высоцкого в Петербурге много друзей, и сокрушается, что "уединяясь совершенно от всех, не находя здесь ни одного, с кем бы мог слить долговременные думы свои, кому бы мог выверить мышления свои, я осиротел и сделался чужим в пустом Нежине. Я иноземец, забредший на чужбину искать того, что только находится в одной родине, и тайны сердца, вырывающиеся на лице, жадные откровения печально опускаются вглубь его, где такое же мертвое безмолвие. В таком случае я желаю знать тебя в кругу твоих друзей, где не скрываешься и где ваши занятия всегда радостны" [Т. X, с. 97].

И эти размышления также связаны с романтикой будущего, с надеждой на радостные соприкосновения с жизнью Петербурга. А отсюда и несколько скептическое отношение к будням Нежина. "Как тяжело быть зарыту вместе с созданными низкой неизвестности в безмолвие мертвое! Ты знаешь всех наших существователей, всех, населивших Нежин. Они задавили корою своей земности, ничтожного самодоволия высокое назначение человека. И между этими существователями я должен пресмыкаться... Из них не исключаются и дорогие наставники наши. Только между товарищами, и то немногими, нахожу иногда, кому бы сказать что-нибудь" [Т. X, с. 98].

И эта обличительная тирада слов завершается смазливой просьбой пустить слезу сочувствия. И здесь же Гоголь погружается в описание мелочей жизни этих обитателей Нежина со всеми подробностями товарных сделок, о пьяных выходках, о свадьбах препода-

вателей ("всем чиновникам пришла блажь жениться"), о большом урожае фруктов, о невероятной жаре и о пошиве себе фрака. Все здесь, как в любом остроумном, юмористическом произведении. И удивительно чудное перечисление имен тех, кто приветствует любезного друга из Нежина: "Лопушевский, буфетчик Марко (прежний фаворит твой, с своею красною жenkою), барон фон-Фонтик, Давинье, Гусь Евлампий, Григоров, Божко, Миллер и проч. и проч."

В это время у Гоголя крепнут дружеские отношения с Н.Прокоповичем и А.Данилевским. Именно они поддерживают его в творческих поисках, театральных увлечениях. Углубляются и мечты о будущем, которые появились у Гоголя рано. В "Авторской исповеди" он писал: "Задумываться о будущем я начал рано, в ту пору, когда все мои сверстники думали еще об играх". Исследователь творчества Гоголя Александр Коялович это объясняет тем, что у юноши были примеры образцового служения родине со стороны его близких. В его семье хранились предания казацкой старины, и в этих преданиях, в числе героев, упоминались его ближайшие предки. Сам отец Гоголя...был для него выдающейся личностью". Сюда А.Коялович причисляет и дальнего родственника Гоголей-Яновских, известного государственного деятеля Д.Трошинского, усадьба которого находилась недалеко от родового имения Васильевки.

После смерти отца в 1825 г., когда Гоголь переходит в третье высшее отделение Гимназии, он меняется, серьезничает. В письмах к матери от 10 июня 1825 г. он рассуждает о жизни по-иному: "Ваши слова, что вы уже более для себя и для мира сего не живете, что, может быть, я скоро должен занять место отца малолетним моим сестрам, слова сии поселили печальные предчувствия в моем сердце. Зачем предаваться горестным мечтаниям? Зачем раскрывать грозную завесу будущности? Может быть, она готовит нам спокойствие и тихую радость, ясный вечер и мирную семейственную жизнь. Будем надеяться на Всевышнего, в руке которого находится судьба наша. Что касается до меня, то я совершу свой путь в сем мире, ежели не так, как предназначено всякому человеку, то по крайней мере буду стараться, сколько возможно быть таковым" [Т. X, с. 56–60].

Мысль о его великом предназначении служения Отечеству не покидает Гоголя, а все время усиливается. Особенно четкое выражение она находит в письме от 26 февраля 1827 г.: "Ежели об чем я теперь

думаю, так это все о будущей жизни моей. Во сне и наяву мне грезится Петербург, с ним вместе и служба государству" [Т. X, с. 83].

Примером истинного служения Отечеству Гоголь считает своего отца, "друга, благодетеля, учителя... не знаю, как назвать этого небесного ангела, это чистое, высокое существо, которое одушевляет меня в моем трудном пути, живит, дает дар чувствовать самого себя и часть в минуты горя небесным пламенем входит в меня, рассветляет сгустившиеся думы. В сие время сладостно мне быть с ним, я заглядываю в него, т.е. в себя, как в сердце друга. Испытую свои силы для поднятия труда важного, благородного: на пользу отечества, для счастья граждан, для блага жизни подобных, и дотоле нерешительный, не уверенный (и справедливо) в себе, я вспыхиваю огнем гордого самосознания, и душа моя будто видит этого неземного ангела, твердо и непреклонно все указывающего в мету жадного искания... Через год вступлю я в службу государственную" [Т. X, с. 90].

Эти мысли Гоголь раскрывает значительно глубже, шире в письме к дяденьке Петру Косяровскому от 3 октября 1827 года. Это письмо в ранней эпистолярной Гоголя занимает особое место. Оно доверительное. Это всплеск эмоционального раскрытия душевного состояния юного Гоголя, душа, мысли которого напоены самыми благородными чувствами и мечтаниями о перспективах своей жизни, связанной не с мелочными, домашними, провинциальными, усадебными заботами, а с высокими порывами служения Отечеству. "Еще с самых времен прошлых, с самых лет почти непонимания, я пламенел неугасимую ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства, я кипел принести хотя малейшую пользу. Тревожные мысли, что я не буду мочь, что мне преградят дорогу, что не дадут возможности принести ему малейшую пользу, бросали меня в глубокое уныние. Холодный пот проскакивал на лице моем при мысли, что, может быть, мне доведется погибнуть в пыли, не означив своего имени ни одним прекрасным делом – быть в мире и не означить своего существования – это было для меня ужасно" [Т. X, с. 111].

Гоголь даже определяет должность, которая будет способствовать осуществлению его цели, – это юстиция. Именно здесь он видел свое место, ибо "неправосудие, величайшее в свете несчастье, более всего разрывало мое сердце" [Т. X, с. 112]. И эти мысли Гоголя, родившиеся давно, подкреплялись размышлениями профессора И. Белоусова на лекциях по естественному праву. Он любил своего

педагога, уважал его и в трудную для него минуту, во время расследования "дела о вольнолюбстве", защищал его. Здесь Гоголь доказал прежде всего себе, что он верен своим юношеским идеалам и тем, кто им дает почву для развития. Больше подобных откровений в письмах нежинского периода мы не увидим. С этими мечтами Гоголь и уедет в холодный Петербург в поисках своего места в жизни. Не сразу он его найдет, не сразу определится он в своих устремлениях, будет перед ним стоять юношеский вопрос: "Исполнятся ли высокие мои начертания?", но он, наконец, выйдет на ту дорогу, которую определил еще в Нежине и по которой он шел, провозглашая свои мысли и поучая, как жить другим. Мессианское предназначение, как заметил П.В.Михед, зарождавшееся в Нежине, воплотилось в жизнь, порождая новые трудные ситуации, ошибочные надежды и разочарования.

Письмо к Петру Косяровскому интересно еще одной стороной. Гоголь в пылу откровения извещает то, что никому не доверял – о своем таинственном, своем самом затаенном даже от своих ближайших друзей. "В эти годы, – пишет он, – эти долговременные думы свои я затаил в себе. Недоверчивый ни к кому, скрытный, я никому не поверял своих тайных помышлений, не делал ничего, что бы могло выявить глубь души моей. – Да и кому бы я поверил и для чего бы высказал себя, не для того ли, чтобы смеялись над моим сумасбродством, чтобы считали пылким мечтателем, пустым человеком? – Никому, и даже из своих товарищей, я не открывался, хотя между ними было много истинно достойных" [Т. X, с. 112].

Письма Гоголя из Нежина осени 1827 – лета 1828 годов, адресованные матери и относящиеся к последнему периоду пребывания его в гимназии, ничем особенным не отличаются, потому что в них идет речь о бытовых эпизодах жизни, а также хвалебные и заверительные слова, адресованные матери. Но если раньше проскальзывали лишь отдельные замечания, которые касаются учебы, типа: "Мне здесь очень весело, особенно когда оканчиваю на время свои занятия, которые также приносят мне удовольствия неизъяснимые" [Т. X, с. 104], то к концу предпоследнего семестра все настойчивее звучит мысль о необходимости более серьезно догонять утерянное: "Я теперь совершенный затворник в своих занятиях. Целый день с утра до вечера ни одна праздная минута не прерывает моих глубоких занятий". Гоголь обещает с удвоенной, утроенной энергией достичь того, что утеряно, хвастается, что достиг успехов в языках. Как свидетельствуют ведо-

мости успеваемости, Гоголь, действительно, улучшил свои успехи, доказал, что он может учиться хорошо.

Однако поражает какая-то необоснованная, упорная, настойчивая просьба о присылке денег, вплоть до продажи части имения. Категоричность ощущается в требовании прислать деньги на книги. Пришлете – будут успехи, не пришлете – все будет потеряно. Эта мысль целеустремленно звучит в письмах.

Обожание, умиление, забота и беспокойство о матери идут рядом с настойчивой требовательностью прислать деньги. Мать упрекала сына в его беспечной трате денег, но все же идет ему навстречу. Употребление уменьшительных суффиксов в словах-обращениях к матери в какой-то мере связано со стремлением во чтобы то ни стало получить деньги. Гоголь помнил о материальных недостатках семьи, но юношеский эгоизм брал верх.

Гоголь вдруг строит себе план – за рождественские каникулы подогнать все, что ранее было упущено. И сокрушается, что без денег он уже не смог осуществить своих планов. "Я всем этим [т.е. каникулярным весельем – Г.С.] решил пожертвовать для однообразного, трудного занятия, вечного заточения. – Видно было, что я больше предпочитал тягостное приобретение пользы упоительным радостям веселия, и при том в такое время, когда все веселились. И вообразите: теперь, когда я увидел свой план разрушенным, когда, окончив одни занятия, чтобы приняться за другие, я увидел, что мне нечем заниматься, что я не только не получаю от вас желанных денег, но никакого ответа, я принужден был бросить все. Да и мог ли я заниматься чем-нибудь, видевши главное свое неисполненным? Вы не можете вообразить тогдашнего моего бешенства, я был точно сумасшедший, заперся в своей комнате, грыз от досады стол, плакал, бегал от всех; и в уединении от всех разрывался в досадах и медленно начал успокаиваться только с прошествием праздников...

Я не жалею о тех почти даром ушедших 3 или шести годах, я не понимал этого. – Но в эти три недели, когда я думал столько сделать, когда я так ясно понимал всю важность моих занятий, когда я так пламенно жаждал употребить это самое лучшее время в самую великую пользу, когда никто не мешал мне, когда эти три недели были важнее для меня четырех месяцев, и видеть все свои надежды разбитыми – о! Это ужасно" [Т. X, с. 121].

Размышления Гоголя о своем бедственном существовании, ибо мать в силу материальных трудностей не могла удовлетворить вдруг вспыхнувшее желание купить книги и поправить в одно каликулярное мгновение свои упущенные ранее возможности учиться лучше, и о прожитых в Гимназии годах – все это одна цепь. И заявление о том, что он "утерял целые 6 лет даром", что "в этом глупом заведении" он не мог узнать ничего больше, – все это эмоции, которые объясняются пониманием того, что нужно подводить итоги, нужно держать государственные экзамены и получать аттестат, который будет соответствовать набранному баллам. Поэтому и его заявление: "если я что знаю, то этим обязан совершенно одному себе" необходимо воспринимать критично. Конечно же, многое зависит от упорства, настойчивости в приобретении знаний от самого студента, но без целенаправленных, систематических аудиторных занятий при помощи профессоров добиться хороших результатов довольно трудно.

Критическое отношение Н.Гоголя к Гимназии было вызвано и той внутренней жизнью, теми постоянными нелицеприятными разборами, интригами, которые шли между преподавателями и в которые были втянуты студенты. Все это вылилось со временем в так называемое "дело о вольнодумстве".

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что заявление Гоголя о том, что он ничего не взял в Гимназии, носит всплеск эмоций студента последнего курса, который ощутил, что, действительно, многое упустил, потерял, и прежде всего баллы, которые играли большую роль в определении гражданского чина. Но это еще не свидетельствует о том, что школа ему ничего не дала. Ведь достаточные знания получили другие гимназисты. Учись, работай самостоятельно, как это делали П.Редькин, В.Тарновский, В.Любич-Романович, К.Базили и другие, получившие звание кандидата и чин 12 класса.

Конечно, нельзя идеализировать постановку образования в Гимназии, ее преподавателей, ибо там было немало и неприемлемого, но последние годы учебы Н.Гоголя свидетельствуют о том, что можно получить знания как в классе, так и работая самостоятельно.

Вчитываясь в сказанные Н.Гоголем слова о недостаточных знаниях, ставишь вопрос: а каких знаний? Ведь если бы их не было, то не было бы и гениального писателя Гоголя, не было бы и профессора С.-Петербургского университета и претендующего на эту должность в Киевском университете св. Владимира, ведь после Нежина Н.Гоголь

нигде не учился. Значит, те знания, которые он получил, были достаточными для его работы.

Гоголь – натура деятельная. В связи со слабыми знаниями языков он не смог принять участие в составлении всемирной истории по переводным зарубежным источникам, что делали П.Редькин, К.Базили, В.Любич-Романович и другие, но он был инициатором другого важного дела – воспитания и развития эстетических наклонностей, связанных с организацией театра, выпуска рукописных литературных альманахов и журналов, создания библиотеки новинок литературы и т.д.

Перечитывая письма Гоголя нежинского периода, ощущаешь некоторую наигранность, театральную эмоциональность, даже лицедейство, которые сидели внутри его и вылезали постоянно, демонстрируя его игру с адресатом. Эта черта будет укореняться и проявляться и в дальнейшем. Поэтому к различным его заявлениям, относящимся к периоду учебы в Гимназии, необходимо относиться с пониманием и осмысленным восприятием.

Единственное, что не вызывает сомнений, – художественный дар Гоголя, который так и проявляется в тексте писем. Здесь много реалистических, юмористических зарисовок, лирически восторженных, витиеватых языковых оборотов, эмоционально вопросительных и восклицательных предложений, уменьшительно-ласкательных обращений, разнообразных стилистических построений, неожиданных переходов от одной мысли к другой и т.д. Перечитайте письмо к Павлу Косяровскому, и вы почувствуете некую легкость, таинственность, заинтригованность. В письмах к матери постоянно наталкиваешься на витиеватость фраз, а в письмах к Г.Высоцкому – на точные, юмористически насыщенные характеристики.

Нежинские письма Гоголя – это свидетельство глубокой любви и уважения к матери, Марии Ивановне. Эпитеты "дражайшая", "любезная", "милая", "почтеннейшая", "бесценнейшая" сопровождают текст писем, написанных любящим сыном.

Таким образом, нежинские письма Гоголя – это важнейшие документы, позволяющие познать процесс становления и возмужания великого художника слова.

Литература

1. Гоголевский сборник / Под ред. проф. М.Сперанского. – Киев, 1902. – С. 313.

2. Там же. – С. 314.

3. [Кулиш П.] Записки о жизни Николая Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем: В 2 т. – СПб., 1856. – Т. 1. – С. 18.

4. Гоголь в Нежинском лицее (из воспоминаний В.И.Любич-Романовича) // Исторический вестник. – Год 23. – Февраль. – 1902. – С. 549.

5. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. – [Л.М.]: АН СССР, 1940. – Т. X. Письма 1820–1835. – С. 33. В дальнейшем все цитаты из писем будут использованы из этого тома с указанием страницы в тексте работы.

6. Там же. – С. 389.

7. Отдел государственного Черниговского областного архива в Нежине (далее – ОГАЧОН), ф. 1104, оп. 1, ед. хр. 67, л. 3, 57 об.

8. Гоголевский сборник. – С. 331–332.

9. Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. – СПб., 1881. – С. 429.

10. Гоголевский сборник. – С. 416–417.

11. Там же. – С. 337.

12. Щеголев П.Е. Из школьных лет Н.В.Гоголя // Исторический вестник. – Год 23. – Февраль. – 1902. – С. 517.

13. Кулжинский И.Г. Воспоминания учителя // Москвитянин. – 1854. – Т. 6, №21. – Отд. V. – С. 5.

14. ОГАЧОН, ф. 1104, оп. 1, од. зб. 81.

Библиотека Гимназии и круг чтения Н.Гоголя

Немалую роль в познании окружающего мира, приобщения учащихся к художественному слову играла библиотека Гимназии, которая была открыта в 1820 году. В основу ее фондов была положена подборка 2160 книг из библиотеки покойного князя Ильи Безбородко, подаренная почетным попечителем А.Г.Кушелевым-Безбородко. Сохранились архивные документы, которые дают возможность восстановить ныне перечень книг и представить основные источники, по которым обучались гимназисты. Кроме подаренных книг, дирекцией были закуплены также все основные учебники и пособия [1]. Вопрос о библиотеке Гимназии освещался в некоторых работах о Гоголе исследователями как XIX, так и XX веков [2]. Однако эта тема так и осталась не до конца раскрытой.

Библиотека ежегодно пополнялась новыми книгами. В 1820–1829 годах от частных лиц поступило 677 томов, от правительства – 158 [3]. 506 томов отборных книг в библиотеку передал сын первого директора Гимназии В.Г.Кукольника Платон, который преподавал в ней латинский язык.

Директор Гимназии И.Орлай иногда непосредственно обращался к лицам, которые были причастны к изданию книг. Так, в библиотеку Гимназии по просьбе директора было направлено описание кругосветного путешествия капитана-лейтенанта флота Коцебу, изданное на средства графа Н.П.Румянцева. В письме к И.Орлаю от 6 марта 1825 года граф сообщал: "Я точно с большим удовольствием исполняю волю Вашу и по тяжелой почте отправляю к Вам для библиотеки Нежинской знаменитой гимназии полный экземпляр Рюрикова Путешествия, при коем и атлас найдете" [4]. За этот подарок И.Орлай поблагодарил графа Н.П.Румянцева письмом от 13 апреля 1825 года.

Как свидетельствует "Реестр книг библиотеки Гимназии на 1830 год", в ней уже было 12 374 экземпляра книг. Это была одна из самых крупных библиотек Левобережья.

Штатным библиотекарем работал один из преподавателей Гимназии. С 1820 по 1831 год библиотекарем был Август Иванович Аман. Хотя известно, что некоторое время в библиотеке работал профессор французской словесности И.Я.Ландражин.

Руководство Гимназией внимательно следило за библиотечным фондом. 6 октября 1827 года решением конференции была утверждена специальная комиссия, в состав которой вошли профессора Н.Билевич, Ф.Зингер и П.Никольский [5]. Она и произвела реестр книг [6].

"Библиотека Гимназии... не походила на многие другие училищные библиотеки, – вспоминал Н.Кукольник, – не составляла запретной сокровищницы, доступной только для библиотекаря и для наглядного любопытства посетителей при торжественных актах. Нет, мы там учились" [7]. В библиотеке Гимназии были, кроме учебников и учебных пособий, произведения художественной литературы. Директор И.Орлай в своем Предложении профессору российской словесности П.Никольскому предлагал в 6 классе заниматься "эстетикой или разбором изящных риторов, каковы Демосфен, Цицерон, Мурет, Боскюет, Флешье, Массильон, Бурдалу, Феофан Прокопович, Яворский преосвященный, Гедеон, Платон, Анастасий и другие; разбором писателей, каковы Иерузалем, Фенелон, Тамась, Каранчиоли, Бем, Татищев, Эмин, Карамзин и другие; и, наконец, разбором изящных стихотворцев, каковы: Гомер, Гораций, Виргилий, Овидий, Петрарка, Камознс, Тасс, Мильтон, Буало, Рассин, Попе, Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин, Жуковский и другие; но без дальнейших умствований, умозрений и умоположений, и, как словесность есть предуготовительная наука для высших трех академических классов, то предполагается г.Никольскому кончить оную в 6-ти классах, а в 7-м преподавать токмо одну логику" [8].

Трудно сегодня сказать, были ли произведения этих авторов в библиотеке, или с их произведениями необходимо было знакомиться по учебным пособиям. И все же точно известно, что в библиотеке были произведения М.Ломоносова, А.Радищева, М.Карамзина, М.Хераскова, Г.Державина, Я.Княжнина, Д.Хвостова, а также книги так называемой массовой литературы (поэма "Потерянный и приобретенный рай" (1776) И.Владыкина, "Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселянки" (1794) и "Храм славы российских героев" (1803) П.Львова, стихи Р.Чернявского, "Подлинные анекдоты о Петре Великом" (1793) Я.Штелина и др.). Находились здесь и переводные

авторы типа "Греческие классики" в 26 т. (1823–1828 гг.) в переводе И.Мартынова, "Басни Федра" (1814) издания Кашанского, "История Генриха Великого. Сочинения М.-Ф.Жанлис" в 3 ч. (1816–1817 гг.) в переводе П.Шаликова, "Луиза. Сельское стихотворение И.Г.Фосса" (1820) в переводе с немецкого П.Теряева и др.

Среди периодических изданий в библиотеке были "Вестник Европы" (за 1803–1814, 1815, 1825–1828 гг.), "Русский инвалид" (за 1815, 1816, 1821, 1823, 1825 гг.), "Отечественные записки" (с 1821 по 1827 гг.), "Сибирский вестник" (с 1818 по 1824 гг.), "Журнал изящных искусств" (за 1823, 1825 гг.), "Украинский журнал" (за 1824 г., 24 номера), "Журнал министерства народного просвещения" (за 1821–1824 гг.), "Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете" (за 1822–1826 гг.) и другие. С разрешения конференции были заказаны также журналы "Северный архив", "Новый магазин естественной истории, физики и химии", "Указатель открытий по физике, химии, естественной истории, технологии", "Московский вестник", "Московский телеграф" и т.п. [9].

Библиотека играла большую роль в учебном процессе и формировании взглядов гимназистов. Нестор Кукольник утверждал: "Я знаю, примером о себе, что моим профессором эстетики, политической экономики и некоторых других наук была библиотека Гимназии высших наук кн.Безбордко" [10]. И это действительно так, ибо во время следствия по "делу о вольнодумстве" у Н.Кукольника было обнаружено 8 тетрадей по "естественному праву". Это были преимущественно выписки из книг: "Философский словарь" Ф.Вольтера, "Общественный договор" Ж.-Ж.Руссо, "Дух законов" Ш.Монтескье, "Гармония мира" И.Кеплера (все на франц. яз.), "К вечному миру" И.Канта (на нем. яз.), журнала "Московский телеграф", выписки из произведений Руссо и Д.Юма, которые делал гимназист Г.Высоцкий, заметок на философские темы Василия Кукольника, отца Нестора [11].

Различные источники свидетельствуют, что гимназисты знакомились с произведениями Ф.Вольтера, К.-А.Гельвеция, Ш.-Л.Монтескье, Д.Локка, Г.Филанжери, Ж.-Б.Грекура, О.Пирона, Б.Спинозы и др. Эти книги они могли получить от профессоров Ф.Зингера и И.Ландражина, на что указывали во время допроса по "делу о вольнодумстве" студенты.

Среди учебной и художественной литературы в библиотеке были старинные книги, рукописи XVI–XVIII вв., в частности, грамоты Кон-

стантина Острозкого 1602 г., переписные книги (в том числе и Ипатьевского монастыря), кодексы, уставы, летописи Г.Устюга, Г.Грабянки, поучения и др. Все это способствовало развитию у гимназистов исторических знаний, их стремлению к исследовательской работе.

К сожалению, сравнительно богатая библиотека не удовлетворяла читательских запросов гимназистов, особенно старших классов по современной литературе. И тогда они начали формировать свою библиотеку путем приобретения книг, журналов за собственные деньги. Как свидетельствуют Н.Прокопович, А.Данилевский и другие гимназисты, они подписывали журналы "Московский телеграф", "Северные цветы", произведения А.Пушкина, В.Жуковского и др. Проявлял к этому интерес и Н.Гоголь. Он беспокоился о своевременной высылке денег. А.Данилевский вспоминал: "Складчина была невелика, но тогдашние журналы и книги нетрудно было и при малых средствах приобрести все, сколько их ни выходило. Важнейшую роль играли "Северные цветы", издававшиеся бароном Дельвигом; потом следовали отдельно выходившие сочинения Пушкина и Жуковского, далее – некоторые журналы. Книги выдавались библиотекарем для чтения по очереди... Гоголь берег книги, как драгоценность, и особенно любил миниатюрные издания" [12].

Заведовал этой общественной библиотекой Н.Гоголь. Он требовал от своих товарищей бережного отношения к книгам, проверял руки перед тем, как выдать книгу. Пользовались гимназисты книгами, которые они привозили из дому, а также из библиотек преподавателей. Во время следствия "по делу о вольнолюбстве" в Нежинской гимназии высших наук кн.Безбородко были изъяты произведения Вольтера, Пушкина, Рылеева, Ж.-Фр.Мармонтеля, М.Сервантеса, А.-Р.Лесажа, графа де Сен-Мерана, К.Делавиня, Дж.Байрона, Э.Парни, М.-Ж.Шинье, А.Ламартина, А.Шенье и другие, а также произведения Оссиана ("Сулма", "Эвиралла", "Ларнуль, или Отчаяние", "Смерть Азалы", "Песнь Рино на смерть Оскара"). Некоторые из этих стихов мог переписать Н.Гоголь из книги "Оссиан, сын Финганов, бард III века. Стихотворения, изданные Гарольдом" (М., 1803 г.) в переводе с немецкого языка, которая находилась в библиотеке вельможи Д.Трощинского, в усадьбе которого будущий писатель бывал со своими родителями [13]. В письме от 13 июня 1824 г. Н.Гоголь, собираясь вместе со своими товарищами по Гимназии А.Данилевским и П.Бариновым на каникулы, просит родителей: "Сделайте милость, при-

шлите нам на дорогу... несколько книг из Кибинец; будьте уверены, что мы их привезем такими, какими они будут нам вручены. Но вместо повестей пришлите вы нам книгу под заглавием "Собрание образцовых сочинений в стихах, с портретами авторов в шести томах, за что мы будем очень благодарны" [14].

В "Реестре книгам и рукописям...", который был составлен инспектором Гимназии проф. М.Г.Белоусовым в 1830 г. для чиновника Адеркаса, в разделе "Рукописные сочинения разных авторов, бывшие и не бывшие напечатанными", значились "Тетрадь разных сочинений, включающая произведения Андрея Шенье", "Мессенские элегии" К.Делавиня на французском языке, "Стихотворения К.Делавиня", в том числе "Смерть Жанны Д'Арк", Э.Парни, трагедия "Генрих VIII" М.-Ж.Шенье на французском языке.

Среди гимназистов распространялись переписанные от руки "Горе от ума" А.Грибоедова, поэмы А.Пушкина "Братья-разбойники", "Цыгане", "Кавказский пленник", "Бахчисарайский фонтан", главы "Евгения Онегина", стихотворения, баллады, поэма "Войнаровский" и "Исповедь Наливайко" К.Рылеева и другие.

Первые главы романа А.Пушкина "Евгений Онегин" печатались в журнале "Северные цветы" в 1825 г.

У гимназиста Е.Гребенки во время следствия обнаружили оду А.Пушкина "Вольность". Из показаний гимназистов А.Змиева и А.Колышкевича от 20 мая 1828 г. по "делу о вольнодумстве" известно, что в Гимназии распространялись запрещенные стихи К.Рылеева. "О сих стихах объясняет Змиев нижеследующее. Он получил их от Мартоса, бывшего ученика 6 класса и уволившегося из одного, а теперь, как слышно, служащего во 2-м Уланском украинском полку, сии стихи касаются до призывания к свободе, под ними подписано было "Кондратий Рылеев".

Когда профессор Ландражин велел в январе сего года 1828 перевести ученикам на французский язык, что они сами выберут, то Змиев, переведший оные стихи на французский язык, послал их с своим служителем профессору Ландражину, который их у себя поныне оставил...

Когда сии стихи, написанные Колышкевичем, бывшим при снятии показания с Змиева, прочтены были Змиевым, то он сказал, что они слово в слово те же, что он перевел на французский язык и доставил Ландражину.

1828 года мая 20 дня ученик 8 класса Андрей Колышкевич, бывший при допросе ученика Змиева, когда шла речь о переведенных на французский язык и профессору Ландражину представленных стихах Змиевым под именем Рылеева, и когда Змиев объявил, что он тех стихов от слова до слова не помнит, то Колышкевич, зная их наизусть, написал оные при директоре, объявляя при том, что слышал весьма часто бывшего ученика 6 класса Мартоса, читающего оные стихи, он, Колышкевич, мог сохранить оные в памяти и, сверх того, ссылается на учеников 9 класса Котляревских, которые также нередко слышали Мартоса и других учеников, читающих помянутые стихи" [15].

Данный документ свидетельствует о хождении в Гимназии запрещенных в стране стихов. Знакомясь с этими произведениями, учащиеся впитывали вольнолюбивый дух, характерный для передового русского общества начала 20-х годов XIX века.

Это только отдельные источники, свидетельствующие о стремлении гимназистов к познанию современного им литературного процесса в России. Однако в период рассмотрения "дела о вольнодумстве" чиновники Гимназии стремились оградить молодежь от новинок литературы, которая, как считали они, пагубно влияет на их "незрелый ум".

Инспектор Н.Белоусов докладывал в октябре 1829 г. попечителю Харьковского учебного округа А.Перовскому о частной библиотеке гимназистов: "...уничтожил я в самом пансионате библиотеку свободного чтения, собранную воспитанниками из самых разнообразных книг без разбора, само наименование коих доказывает уже, что пансионеры не имели наименьшего присмотра, предоставленные сами себе, и приостановил уложение и издание самими же учениками литературных журналов и альманахов, где размещались нелепые и не отвечающие благородному воспитанию стихи. Их было на время вступления моего на должность инспектора более десяти" [16].

Конференцией было принято решение о строгом присмотре за распространением книг среди гимназистов, чтобы ни одна книга или рукопись не попали к ним без предварительного просмотра профессором, учителем, а также гувернером. Не разрешалось читать без разрешения никаких книг, кроме учебников. Приказано было составить список всех существующих у гимназистов книг, как собственных, так и одолженных.

В Гимназии проявляется интерес к чтению и у Н.Гоголя. Он неоднократно в своих письмах к родителям заявляет об этом.

Они, в основном, связаны с учебными занятиями, личными увлечениями и времяпрепровождением, литературным сочинительством, театральными постановками.

В нескольких письмах Н.Гоголь убедительно просит родителей прислать ему книги. "Еще прошу вас прислать мне Нравоучительные Сказки г-на Мармонтеля, потому что мы их переводим на французский язык" [Т. X, с. 37]. В этом же письме от 10 декабря 1821 г., когда Н.Гоголь был еще во втором классе, он просит прислать учебники по латинскому языку, а также разговорники по французскому и немецкому языкам. В другом письме заявляет: "Нельзя ли каким-нибудь образом достать "Собрание образцовых сочинений в стихах и прозе"? Ибо мы теперь, проходя поэзию и части эстетики, весьма нуждаемся в примерах..." Эта книга, а полностью она называлась "Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах и прозе, изданное обществом любителей отечественной словесности, в 12 частях, составлено А.И.Тургеневым, В.А.Жуковским и А.Ф.Воейковым", была также в библиотеке Гимназии. Она состояла из 12 частей (6 прозы и 6 поэзии). Во введении к каждому тому были даны обширные сведения по пиитике и риторике, составленные Иос.Срезневским. Первое ее издание вышло в С.-Петербурге в 1815–1817 гг., а второе – в 1821–1824 гг.

Этим сборником пользовались гимназисты на занятиях русской словесности у проф. П.Никольского.

Гоголь просит также прислать "Нравственные примеры" [Т. X, с. 38], т.е. книгу "Примеры мудрости и добродетели, с наставлениями для детей. Соч. Я.Феддерсена, 2 ч., перевод с немецкого" (М., 1987).

Письмо от 15 августа 1825 г. дает нам возможность узнать, что Гоголь брал на летние каникулы некоторые книги: "Сделайте милость, пришлите мне ту книгу, которую я забыл и которую мне весьма надо, а особенно потому, что она казенная. Вы, я думаю, ее помните. Она не так толста, в голубой бумажке, под заглавием: "Опыт о русском стихосложении А.Востокова" [Т. X, с. 61]. Эта книга использовалась в Гимназии как пособие по словесности. В это время на занятиях проф. П.Никольского гимназисты занимались сочинительством стихов, и книга использовалась как практическое пособие.

Кроме книг, связанных с учебным процессом, Н.Гоголь интересовался как некоторыми периодическими изданиями, так и отдельными авторами. Выше мы говорили об увлечении гимназистов А.Пушкиным. Это подтверждают и письма Н.Гоголя к родителям. 1 октября 1824 г. он просит прислать "2 тетради со стихами", которые он забыл дома, а также новую балладу и "Пушкина поэму Онегина". "Еще нет ли у вас каких-нибудь стихов, то и те пришлите... между прочим, прошу вас еще: нельзя ли каким-нибудь образом достать "Собрание образцовых сочинений в стихах и прозе" [Т. X, с. 48]. Трудно ныне утверждать, что это были за две тетради: записанные Н.Гоголем любимые стихи или же стихотворения, которые он сам сочинил, его товарищи по гимназии и которые необходимо было оформить в рукописный альманах, который он издавал вместе со своими друзьями.

Такие же догадки вызывает и баллада. Исследователь творчества Н.Гоголя С.Дурылин считал, что это может быть один из отрывков поэмы К.Рылеева "Войнаровский", которая печаталась в журналах 1824 г.

В мартовском письме 1825 г. он просит отца прислать ему "к праздникам хоть несколько книжек на прочет, ибо здесь на праздниках такая скука, что ужась" [Т. X, с. 51]. С такой же просьбой обращается Н.Гоголь и к матери 10 июня 1825 г.: "Еще просил бы у вас, дражайшая маменька, прислать на дорогу несколько книг и хороших" [Т. X, с. 60].

Эти просьбы указывали как на необходимость занять свободное время чтением книг, так и на тяготение Н.Гоголя к художественной литературе, знакомству именно с представителями современной для него литературы. Это было время А.Пушкина, произведения которого молодежь заучивала наизусть, В.Жуковского, который был для молодого Гоголя символом романтической культуры, "великим поэтом, наиболее полно передавшим идеи своего времени" [17], К.Батюшкова, К.Рылеева, А.Бестужева-Марлинского, А.Кюхельбекера и других поэтов, которые занимали умы молодежи. А.Данилевский вспоминал: "Мы собирались втроем и читали "Онегина" Пушкина, который тогда выходил по главам. Гоголь уже тогда восхищался Пушкиным. Это была тогда еще контрабанда" [18].

Н.Гоголь стремился познакомиться с новинками литературы путем ее приобретения за собственные деньги. Это характерно для

1827–1828 годов. Он просит деньги на разные хозяйственные дела, а тратит их на книги. 6 апреля 1827 г. он сообщает матери: "За Шиллера, которого я выписал из Лемберга, дал я 40 рублей – деньги весьма немаловажные по моему состоянию; но я награжден с излишком и теперь несколько часов в день провожу с величайшей приятностью" [Т. X, с. 91].

П.Кулиш к этому факту делает такое примечание: "Прокопович говорил мне, что у Гоголя скоро не стало терпения добиваться смысла в языке Шиллера, и что это было только минутное увлечение" [19]. Н.Гоголь недостаточно хорошо знал немецкий язык, чтобы осилить Шиллера в оригинале.

В вышеназванном письме Н.Гоголь также замечает: "Не забываю также и русских и выписываю что только выходит самого отличного. Разумеется, что я ограничивался одним только чем-либо, в целые полгода я не приобретаю более одной книги и это меня крушит чрезвычайно" [Т. X, с. 91–92].

На увлечение сына Мария Ивановна Гоголь писала А.А.Трощинскому 23 ноября 1830 г.: "Когда выйдет новая книга, по названию многообещающая, то он готов выписать ее из чужих краев, что он и делал, будучи в Нежине, из выпрошенных у меня для платья денег; после признался мне, что когда он начитает о новой книге, то дрожит как бы ее выписать скорее – и за это получил от меня реприманд. Я называю сию охоту страстью; хотя она и не постыдная, как карточная, но тоже может разорять" [20].

Круг читательских интересов Н.Гоголя нежинского периода довольно широк. В письме к П.Косяровскому от 3 октября 1827 года он сообщал: "Теперь от занятий остается времени довольно: в это время читаю *Bibliothegue des dames*. Очень хорошее издание; их всех 200 томов. Здесь найдете все. Я читаю Путешествие во все страны. На днях читал я Письма о Восточной Сибири Алексея Мартоса. Мне они очень понравились; желал бы я видеть выходящими побольше этих книг в свет" [Т. X, с. 115].

"*Bibliothegue des dames*" – это было своеобразное собрание книг по географии, путешествиям, предназначенных для дамского чтения. Они представляли интерес и для тех, кто увлекался описанием различных путешествий. Книги издавались на французском языке. Интерес к ним Н.Гоголя дает право утверждать, что он мог уже читать книги в оригинале.

В связи с тем, что читательские формуляры с того далекого времени не сохранились, трудно сказать, какие книги гимназической библиотеки брал Н.Гоголь, хотя общий интерес гимназистов к некоторым произведениям как русской, так и зарубежной литературы мог втянуть и Н.Гоголя.

Увлечение Н.Гоголя театром подталкивало его к знакомству с пьесами, которые нужно было отобрать для постановки. В письме к родным от 22 января 1824 года он просит прислать комедии "Бедность и благородство души" Августа Коцебу, которая ставилась как в столичных, так и в усадебных крепостных театрах после ее издания в 1784 году, "Господин Багатонов, или Провинциал в столице" М.Н.Загоскина, которая впервые была поставлена в Петербурге 27 июня 1817 г., "Ненависть к людям и раскаяние" автора не установленного.

В этом же письме названа и трагедия в стихах В.А.Озерова. Н.Гоголь поставил в гимназическом театре русские и переводные пьесы "Недоросль" Д.Фонвизина, "Урок дочкам" И.Крылова, "Неудачный примиритель, или Без обеда домой поеду", "Чудак" Я.Княжнина, "Хлопотун", "Лукавин" А.Писарева, которая была переделкой комедии Ричарда Шеридана, "Школа злословия", "Береговое право" Августа Коцебу, в переводе с немецкого Каченовского. Знаком был Н.Гоголь и с непереводаемыми оригинальными пьесами Мольера и Флориана. В библиотеке Гимназии была также драма "Должник" (1803) А.Толмачева (в рукописном виде) и другие.

Все эти произведения перечитывал Н.Гоголь, и это служило первоосновой для его последующей практики в области драматургии.

"Книга всякой всячины, или Подручная энциклопедия", которую вел Н.Гоголь в Нежине, дает также возможность узнать о том, какие книги его интересовали в это время.

Прежде всего здесь нашли свое место сведения о поэме И.Котляревского "Энеида". На страницах 80–81 "Книги всякой всячины" размещены 23 выписки из текста поэмы в последовательности страниц. Трудно сказать, каким из трех изданий (1798, 1808, 1809) пользовался Н.Гоголь. Но именно эти стихи он использовал в качестве эпиграфа в последующих своих произведениях, в частности, в "Сорочинской ярмарке": в 3-й главе – "Чи бачиш він який парнище? На світі трохи єсть таких. Сивуху так, мов брагу, хлице"; в 4-й главе – "Хоть чоловікам не онее, та коли жінці, бачиш, тее, так треба угодити..."; в 8-й главе –

"Піджав хвіст, мов собака, мов Каїн затрусивсь увесь; із носа потекла табака".

Еще один эпиграф взят Н.Гоголем из басни известного ученого, баснописца П.Гулака-Артемовского "Пан та собака": "Чим, люди добрі, так оце я провинився? За що глузуєте?" – сказав наш неборак, "За що знущаєтеся ви надо мною так? За що, за що?" – сказав, та й попустив патьоки, Патьоки гірких сліз, узявшись за боки". Эта басня была опубликована в журнале "Украинский вестник" (1819, №12). В этом журнале (№12) была опубликована и басня "Солопий та Хивря, або Горох пры дорозе", с которой также мог познакомиться Н.Гоголь и позаимствовать имена для своей повести "Сорочинская ярмарка". Знаком был Н.Гоголь и со статьей П.Гулака-Артемовского "О поэзии и красноречии".

Попадают в "Подручную энциклопедию" и отдельные отрывки с песен, взятые из сборников Н.Цертелева "Опыт собраний старинных малороссийских песен" (СПб., 1819) и М.Максимовича "Малороссийские песни" (М., 1827).

В литературоведении неоднократно рассматривался вопрос о влиянии некоторых произведений на раннее творчество Н.Гоголя, в частности, на "Ганца Кюхельгартена". Некоторые исследователи говорят о влиянии на поэму Н.Гоголя "Луизы" И.-Г.Фосса, "Германа и Доротеи" Гете, а также произведений Шиллера и И.Тика. Поэма Т.Мура "Свет гарема" (1817), опубликованная в журнале "Сын Отечества", послужила, по словам О.Супрунок, основой для создания IV картины "Ганца Кюхельгартена". Проф. Ю.Манн находит в поэме Н.Гоголя отголоски некоторых произведений русской литературы, в частности, "Цыган" (1827) А.Пушкина, его элегии "Погасло дневное светило" (1820), "Торжество Ваха" (1826), а также в "Вакханке" (1817) К.Батюшкова. В гоголевской поэме просматриваются реминисценции и с баллады В.Жуковского "Людмила" и других произведений поэта.

Как свидетельствует А.Данилевский, свои первые прозаические произведения нежинского периода Н.Гоголь писал в духе А.Бестужева-Марлинского, за что юного писателя осуждали его товарищи.

Таким образом, круг чтения Н.Гоголя довольно многообразен и охватывает различные случаи его гимназической жизни. Знакомство с художественной литературой, как отечественной, так и переводной, припадает, в основном, на старшие студенческие курсы, ибо расширяются его интересы. Углубляются его литературные искания. Для

начального периода самостоятельного творчества нужен был какой-то толчок, пример, образец, и он их находил не только в библиотеке гимназии, периодических изданиях, книгах из домашних библиотек преподавателей и студентов, но и в большой библиотеке Д.П.Трощинского [21], услугами которой пользовались родители Н.Гоголя и он сам.

Литература

1. ОГАЧОН, ф. 377, оп. 1, ед. хр. 162, 208, 206.
2. Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя: В 4 т. – М., 1892–1897; Заболотский П.А. Опыт обзора материалов для биографии Н.В.Гоголя в юношескую пору. – СПб., 1902; Сребницкий И.А. Материалы для биографии Н.В.Гоголя из архива Гимназии высших наук. – К., 1902; Иофанов Д. Н.В.Гоголь: Детские и юношеские годы. – К., 1951; Машинский С. Гоголь и "дело о вольнолюбстве". – М., 1959; Супронюк О. Лектура вихованців Ніжинської гімназії вищих наук кн.Безбородька у 20-ті роки ХІХ ст. // Бібліотечний вісник. – 1996. – №2. – С. 17–21.
3. ОГАЧОН, ф. 337, оп. 1, ед. хр. 204.
4. Известия истор.-филол. ин-та. – Нежин, 1895. – Т. XV. – С. 61.
5. ОГАЧОН, ф. 377, оп. 1, ед. хр. 206, л. 47.
6. П.Заболоцкий. Опыт обзора материалов для биографии Н.В.Гоголя в юношескую пору. – СПб., 1902. – С. 37. Отд. т. оттиск из Известий Отдела языка и словесности Имп. АН. – 1902. – Кн. 2.
7. Лицей князя Безбородко. – СПб., 1859. – Отд. 1. – С. 19–20.
8. Сребницкий И.А. Материалы для биографии Н.В.Гоголя. – К., 1901. – С. 48.
9. ЦГИАУ в Киеве, ф. 2162, оп. 1. ед. хр. 276, 437, л. 10, 454, л. 154; ед. хр. 494, л. 152; Супронюк О. Лектура вихованців... – С. 18.
10. Кукольник Н. Лицей князя Безбородко // Лицей Безбородко. – СПб., 1859. – С. 19.
11. Лавровский Н. Гимназия высших наук кн.Безбородко // Гимназия высших наук и Лицей кн.Безбородко. – 2-е изд. – СПб., 1881. – С. 94; Супронюк О. Лектура вихованців Ніжинської гімназії вищих наук кн.Безбородька у 20-ті роки ХІХ ст. // Бібліотечний вісник. – 1996. – №2. – С. 20.
12. Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя: В 4 т. – М., 1892. – Т. 1. – С. 102.

13. Каталог антикварной библиотеки книгопродавца Е.Я.Федорова, приобретенной после бывшего министра Д.П.Трощинского. – К., 1874.

14. Гоголь Н.В. Полное собр. соч. – Т. X. – Л., 1940. – С. 47. (В дальнейшем ссылки в тексте даются по этому изданию.)

15. ОГАЧОН, ф. 377, оп. 1, ед. хр. 37.

16. ЦГИАУ в Киеве, ф. 2162, оп. 1, д. 513, л. 57.

17. Сахаров В.И. Жуковский в творческой биографии Гоголя // Жуковский и литература конца XVIII–XIX века / Отв. ред. В.Ю.Троицкий. – М.: Наука, 1988. – С. 239.

18. Вестник Европы. – 1890. – Кн. 1. – Январь. – С. 79.

19. Кулиш П. Записки. – Т. 1. – С. 37. Примечание 2.

20. Русская старина. – 1882. – №6. – С. 676.

21. Каталог антикварной библиотеки книгопродавца Е.Я.Федорова, приобретенный после бывшего министра Д.П.Трощинского. – К., 1874.

Нежинский период творчества Н.Гоголя

Литературные способности у Гоголя проявились рано. Как заметили исследователи его творчества В.Щеголев и А.Коялович, уже в письме к родителям от 13 июня 1824 года заметны следы первых литературных занятий Гоголя, его стремление к "высокому" стилю. "До сих пор письма Гоголя были извещениями, их стиль был деловым, без картинных выражений, без образов, без эпитетов. В этом письме встречаются литературные фразы, отделанные в стиле того времени; уже с этих пор риторика начинает вить гнездо в произведениях Гоголя" [1]. Напомним строки этого письма: "Я вам писал о "приятном путешествии", которое мы скоро предпримем, о радостном нашем свидании, о удовольствиях, которые я буду вкушать. Разве это такой мелочный предмет, который должно оставить без внимания? Верьте, любезные родители, что вся, так сказать, жизнь моя основана на этом. Сие блаженное время я почитаю центром моих желаний, источником моих удовольствий... Ожидаю со дня на день сего времени [отъезда]. Уже вижу все милое сердцу, вижу вас, вижу милую родину, вижу тихий Псел, мерцающий сквозь легкое покрывало, которое я скоро сброшу, наслаждаясь истинным счастьем, забыв протекшие быстро горечи. Одна счастливая минута может вознаградить за годы скорбей" [Т. X, с. 47].

О литературных склонностях Гоголя свидетельствовали и другие письма, в частности, от 1 октября 1824 г., в котором он поздравляет мать с Днем ангела, и т.п. А.Коялович утверждает, что Гоголь не пишет свои письма, присев к столу, и излагает свою мысль так, как она рождается в процессе ее написания, а сочиняет, обдумывает, и это объясняет и риторика, и украшения слога, которые встречаются в письмах. Еще на одну гоголевскую особенность обратил внимание А.Коялович: "Он не столько рассказывает, сколько описывает. Предварительно сделав точное и внимательное наблюдение над самим собой, причем, конечно, для полноты и живописности картины некоторые краски могли быть усилены, некоторые ослаблены" [2].

Анализируя письмо Гоголя к матери, написанное после смерти отца, исследователь замечает: "Риторика увлекла художника помимо

его воли. Но вместе с тем, несомненно, что на таких письмах развивались творческие способности Гоголя, и прояснялось сознание их могущества и силы" [3].

Гоголь ощущал потребность в выходе своих творческих сил, которые накапливались в нем и должны были вылиться в определённые формы. Одной из форм подобного проявления и были письма. По своему содержанию они многожанровые.

Письма, воспоминания соучеников Гоголя, архивные документы дают возможность восстановить то, что было создано автором будущих "Вечеров..." в стенах Гимназии.

Гоголь присылал свои сочинения родным, хвалился о написании новых. В письме от 23 ноября 1826 г. он писал: "Думаю, удивитесь успехам моим, которых доказательства лично вручу вам. Сочинений моих вы не узнаете. Новый переворот настигнул их. Род их теперь совершенно особенный. Рад буду, весьма рад, когда принесу вам удовольствие" [Т. X, с. 79].

Н.Прокопович считал, что первым литературным опытом Гоголя была баллада "Две рыбки". Стихотворение написано в связи со смертью брата Ивана. В балладе Гоголь изобразил под двумя рыбками себя и своего младшего брата, которого он любил и очень переживал его уход из жизни.

В рукописном журнале "Метеор литературы" (январь 1826 г.) Гоголь поместил стихотворение "Новоселье", которое передает его душевное состояние после тяжелой утраты – смерти отца. В нем ощущается влияние думы К.Рылеева "Смерть Ермака".

Лирический герой разуверился в действительности и

...радость жизни разлюбил,

И грусть зазвал на новоселье.

Раньше он был весел, устремлен в будущее, а теперь начал угасать:

Теперь, как осень, вянет младость

Угрюм, не веселиться мне,

И я тоскую в тишине,

И дик, и радость мне не в радость.

Произведение написано в духе романтических традиций. Среди других лирических стихотворений назовем элегию "Непогода", балладу "Две рыбки" (наваяно годовщиной смерти брата).

Гоголь, как и другие гимназисты, увлекался историей. Некоторые ранние произведения юного писателя воскрешают страницы исторического прошлого. Стихотворение "Битва при Калке", помещенное в "Метеоре литературы" за 1826 год, является отрывком эпической поэмы "Россия под игом татар". В нем ощущается влияние "Россиады" М.Хераскова. Поэму Гоголь тщательно переписал в отдельную тетрадь, украсил ее собственными рисунками и переслал матери из Нежина по почте. Уезжая в Петербург, Гоголь увез поэму. Дальнейшая ее судьба неизвестна. Сохранились также суждения о гоголевской трагедии "Разбойники", написанной пятистопным ямбом.

Для очередного выпуска "Метеора" Гоголь подготовил повесть "Братья Твердиславичи". Написана она в романтическом духе и посвящена жизни древних славян. Высокий стиль, отвлеченность событий не были приняты друзьями Гоголя. "Первая прозаическая вещь Гоголя, – вспоминал В.И.Любич-Романович, – была написана в гимназии и прочитана публично на вечере Редкина. Называлась она "Братья Твердославичи, славянская повесть". Наш кружок разнес ее беспощадно и решил тотчас же предать уничтожению. Гоголь не противился и не возражал. Он совершенно спокойно разорвал свою рукопись на мелкие клочки и бросил в топившуюся печь. "В стихах упражняйся, – дружески посоветовал ему тогда Базили, – а прозой не пиши: очень уж глупо выходит у тебя. Беллетрист из тебя не вытанцуется, это сейчас видно" [4]. Хотя, как указывает П.Кулиш, эта повесть была помещена в журнале "Звезда", но не дошла до нас, как и многие другие пробы пера Гоголя.

Как заключает В.И.Любич-Романович, произведения Гоголя не воспринимались серьезно его товарищами, подвергались насмешкам. "Однажды, впрочем, мы поместили в "Навозе Парнасском" одно небольшое стихотворение Гоголя из малороссийской жизни на тему "как жили в старину", но и то лишь потому, чтоб над ним потом посмеяться и отблагодарить его за эти вирши фунтом медовых пряников, которые он любил и которые были ему преподнесены через особую депутацию в одной из аудиторий, перед классными занятиями. Но на это Гоголь страшно рассердился и швырнул подарок чуть не в лицо депутатам, а потом, оставив класс, почти две недели не появлялся под предлогом болезни" [5].

Произведения Гоголя не воспринимались его товарищами, приверженцами романтической поэтики, не столько потому, что они были

плохи, сколько, очевидно, из-за их необычности. Гоголь, отдав дань романтизму, уже в Гимназии использовал реалистические приемы, которые помогали ему воссоздать сатирические зарисовки. Быт Нежина, его жителей, с которыми хорошо он был знаком, давал ему возможность ярко изобразить существователей города. Тех героев, которые появятся в более поздних реалистических повестях, мы встречаем не только в ранних юношеских произведениях, но и в переписке Гоголя. Уже в это время проявилось его дарование сатирика.

Соученик Гоголя Г.С.Шапошников в своих воспоминаниях подчеркивал: "Его веселые и смешные рассказы, его шутки и самые шутки, всегда умные и острые, без которых не мог он жить, до того были комичны, что и теперь не могу вспомнить об них без смеха и удовольствия" [6].

Крупницы из того, что все-таки переносилось на бумагу, дают возможность обнаружить своеобразие таланта писателя в процессе его формирования. Известен, например, акrostих на гимназиста Федора Бороздина, с которым Гоголь был в сложных отношениях. За низкую стрижку волос Гоголь прозвал его Расстригою Спиридоном. "Однажды вечером, в день именин Ф.Бороздина, 12 декабря, – вспоминает Г.Высоцкий, – Гоголь выставил в гимназическом зале транспорант собственного изделия, с изображением черта, стригущего дервиша, со следующим акrostихом:

Се образ жизни нечестивой,
Пугалище монахов всех,
Инок монастыря Строптивой,
Расстрига, сотворивший грех.
И за сие-то преступленье
Достал он титул сей.
О ттец! имей терпенье,
Начальные слова в устах запечатлей".

В сатирических произведениях Гоголь освещал жизнь гимназистов и жителей города Нежина. В "Метеоре литературы" была помещена эпиграмма "Насмешнику некстати", в которой порицался порок гимназиста Пащенко, любившего в своих рассказах отступать от истины.

Наш Вралкин в мире сем редчайший человек!
Подобного ему не сыщешь в целый век.
Как станет говорить – заслушаться всем надо,

Как станет – так и рай вдруг сделает из ада.
Был в Риме, в Лондоне... да где он не бывал,
Весь мир на языке искусно облетал...

И.Пашенко ответил Гоголю не менее острым и язвительным стихом. Известна эпиграмма Гоголя и на немца-воспитателя Зельднера. В ней он передал внешние черты надзирателя. Гимназисты часто распевали стишок во время прогулок:

Гицель – морда пороссячья,
Журавлины ножки;
Той же чортик, что в болоте,
Тильки пристав рожки.

Объектом насмешек Гоголя был гимназист Михаил фон Риттер. Каких только не давал Гоголь ему прозвищ. Называл его бароном Кунжут,-фон-Фонтиком, Девинье, Барончиком, Доримончиком, Купидончиком, Хопцики, Дюсенькой. В письмах к Г.И.Высоцкому возникает своеобразный портрет этого юноши, созданный различными сатирическими приемами. Воображение так сильно работало у Гоголя, что он иногда выдумывал несуществовавшие ситуации или же преувеличивал отдельные факты: "Барон-фон-Фонтик, табачный, таможенный пристав, иначе, заводчик кунжутного масла, служивший только что перед этим всем драгунским юнкерам подрядчиком в торговле, пьяный подрался с Канчотихою, судились в земском суде. Но, наконец, батюшка фона, узнавши об его проказах, прислал за ним крытую кибитку, чтобы притащить свое чудо в Прилуку и поместить его в хозяйственные форпосты. Но Девинье объявил, что он "никогда не занимался таковою презренною наукою, какова политическая экономия", а непременно хочет ехать в Московский Университет... Вообрази, что и это утешение отняли у нас" [Т. 7, с. 39].

Подобные происшествия нежинской или гимназической жизни Гоголь также описывал в юмористическом плане. Острота взглядов Гоголя не упускала деталей, напрашивавшихся на осмеяние.

О тяготении Гоголя к юмористическим, сатирическим зарисовкам свидетельствуют и его письма, отосланные разным адресатам из Нежина. Мы уже говорили о письме к Г.И.Высоцкому. В этой связи хотелось бы вспомнить также и письмо Гоголя Варваре Петровне Косяровской от 13 сентября 1827 года, в котором он воссоздает юмористический портрет их общей знакомой Ксении Федоровны Тимченко, прозванной "Чцюцюшка": "Драгоценнейшая тетинька Варвара Пет-

ровна! Приветствую вас из-за 300 верст и желаю вам найсчастливейшего, наилучшего окончания всех ваших дел, работ и занятий, и проч. и проч. Уделяю вам на всю жизнь две части веселости и здоровья, одну часть денег и четвертую часть – порядочный запас друзей и приятелей. Хорошо ли проводите время? Я думаю, Ксения Федоровна бывает у вас часто. – Э, мини казав Чцюцюшка э... каже э... мене, каже, ништо уже не юбить, каже, Пупую (Пупура – имя собаки) юбять юцше, чим мене и Каяяшку э... отако э, каже Чцюцюшка э, бачете, шо вона каже, э... э.. А панич нежинский мини письмо пише, э. А шо, чи ви бачили? – Ось воно. Э.

Э...!!" [Т. X, с. 107].

Исследователь творчества Н.Гоголя Д.Иофанов приводит отрывки из "Ревизора" (сцена спора между Бобчинским и Добчинским) и "Тяжбы" (разговор между Бурдюком и Пролетовым), в которых обыгрывается междометие "...э" как средство сатирической характеристики персонажа и указывает, что Гоголь в этих сценах повторяет прием, который зафиксирован в обозначенном выше письме.

Особую известность получила сатирическая повесть "Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан". Этому произведению посвящена в книге специальная глава.

Эти и другие факты свидетельствуют о том, что сатирические задатки Гоголя начали формироваться еще в Нежинской гимназии. Но он стремился создавать, с его точки зрения, серьезные произведения, считая сатиру – "низким" жанром. Дальнейшая литературная жизнь показала, что "серьезными" произведениями были для него именно сатирические.

В 1829 г. в журнале "Сын Отечества" (№12) Гоголь публикует без подписи автора стихотворение "Италия". Привез ли его юный поэт из Нежина или сочинил в Петербурге, когда в безделии ожидал места, неизвестно. Гоголь вообще часто скрывал свои произведения. Так как это стихотворение почти недоступно читателю, публикуем его полностью.

Италия

Италия – роскошная страна!

По ней душа и стонет и тоскует;

Она вся рай, вся радости полна,

И в ней любовь роскошная веснует.

Бежит, шумит задумчиво волна
 И берега чудесные целует:
 В ней небеса прекрасные блестят;
 Лимон горит, и веет аромат.
 И всю страну объемлет вдохновенье;
 На всем печать протекшего лежит;
 И путник зреть великое творенье,
 Сам пламенный, из снежных стран спешит,
 Душа кипит, и весь он – умиление,
 В очах слеза невольная дрожит;
 Он погружен в мечтательную думу,
 Внимает дел давно минувших шуму.
 Здесь низок мир холодной суеты,
 Здесь гордый ум с природы глаз не сводит;
 И радужной в сиянии красоты
 И ярче, и ясней по небу солнце ходит.
 И чудный шум, и чудные мечты
 Здесь море вдруг спокойное наводит;
 В нем облаков мелькает резвый ход,
 Зеленый лес и синий неба свод.
 А ночь, а ночь вся вдохновеньем дышет.
 Как спит земля, красой упоена!
 И страстно мирт над ней главой колышет.
 Среди небес, в сиянии луна
 Глядит на мир, задумалась и слышит,
 Как под веслом проговорит волна;
 Как через сад октавы пронесутся,
 Пленительно вдали звучат и льются.
 Земля любви и море чарований!
 Блистательный мирской пустыни сад!
 Тот сад, где в облаке мечтаний
 Еще живут Рафаэль и Ториват!
 Узрю ль тебя я, полный ожиданий?
 Душа в лучах, и думы говорят,
 Меня влечет и жжет твое дыханье,
 Я – в небесах весь звук и трепетанье!..

Эти стихи были опубликованы в марте 1829 года, т.е. через три месяца после того, как Гоголь появился в Петербурге. В мае 1829 года

он подает в цензуру свою поэму "Ганц Кюхельгартен" и получает разрешение на ее публикацию. Произведение появилось отдельной книжкой под псевдонимом В.Алов. На заглавном листке была обозначена цифра 1827 год, т.е. год написания поэмы. Это был последний год учебы Гоголя в Гимназии, пора "восемнадцатилетней юности". Об истинном авторе знал только Н.Я.Прокопович, его земляк и соученик по гимназии, с которым он был в дружеских отношениях и жил вместе на одной квартире. Поэма была издана на собственные деньги Гоголя. По экземпляру он разослал инкогнито известным критикам: П.А.Плетневу, М.Погодину, О.Сомову и другим. Молодой поэт с нетерпением ждал, как решится его судьба, что скажут о его творении в печати. "Ожидания его не оправдались. Знакомые молчали или отзывались о "Ганце" равнодушно, а между тем Н.Полевой прихлопнул ее в своем журнале насмешкою, от которой сердце юноши-поэта сжалось болезненною скорбью. Он бросился со своим верным слугой Якимом по книжным лавкам, отобрал у книгопродавцев экземпляры, нанял номер в гостинице и сжег все до одного" [1, с. 367].

Неизвестно, знал ли Гоголь об отзыве О.Сомова на поэму. Очевидно, нет, так как эта оценка появилась в альманахе "Северные цветы" в 1830 г. Критик, по сравнению с другими собратьями по перу, был более доброжелателен к начинающему поэту. Орест Сомов в статье "Обозрение российской словесности за первую половину 1829 года" указал, что "в сочинителе виден талант, обозначающий в нем будущего поэта". В то же время отметил "молодость воображения", незрелость слога автора и рекомендовал не спешить печатать свои произведения, в этом случае "надежды доброжелательной критики не будут обмануты".

Что собой представляет поэма, созданная в Нежине? На этот вопрос пытались ответить литературоведы. Поэма и все, что связано с ней, были в центре внимания как дореволюционных, так и советских исследователей творчества Н.Гоголя. С.Машинский в своей книге "Гоголь и "дело о вольнодумстве" подчеркивал, что "содержание и смысл "Ганца Кюхельгартена" могут быть поняты лишь в соотношении с той атмосферой умственной жизни, которая окружала Гоголя в последние годы его пребывания в Нежине. В этой поэме нетрудно увидеть отражение раздумий молодого Гоголя о жизни, о назначении человека" [10, с. 2281]. И это действительно так. Без знания подробностей жизни Гоголя нежинского периода, без изучения его переписки этого време-

ни, воспоминаний соучеников писателя нельзя выявить и всей глубины идейного содержания произведения.

Д.Иофанов сопоставил письма Гоголя 1827 года к Г.И.Высоцкому и П.П.Косяровскому с текстом "Ганца Кюхельгартена" и обнаружил любопытные совпадения мыслей писателя и его героя.

"Как тяжело быть зарыту вместе с созданиями низкой неизвестности в безмолвии мертвом", – писал Гоголь Г.И.Высоцкому в июне 1827 года. Та же мысль звучит и в поэме:

Все решено. Теперь ужели
 Мне здесь душою погибать?
 И не узнать иной мне цели?
 И цели лучшей не сыскать?
 Себя обречь бесславью в жертву?
 При жизни быть для миру мертву? [9, т. 1, с. 227].

А вот отрывок из письма дяде П.П.Косяровскому (октябрь 1827 г.). "Погибнуть в пыли, не означив своего имени ни одним прекрасным делом, – быть в мире и не означить своего существования – это было бы для меня ужасно". Эти слова как бы повторяет Ганц:

Душой ли, к счастью не остывшей,
 Волненья мира не испить?
 И в нем прекрасного не встретить?
 Существованья не отметить?

Для того чтобы глубже понять и автора поэмы, и центрального ее героя, напомним еще один отрывок из письма дяде от 3 октября 1827 года: "В эти годы эти долговременные думы мои я затаил в себе. Недоверчивый ни к кому, скрытный, я никому не говорил своих тайных помышлений, не делал ничего, что бы могло выявить глубь души моей. – Да и кому бы я поверил и для чего бы высказал себя, не для того ли, чтобы смеялись над моим сумасбродством, чтобы считали пылким мечтателем... Никому, и даже из своих товарищей, я не открывался, хотя между ними было много истинно достойных" [9, т. 7, с. 48–49]. Это письмо объясняет как причину того, почему никто из товарищей Н.Гоголя не знал о существовании поэмы, так и характер центрального героя, его основную черту – грусть.

И дореволюционные, и советские исследователи указывают на то, что толчком для создания поэмы "Ганц Кюхельгартен" была лирическая идиллия немецкого поэта Иоганна-Фридриха Фосса "Луиза" в переводе П.Теряева, с которой Гоголь познакомился в гимназии. И

все же мы не склонны так категорически утверждать это. Здесь все намного сложнее. Сходство некоторых деталей в "Луизе" и "Ганце Кюхельгартене" дает думать только о некотором влиянии Фосса. В это время Гоголь находился под сильным воздействием Пушкина, его романтических поэм и появившихся глав "Евгения Онегина". Перечитывая "Ганца Кюхельгартена", даже ощущаешь в некоторых местах пушкинскую ритмику:

Живого юности стремленья
Так испестрялися мечты
Порой небесного черты,
Души прекрасной впечатленья
На нем лежали; но чего
В вольненьях сердца своего
Искал он думою неясной,
Чего желал, чего хотел,
К чему так пламенно летел
Душой и жадною, и страстной,
Как будто мир желал обнять, —
Того и сам не мог понять [9, т. 1, с. 220].

Не отрицая пушкинского влияния на молодого писателя, все же нельзя не заметить в "Ганце Кюхельгартене" своеобразного самовыражения Гоголя, определенного его эстетической и гражданской позицией данного времени. Внутренний порыв юного Гоголя был направлен на познание мира, активное приобщение к тому далекому и невиданному, что так еще неясно виднелось впереди.

О чем поэма? О грезах юного Ганца, родившихся в неудовлетворявшей его действительности. Юноша познал любовь прекрасной Луизы. Все, казалось, располагало к их счастливой личной жизни. Но душа Ганца была с более широкими запросами, а мысли намного свободнее, чем у окружавших его людей. Ганц хочет познать манящий мир, возникающий в его воображении. И он решается на смелый поступок: оставляет свою возлюбленную и отправляется в путь искать "земли роскошные края". Гоголь подчеркивает, что этот надуманный мир возникает в воображении Ганца как результат прочтенных книг. Этот мир раскрывается перед Луизой, когда она попадает в кабинет Ганца:

Вот входит в комнату она;
Но в ней все пусто. В стороне

Лежит, в густой пыли, том давний,
 Платон и Шиллер своенравный,
 Петрарка, Тик, Аристофан
 Да позабытый Винкельман [9, т. 1, с. 232].

И сновиденье, и посещение кабинета – все это напоминает детали, связанные с пушкинской Татьяной. Но и только. Ход дальнейшего развития событий в поэме Гоголя несколько иной.

Ганц, наконец, встречается с тем, о чем мечтал. Это была далекая Греция.

Печальны древности Афин.
 Колонн, статуй ряд обветшалый
 Среди глухих стоит равнин.
 Печален след веков усталых:
 Изящный памятник разбит,
 Изломлен немощный гранит,
 Одни обломки уцелели.
 Еще доныне величав,
 Чернее дряхлый архитрав,
 И вьется плющ по капители;
 Упал расщепленный карниз
 В давно заглохшие окопы
 Еще блестит сей дивный фриз,
 Сии рельефные метопы [9, т. 1, с. 236].

Это описание развалин древних Афин во многом напоминает изображение, воспроизведенное на картинах, которые висели еще при Гоголе в Гимназии и сейчас находятся в музее его имени в Нежине. Гоголю они помогли воочию представить то, о чем он мог читать в книгах.

Возникает вопрос: зачем именно в Грецию, а не в другое место направил свои стопы Ганц? Ответить на него помогут факты, с которыми сталкивался Гоголь в Гимназии высших наук. От своего товарища К.Базили Гоголь знал о той борьбе, которую вел греческий народ с турками за свободу своей родины. Отец К.Базили был приговорен к смертной казни, и только случайность помогла ему спастись. Эти события получили отражение и в литературе. Можно предполагать, что и своего героя Гоголь направляет в Грецию, чтобы он примкнул к борьбе. Однако там уже все было кончено. Турки покорили некогда вольный край.

Печальны древности Афин.
Туманен ряд былых картин.
Облокотясь на мрамор холодный,
Напрасно путник алчет жадный
В душе бывшее воскресить,
Напрасно силится развить
Протекших дел истлевший свиток, —
Ничтожен труд бессильных попыток;
Везде читает смутный взор
И разрушенье, и позор.
Промеж колонн чалма мелькает,
И мусульманин по стенам,
По сим обломкам, камням, рвам,
Коня свирепо напирает,
Останки с воплем разоряет [9, т. 1, с. 236–237].

Если не связывать освободительную цель поездки Ганца в Грецию, то трудно поверить в то, что даже романтический герой мог совершить это трудное предприятие, оставить свою Родину, свой привычный мир лишь для того, чтобы увидеть старые развалины. У него была благородная цель. Но Ганц разочарован, опечален:

Ему и горестно и жаль,
Зачем он путь сюда направил.
Не для истлевших ли могил
Кров безмятежный свой оставил,
Покой свой тихий позабыл? [Там же].

Ганц разочарован, он не такой представлял в своем романтическом воображении страну, в которую стремился. И все же одна деталь — мусульманин в чалме, который "с воплем разоряет" останки великой цивилизации, — заставляет нас осознать, что наш герой находится не в какой-то выдуманной, а реальной стране, в Греции, за свободу которой воевал Байрон, в которую стремились попасть многие русские патриоты, в том числе и Пушкин.

Ганц возвращается к родному дому, окунается в тот мир, который ранее не принимал. И в это можно верить. Разве мало было таких юношей, которые после 1825 года отошли от благородных порывов и зажили совершенно иной жизнью. В XVII картине Гоголь характеризует этот мир:

Как гробы, холодны они;
Как тварь, презреннейшая, низки;
Корысть и почести одни
Им лишь и дороги и близки.
Они позорят дивный дар:
И попирают вдохновенье,
И презирают откровенье;
Их холоден притворный жар,
И губительно их пробужденье.
О, кто б нетрепетно проник
В их усыпительный язык!
Как ядовито их дыханье!
Как ложно сердца трепетанье!
Как их коварна голова!
Как пустозвучны их слова! [6, т. 1, с. 241].

В XVII картину помещает Гоголь "Думу" – лирическое отступление автора, в котором он выражает свое отношение к назначению человека:

Благословен тот дивный миг,
Когда в поре самопознания,
В поре могучих сил своих
Тот, небом избранный, постиг
Цель высшую существованья;
Когда не грез пустая тень,
Когда не славы блеск мишурный
Его тревожат ночь и день,
Его влекут в мир шумный, бурный,
Но мысль, и крепче и бодря,
Его одна объемлет, мучит
Желаньем блага и добра;
Его трудам великим учит.
Для них он жизни не щадит.
Вотще безумно чернь кричит:
Он тверд среди сих живых обломков.
И только слышит, как шумит
Благословение потомков [9, т. 1, с. 242].

В этих словах виден Гоголь последних лет пребывания в Нежинской гимназии с его благородными порывами и высокими представ-

лениями о назначении человека, связанном с честным служением общественному благу и добру, с непоколебимой твердостью и решимостью преодолеть все трудности и превратности судьбы. Но Гоголь, мечтая о будущем, так же боялся разочарований при соприкосновении с жизнью. И тревожное предчувствие оправдалось. На первых порах самостоятельной жизни Гоголь ощутил то же самое, что и Ганц. Но герой поэмы мог возвратиться к своей возлюбленной, Гоголю же нужно было искать себя, чтобы утвердиться в жизни. Назад в Васильевку дороги у него не было.

Детали нежинской жизни Гоголя дали возможность несколько по-иному прочесть поэму, чем это сделали первые ее критики.

Без глубокого знания жизни Гоголя нежинского периода нельзя до конца понять и характер работы писателя над произведениями, созданными как в первые, так и последующие годы после окончания гимназии.

Литература

1. Гоголь Николай Васильевич. Его жизнь и сочинения. – М., 1910. – С. 28.
2. Коялович А. Детство и юность Гоголя // Московский сборник / Под ред. Сергея Шарапова. – М., 1887. – С. 208.
3. Там же.
4. Шевляков М. Рассказы о Гоголе и Кукольнике (В.И.Любич-Романович) // Исторический вестник. – 1892. – Декабрь. – С. 659.
5. Любич-Романович В.И. Гоголь в Нежинском лицее // Исторический вестник. – 1902. – №2. – С. 695.
6. Иофанов Д. Детские и юношеские годы Н.В.Гоголя. – К., 1951. – С. 158.
7. Гимназия высших наук и Лицей кн.Безбородко. – СПб., 1881. – С. 367.
8. Машинский С. Гоголь и "дело о вольнодумстве". – М.: Сов. пис., 1959. – С. 228.
9. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. – М.: Худож. лит., 1979.

Историко-бытовая основа повести Н.Гоголя "Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан"

Из юношеских произведений Гоголя получила известность повесть "Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан", которая называлась в литературе о писателе, но нигде не подвергалась исследованию. И это не случайно, ибо кроме ее названия и наименования пяти глав, известных по воспоминаниям Герасима Высоцкого, никаких других ее следов нет. И все же постараемся в дальнейшем определить историко-бытовую сторону этого произведения, чтобы предугадать то, что могло бы лечь в основу этой повести.

Любопытно само наименование произведения. Оно сделано в традициях литературы конца XVIII – начала XIX века. Вспомним произведение Ф.Глинки "Зиновий-Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия" (1819), В.Нарежного "Два Ивана, или Страсть к тяжбам" (1825) и т.д. Гоголь в свое название вкладывал определенный смысл. Первая часть его хотя и носит конкретный характер, ибо касается города Нежина, но в то же время выражает некоторую неопределенность, ибо в повести речь должна идти, согласно заглавию, лишь о каких-то частностях ("нечто"). Именно это и заинтриговывает читателя: "А что же собой представляет это "нечто"?"

Вторая часть заглавия, хотя как-то конкретизирует первую, ибо это "нечто" связано с несерьезными действиями, поступками обитателей города, и все же эта часть заглавия носит обобщающий характер по типу пословиц: "Что с дурака возьмешь?", "Заставь дурака Богу молиться, он и лоб разобьет" и т.д.

Таким образом, уже само наименование произведения настраивает читателя на комический характер его повествовательной части. Эту мысль подтверждает и творческая судьба произведения.

Свою повесть Гоголь написал до отъезда из Нежина его друга Герасима Высоцкого, который закончил Гимназию высших наук в июне 1826 года и которому юный литератор подарил свое произведение. Таким образом она попала в Петербург.

Второй экземпляр остался у Гоголя в Нежине. О существовании повести каким-то образом узнали греческие купцы, о которых шла речь в произведении. Гоголь настолько верно передал характеры греков, что многие указывали на реально существующих прототипов. Это возмутило купцов. И как гласит нежинская легенда, их делегация явилась с подарками к директору Гимназии И.С.Орлаю с просьбой выдать им сочинителя. Подарков И.С.Орлай не принял, но пообещал разобраться. Вызвал автора повести и заставил его уничтожить свой опус. Гоголь не мог послушаться директора, которого глубоко уважал. Он решил выписать и экземпляр повести, который находился у Г.Высоцкого, под предлогом, будто бы потерял подлинник, и больше уже ему не возвратил [1]. Так погибло первое значительное сатирическое произведение молодого писателя.

Известно, что в этот период своей жизни Гоголь увлекался сочинением сатирических стихов, в которых в юмористических или саркастических тонах раскрывал черты своих товарищей, чиновников Гимназии, на что указывает А.Данилевский [2]. В "Авторской исповеди" Гоголь вспоминал: "Ни я сам, ни сотоварищи мои, упражнявшиеся вместе со мной в сочинениях, не думали, что мне придется быть писателем комическим и сатирическим, хотя, несмотря на мой меланхолический от природы характер, на меня часто находила охота шутить и даже надоедать другим моими шутками, хотя в самых разных суждениях моих о людях находили уменье замечать те особенности, которые ускользают от внимания других людей, как крупные, так мелкие и смешные. Говорили, что я умею не то, что передразнить, но угадать человека, то есть угадать, что он должен в таких случаях сказать с удержанием самого склада его мыслей и речей" [3].

Подобного типа произведение по-настоящему мог оценить лишь Г.Высоцкий, такой же шутник и балагур, подвергавший не одного из гимназистов сатирически колкими характеристиками. "Мы в то время смотрели на литературу, – заявляет его однокурсник В.Любич-Романович, – как на творчество высшей среды. А Гоголь занялся какими-то Коробочками, Ноздревыми и Дмухановскими-Сквозниками... Это-то и отталкивало нас от него" [4]. С этих же позиций товарищи Гоголя по Гимназии оценивали и его ранние сатирические произведения. Пошутили, побалагурили – и большего значения стихам и зарисовкам Гоголя не отводили. На самом деле именно в Нежине у Гоголя

зарождается новый сатирический поход к изображению действительности в её реалистическом преломлении.

Воспоминания Г.Высоцкого дают возможность узнать не только наименование произведения, но и его составные части. Их пять:

"Освящение церкви на греческом кладбище",
"Выборы в греческий магистрат",
"Всеядная ярмарка",
"Обед у предводителя П****",
"Роспуск и съезд студентов".

Уже сами названия глав предопределяют основное направление размышлений Гоголя, высвечивают предмет, вокруг которого будет разворачиваться действие. Гоголь, как указывает Г.Высоцкий, взял несколько торжественных случаев, при которых то или иное сословие наиболее выказывало характеристические черты свои, и по этим случаям разделил свое сочинение на вышеуказанные отделы.

Попытаемся условно окунуться в мир жизни нежинских обитателей и восстановить факты, которые могли бы лечь в основу каждой главы произведения, то есть воскресить историко-бытовую основу гоголевской повести.

Итак, первая глава повести носит наименование "Освящение церкви на греческом кладбище".

Известно, что первые греки поселились в Нежине в конце XVII века. С каждым годом их колония разрасталась и в начале XIX ст. достигла 1800 человек. На окраине города в северной ее части рядом с общегородским Троицким находилось Греческое кладбище, на котором стояла небольшая кладбищенская деревянная церковь.

В начале XIX ст. известные греческие купцы-меценаты братья Анастасий и Николай Зосимы решили на ее месте построить каменный храм "Святых равноапостольных Константина и Елены" с такою же при ней колокольнею. Они получили благословение архипастыря Черниговского и Нежинского. Однако 14 января 1819 г. Анастасий Павлович умер и был похоронен возле недостроенной церкви.

Его брат Николай продолжил строительство, которое и было завершено в 1822 году и освящено при стечении большого количества людей [5].

Нежинская молва гласит, что во время этого важного события проявилось социальное неравенство. Те греки, которые победнее, пришли к месту торжества раньше, чем богатые купцы. Последние не

могли согласиться с тем, что они оказались в задних рядах, и начали пробираться вперед. Произошла давка, слышалась ругань, дошло до кулачных боев. Святое дело потеряло всю святость.

Свидетелем всего этого и мог быть Гоголь, если допустить, что гимназисты, и среди них ученик 3-го класса 13-летний Николай Гоголь, присутствовали на торжественном акте. Мог быть Гоголь на этом торжестве и самостоятельно, так как по воскресеньям гимназистов отпускали в город. И в первом, и во втором случае он мог быть действительно свидетелем всего того, что происходило возле храма, и надолго запомнить яркие сцены столкновений греков и при возникшей необходимости воспроизвести эти события в своей повести, создать яркие, колоритные образы их участников.

Возвратиться к этому эпизоду могли вынудить Гоголя и события более позднего времени, когда он обратился к описанию жизни греков во второй главе повести, которая называлась "Выборы в греческий магистрат".

Нежинские греки, начиная с XVIII века играли важную роль как в торговой, промышленно-ремесленной, так и культурной жизни города. Гетманы Украины, а затем и русские цари предоставляли им особые привилегии. Греки были независимы от нежинской городской власти, а поэтому имели свой магистрат, суд, храмы, школы. В 1785 году Екатерина II подтвердила нежинским грекам все ранее пожалованные грамоты, переименовав только название суда братства в Нежинский греческий магистрат. Бывшие судьи были названы бургомистрами и ратманами. 29 декабря 1801 года Александр I своей грамотой подтвердил права нежинских греков.

Нежинский греческий магистрат осуществлял административные и судебные функции. Во главе его стоял бургомистр, один из самых авторитетных членов греческого братства. Таким, например, был Стефан Кириллович Буфа, который инициировал в 1810 году открытие в Нежине Александровского греческого училища, собрав для этого 24571 руб. серебром. Их дали греческие купцы Москвы, С.-Петербурга, Одессы, Нежина. В 1811 году деньги положили в "Сохранную казну" на вечные времена. Проценты с этого капитала Нежинский греческий магистрат должен был использовать только на функционирование училища. С.К.Буфа поддержал братьев Зосимов в строительстве храма и т.д. Кроме того, он собрал довольно большую училищную библиотеку.

Жизнь греков была непростой. В их среде постоянно возникали какие-нибудь столкновения, дискуссии. Так, в 1822 г. разгорелась острая дискуссия вокруг учителя греческого языка в училище Х.Н.Иеропеса, которого пригласили из Греции для обучения детей родному языку. Директор Гимназии высших наук кн.Безбородко И.С.Орлай предложил читать греческий язык и для гимназистов, на что получил согласие. Об этом узнали нежинские греки и вознегодовали, потребовав от бургомистра, одновременно исполнявшего должность директора Александровского греческого училища, чтобы тот запретил учителю работать в двух учреждениях, так как он принял новую должность "без их ведома и согласия", Из греческого магистрата последовало немало бумаг в адрес И.С.Орлая, на которые тот не обращал особого внимания. В трудном положении оказался и директор училища Прихов, который занял эту должность 23 марта 1822 года. Он доказывал законность акции, которую не хотели признавать нежинские греки, требуя от Прихова лишить Х.Н.Иеропеса должности и квартиры в училище. Обстановка накалилась так, что директор училища направил в магистрат запечатанный пакет с требованием вскрыть его на полном собрании общества. В своем заявлении он писал, что согласился на должность директора училища лишь по усиленным просьбам общества. Но теперь, видя невозможность "продолжить службу в надлежащем виде, не уклоняясь от истины", отказывается от должности. Вместо того, чтобы Иеропесу объявить благодарность за то, что он обучает детей наших братьев, погибших в нынешнюю патристическую войну, которых приняли в Гимназию по воле Государя Императора на содержание графа Кушелева-Безбородко, греческая община неоправданно накаливает обстановку. Эти аргументы Прихова не имели на греков никакого воздействия. Магистрат потребовал его к ответу. И эту надуманную проблему смог решить только попечитель Харьковского учебного округа, который разрешил Х.Н.Иеропесу работать в двух учебных заведениях.

Этот факт свидетельствует о мелочности требований членов магистрата, непонимании общественной значимости дела, каком-то упрямстве и ограниченности. Подобное проявилось и в отношении Николая Зосима, который много сделал для утверждения греческой общины как меценат. Но магистрат решил выселить его из общественного дома, который он занимал, что нанесло ему сильную нравственную обиду.

Можно приводить много различных примеров о жизни греков, которые выходили за пределы общины и становились известными жителям города, в том числе и гимназистам. Среди знакомых Гоголя было немало греков.

Выборы в греческий магистрат были довольно сложным процессом. В 20-е годы XIX века греческая община жила на подъеме национально-патриотических чувств, так как в 1821 году в Греции началось восстание против османских захватчиков. Его организационной подготовкой занимались члены тайного общества греческих патриотов "Филики Этерия", которые базировались в Одессе. Здесь же поселилось и значительное количество греческих семей после разгрома восстания. В этот момент и было принято решение направить некоторых ребят учиться в Нежин.

Была еще одна важная проблема. В конце XVIII – начале XIX века в связи с открытием портов на Азовском и Черном морях сюда передвигалась и торговля. Греческие купцы переселялись на юг, при этом оставаясь членами нежинского братства, так как не хотели терять свои льготы, предусмотренные им с давних времен. Их приглашали на выборы магистрата, но войти в его состав они постоянно отказывались.

Магистрат был полноправным хозяином денег, которые шли от процентов капитала, внесенных богатыми греками на нужды братства. Кроме того, в кассу магистрата поступали пожертвования, которые делали греческие купцы, и "посредством этого небольшого ежегодного взноса они освобождались от всякой общественной службы и неизбежных с нею обязанностей" [6].

О характере использования денег не знала община, так как по греческим традициям никто расписок не давал. Поэтому было много нареканий. Да и суммы расходов, которые фиксировались в журнале, вызывали сомнения, например, дано 157 рублей нежинскому городничему за внимание к братству или истрачено большую сумму (и указано ее) на помощь бедным, на греческое училище и т.п. Были случаи явных злоупотреблений. Это вызывало недовольство в среде греков.

Непростыми были взаимоотношения и с нежинской властью. В связи с тем, что греки пользовались особыми льготами и привилегиями, не платили налогов, хотя торговали по всей стране, это раздражало местных обывателей, купцов других национальностей. Греческий суд в своей практической деятельности руководствовался не

общегосударственными российскими законами, а своим сборником законов Арменопуло. Пройдет небольшое время, и эти вопросы будут решаться в общегосударственном масштабе не на пользу греков, что привело к упадку греческого братства в Нежине.

Но во времена пребывания Гоголя в Нежине греки все еще пользовались привилегиями. О жизни греков Гоголь сообщал в письме к Г.Высоцкому от 19 марта 1827 года: "В Нежине теперь беспрестанные движения между греками, шумят, спорят в магистрате, хотят нового образа правления, в предшествующую субботу мятежные сенаторы самовольно свергнули архонта Бафу, а на его место и в сенаторское достоинство возвели до того неизвестного Афендулю. Базиль уже заключил с ним трактат и открыл греческую лавку" [7].

Все фамилии, которые называет Гоголь, действительно существовали [8].

Община нежинских греков обычно собиралась зимой в церкви, а летом возле храма для решения различных жизненных вопросов: избирали священников и критеров церкви, членов братского суда, бурмистров, а также членов местного самоуправления – магистрата. Как отмечают исследователи, в магистрат часто попадали люди необразованные, далекие от глубоких общественных проблем.

Членов магистрата избирали на три года. Гоголь был свидетелем одного из таких собраний, слышал, как соревновались в словесных выражениях греческие купцы и обыватели, обзывая друг друга сочными выражениями.

Гоголь мог быть свидетелем избрания на должность бурмиистра – Бафы, которого затем сняли. Это было в 1824 году.

Третья глава гоголевской повести называлась "Всеядная ярмарка".

Нежинские ярмарки – это своеобразное явление на Украине. Они возникли в городе еще в XVI веке, получили свой расцвет уже в XVII–XVIII веках. Именно в это время Нежин складывался как торговый центр. Три ярмарки – Троицкая, Покровская и Всеядная, которые ежегодно проходили в городе, создавали в нем особую атмосферу. Сюда приезжали купцы из многих стран мира, привозили разные товары, которые поражали не только своим многообразием, но и экзотичностью. Академик К.Харлампович, который исследовал греческую общину, писал: "На эти ярмарки приезжали купцы, украинские и великорусские, с разных городов и местечек с полотном, сукном, пушшиной, галантереей и другими товарами. Иностранцы купцы – ..." [9].

Эти ярмарки проходили в Нежине и в I пол. XIX века, хотя они уже не были такими масштабными, как раньше, ибо торговля переместилась на юг, и город потерял свое значение важнейшего торгового центра. Но ярмарки остаются ярмарками со своими специфическими особенностями. Не знаем, сколько раз Н.Гоголь побывал на Сорочинской ярмарке, но в Нежине он трижды в год посещал местные, наслаждаясь их шумом и богатством предметов, которые выставлялись для обозрения.

В повести "Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан" Н.Гоголь запечатлел зимнюю ярмарку, которая проходила перед великим постом целый месяц в январе–феврале.

Если до нас не дошло гоголевское описание ни одной из Нежинских ярмарок, о чем можно лишь сожалеть, то обратимся к их описанию, данных современником Н.Гоголя, младшим его соучеником по Гимназии высших наук кн.Безбородко, в будущем талантливым писателем Евгеном Гребенкой. В письме к родителям из Нежина он писал в 1828 г.: "Покровская ярмарка уже начинается, а с нею и движение народа: тяжелые гарбы татарские, наполненные изобилием юга – виноградом, с пронзительным криком тянутся по улицам; повсюду застучал молоток, движимый рукою прибыли, и новые балаганы длинными рядами появились на площади; там уветливый суздаец раскладывал целые коллекции своих картин; возле портретов Ильи Муромца и Соловья Разбойника видно изображения незабвенного мужа Рымникского; а против него для симметрии великий объедало, который в день изволил кушать около сорока пудов говядины. Толпы народа глаза тянутся около хитрого продавца, и медные гроши звучат переходят в карманы; и вскоре великий объедало укрощает угол хаты крестьянина" [10].

Не менее богатой и многолюдной была Всеедная ярмарка. Через полгода тот же Евгений Гребенка сообщал родителям 3 февраля 1829 года: "Уже наступает всеядная неделя, а с нею буйство и веселье; трудолюбивый молоток мастерового стучит на балагане, тяжелые сани извозчиков с товарами тянутся длинными рядами по мостовой, а маркированные козырьки носят на хребтах своих молодых дам и кавалеров. Все веселится..." [11]. "Ярмарка была обширная, и много было приезжих купцов из Москвы и даже из Казани, татары с шелковыми материями, у коих я купил себе прекрасный шейный платок"

[12]. Это уже впечатление Е.Гребенки от той же ярмарки, но следующего года (февраль 1830).

Нежинцы также готовились к ярмарке. К Всеедной ярмарке были уже готовыми знаменитые проквашенные нежинские соленья – маленькие пузырчатые огурчики, которые вывозились купцами в разные страны мира. Славился Нежин и своими особыми наливками, вареньями, табаком. В кабаках продавали не только привозные вина, но и местные напитки, водки разные – горелка, мед, пиво врознь в кварталы и чары, а также съестные продукты. "Кто охотник до ликеров, – восклицает один из путешественников, – пусть едет сюда: они превосходны; не напрасно хвалится водками Нежин; правда, что нигде таких отличных не делают" [13].

На прилавках ярмарок можно было встретить и товары нежинских ремесленников. Каждый приезжий мог заказывать себе украшения из золота или серебра – кольца, сережки.

Славилась и нежинские дукачи – женские нагрудные украшения в виде медальона, которые оформлялись металлическим бантом с вкраплениями граненных разноцветных стекол. Широко было развито в Нежине и изготовление печного кафеля. В начале XIX века город был центром изготовления художественных тканей, платков, поясов, которые пользовались большой популярностью и спросом. Были развиты и другие ремесла, в частности, изготовление "скрынь" (расписных деревянных сундуков) и деревянной посуды, которая расходилась не только в Нежине, но и по всей округе.

Гоголь любил бывать на ярмарках и базарах, которые постоянно действовали в промежутке между ярмарками. Его, прежде всего, интересовало не обилие товаров (ибо у него никогда не было лишних денег), а само состояние ярмарки и ее участники. Гоголь представляет ее как огромное чудовище, которое шевелится всем корпусом, "кричит, гогочет, гремит. Шум, брань, мычание, бляение, рев – все сливается в один нестройный говор. Волы, мешки, сено, цыганы, горшки, бабы, пряники, шапки – все ярко, пестро, нестройно; мечется кучами и снуется перед глазами. Разноголосые речи потопляют друг друга, и ни одно слово не выхватится, не спасется от этого потопа; ни один крик не выговорится ясно. Только хлопанье по рукам торгашей слышится со всех сторон ярмарки. Ломается воз, звенит железо, гремят сбрасываемые на землю доски и закружившаяся голова недоумеает, куда обратиться" [14].

Эти знаменитые строки из "Сорочинской ярмарки" Гоголя дают возможность представить ярмарку во всем ее объеме. Но писателя прежде всего интересуют ее участники. Он из огромной ярмарочной толпы высвечивает отдельные лица: приезжего мужика, который толкался в народе, узнавая и примеряясь к ценам на пшеницу, которую привез продавать, а также дегтем, которого он хотел взять на барыш; молодую, симпатичную, чернобровую девушку, которая первый раз на ярмарке и ее охватывает весь ее мир, такой занимательный, веселый и незнакомый. "Ее смешило до крайности, как цыган и мужик били один другого по рукам, вскрикивая сами от боли; как пьяный жид давал бабе киселя; как поссорившиеся перекупки перекидывались бранью и раками; как москаль, поглаживая одною рукою свою козлиную бороду, другою..." [15]. Постепенно Гоголь заполняет ярмарку все новыми и новыми персонажами: цыган, мужик, пьяный жид, перекупки, шинкаря и т.п. Среди ярмарочных персонажей появляется два человека: один, похожий весьма на заезжего "обитателя какого-нибудь местечка, в пестрядевых, запачканных дегтем и засаленных шароварах", и другой – "в синей, местами уже с заплатами, свитке и с огромною шишкою на лбу" (в черновике было – "с широким носом и огромною на нем шишкою"). Это мир "Сорочинской ярмарки", но это могли быть и персонажи нежинской. Таков был гоголевский принцип освещения жизни ярмарки, ее обитателей.

Соученик Гоголя по Нежинской гимназии высших наук Василий Любич-Романович замечал, что Гоголь "искал сближения... с базарными торговцами на рынке Нежина – в особенности. Это сближение его с людьми простыми, не претендующими на изящество манер, изысканность речи и на выбор предмета беседы, очевидно, давало ему своего рода наслаждение в жизни, удовлетворяло его эстетические потребности и вызывало в нем поэтическое настроение. Так, по крайней мере, мы это замечали потому, что он после каждого такого знакомства где-либо подолгу запирался в своей комнате и заносил на бумагу свои впечатления" [16].

Активность на Всеедной, как и на других ярмарках, проявляли греки, которые не только торговали в магазинах, но и занимались доставкой товаров и его перепродажей большими партиями. И эта торговля на Всеедной ярмарке проходила до 1847 года, пока ее не перевели в город Ромны.

Гоголя, естественно, не столько интересовали торговые отношения, операции, сколько сами торговцы, колоритные, интересные, богатые во всех отношениях. Кто оказался в объекте внимания юного писателя, что так поразило его, что он обратился к описанию именно Всеедной ярмарки, трудно сказать. Но то, что это было преподнесено с юмором, – это так, и на это мы уже обращали внимание, рассказывая о повести Гоголя "Сорочинская ярмарка" [17].

Четвертая глава "Обед у предводителя П****"

Побывать на обеде у предводителя дворянства, да еще у нежинского – не каждому везло. Это было особое событие, на которое приглашались представители дворянства, а также известные лица города, то есть нежинская элита.

Нежин хотя и был уездным городом, но по населению он превышал многие губернские города, был известен еще с XVII века как один из крупных полковых городов Левобережной Украины. Поэтому еще с XVIII века в крепости Нежина располагалось военное подразделение, которым командовал генерал. В частности, в 20-е годы XIX в. здесь стоял Киевский драгунский полк. И это было одной из его отличительных черт.

Нежин был многонациональным городом. Кроме украинцев, русских, евреев и других представителей разных национальностей, в городе с XVII века обосновалась большая колония греков, которая, как уже отмечалось, играла важную роль в его жизни. Греческое купечество было известно далеко за пределами Украины.

Нежин был и культурным центром. С 1820 г. функционировала Гимназия высших наук со штатом профессоров. В городе также функционировали уездное училище, Александровское греческое училище, богоугодное заведение, аптека, почтовая станция и т.п.

Известны были и медноливарный завод братьев Черновых (с 1791 г.), ткацкая фабрика Иванова и другие предприятия. Здесь обосновались на постоянное жительство те, кто уходил в отставку: крупные чиновники, военные. Как отмечают путешественники, те, кого судьба временно забрасывала в Нежин и которые на короткое время останавливались в городе, нежинцы были особо гостеприимны.

Бывший Владимирский губернатор, москвич князь Иван Михайлович Долгорукий дважды в 1810 и 1817 годах побывал в Нежине, познакомился с храмами, культурными достопримечательностями города, а также его обитателями. Отрывок из его воспоминаний дает

возможность окунуться в частную жизнь нежинцев, в их бытовую атмосферу:

"Сестра моя... старалась показать нам все здешние общества, в лучшем их виде, и познакомила нас со многими. По утрам мы принимали визиты к себе, а после обеда сами их развозили. Генерал Поль просил нас к себе обедать. Квартира его не велика и не пышна, но отенена будучи садом с деревьями, приятнее золотых карнизов, в жаркое время дня. Он и жена его – любезные хозяева. Накормили нас очень хорошо, и под звуки клавикорда наши дети попрыгали между собой. Ездили потом к Рубану, отставному Действительному статскому советнику и человеку пожилому; с ним жена и внучик. Когда я служил в гвардии, он был Советником в Петербургском банке. Мы вспоминали с ним красоты того века и тогдашней жизни.

Посетили Клицу [греческий купец – Г.С.]. Его не было в доме; он в Ромны поехал на ярмарку, сбывать пушный товар, которым ведет торг с Царемградом и Черноморскими портами. Жена его, беременная на сносях, приняла нас очень ласково, потчевала нас фруктами и напоила чаем.

В будние дни здесь никакого собрания не бывает; но для нас генерал Поль пригласил многих жителей города в Безбородкин сад ["Но чего лучше для прогулки Безбородкин сад? Он всякое воскресенье открыт для публики"]. Там услышали мы полковую музыку, увидели многих офицеров, и сделалось изрядное собрание. Это привлекло многих простолудинов; на широкой площадке под тенью (или тени уже не надобно было в вечер тихий и прекрасной), скажем лучше под крышкой больших деревьев, открылся бал. Все мы, старые и малые, пустились танцевать. Мазурка, попурри и прочие танцы заняли молодежь до сумерек, и мы не разъехались, а разошлись пешком, при лунном сиянии.

Некто полковник Краснокутской, женившийся недавно на пригожей девушке Ширковой, родственник моего зятя, пригласил нас всех к себе на чашку чаю: мы все пошли к нему маршем; он имел квартиру близко сада. Музыка следовала за нами, офицеры также, и у него продолжался бал почти до полуночи. Он живет очень хорошо. Покои пространные, вишен и конфет нашли у него множество, и тут прекраснейшим образом кончили день, которой столько был весел, сколько того желать позволено в Нежине. Но сии забавы не принадлежали городу: мы ими в полной мере обязаны были ласковости ге-

неральши Поль, которая около себя умела собрать круг лучших людей в городе" [18].

Таким же наполненным на различные события был и следующий день, который так же подробно описывает князь И.М.Долгорукий.

"Мы захватили тут госпожу Рубан, и все пошли чай пить к Клице. Там ждали нас бергамоты, дыни, арбузы, груши и всякие плоды. Здесь их множество на рынках и в домах. Вечер был прекрасный. Мы при восходе месяца шли пешком на квартиру в одних фраках... Краснокутские нас звали к себе обедать. У них другие заняли меня предметы. Хозяин подарил мне свое путешествие в Цареград, печальное, и показывал табакерку бриллиантовую, которая подарена была ему от султана: алмазы крупные и большой цены: она стоит, говорят, здесь 10000 рублей. Вещь драгоценная! На шее у него орден луны на померанцевой ленте: едва ли кто из русских офицеров, кроме его, имеет сие отличие. Орден золотой, круглый, с алмазами, а к нему месяц маленькой меры из алмазов прикалывается вместо нашей звезды, на левой стороне. Все эти безделки любопытны, потому что редки...

На вечер пожаловали к нам Клица и Краснокутские, кои у нас и отужинали. Круговенька была разговорчива и весела. Полицмейстер здешний также разделил ее с нами. Он из военных, и доставил мне разные пособия к путешествию до Москвы" [19].

Просим прощения за длинные цитаты. Но нам хотелось окунуть читателя в бытовую повседневность представителей высшего общества Нежина, обратившись к воспоминаниям одного из его его участников. Без этих подробностей, отмеченных И.М.Долгоруким, трудно представить бытовую сторону жизни тех, кто был в объекте внимания Гоголя.

Познакомившись с некоторыми гостеприимными нежинцами, возвратимся к гоголевской четвертой главе, посвященной обеду у предводителя П***.

Кто скрывался под усеченной буквой П? Сопоставив все факты, можем утверждать, что это мог быть Яков Семенович Прокопович, отец друга Николая Гоголя. Бывший военный, управляющий заставой пограничников, таможенник, коллежский советник 49-летний Я.С.Прокопович, выйдя в отставку, вместе с двумя сыновьями в 1820 году переехал в город Нежин на постоянное место жительства. Вскоре он был избран уездным предводителем дворянства. В 1822 г. он поместил своих сыновей Николая и Василия в Гимназию высших наук

вольными пансионерами, то есть они содержались в пансионе Гимназии за счет родителя, а Гоголь содержался там же за счет Гимназии. Несмотря на то, что Гоголь был на два года старше, он очень подружился с Николаем Прокоповичем.

В связи с тем, что отец Н.Прокоповича жил в Нежине, то Гоголь вместе с Николаем мог бывать в их доме и наблюдать за одним из обедов у предводителя дворянства Якова Семеновича.

Гоголь был мастером описания завтраков, обедов, балов, о чем свидетельствуют их описания в произведениях последующих лет. Чтобы подкрепить нашу мысль, приведем здесь несколько отрывков из "Мертвых душ": "...В продолжение того времени, как гости резались в вист, появилась на столе белуга, осетры, семга, икра паюсная, икра свежепросольная, селедки, севрюжки, сыры, копченые языки и балыки, – это все было со стороны рыбьего ряда. Потом появились прибавления с хозяйской стороны, изделия кухни: пирог с головизною, куда вошли хрящ и щеки девятипудового осетра, другой пирог с груздями, пряженцы, масляницы, взваренцы... Заметив, что закуска была готова, полицмейстер предложил гостям окончить вист после завтрака, и все пошли в ту комнату, откуда несшийся запах давно начинал приятным образом щекотать ноздри гостей и куда уже Собакевич давно заглядывал в дверь, наметив издали осетра, лежавшего в стороне на большом блюде. Гости, выпивши по рюмке водки темного оливкового цвета, какой бывает только на сибирских праздничных камнях, из которых режут на Руси печати, приступили со всех сторон с вилками к столу и стали обнаруживать, как говорится, каждый свой характер и склонности, налегая кто на икру, кто на семгу, кто на сыр" [20].

А вот отрывок из невошедшей в основной текст поэмы главы "Обед у полковника Кошкарева": "Ротозей Емельян и вор Антошка явились с салфетками, накрыли стол, поставили поднос с шестью графинами разноцветных настоек. Скоро вокруг подносов и графинов обстановка ожерелье тарелок со всякой подстрекающей снедью. Слуги поворачивались расторопно, беспрестанно принося что-то в закрытых тарелках, сквозь которые слышно было ворчавшее масло.

Закуске последовал обед. Здесь добродушный хозяин сделался совершенным разбойником. Чуть замечал у кого один кусок, подкладывал ему тут же другой, приговаривая: "Без пары ни человек, ни птица не могут жить на свете". У кого два – подваливал ему третий,

приговаривая: "Что ж за число два? Бог любит троицу". Съедал гость три – он ему: "Где ж бывает телега на трех колесах? Кто ж строит избу о трех углах?" На четыре у него была тоже поговорка, на пять – опять. Чичиков съел чего-то чуть ли не двенадцать ломтей и думал: "Ну, теперь ничего не приберет больше хозяин". Не тут-то было: не говоря ни слова, положил ему на тарелку хребтовую часть теленка, жаренного на вертеле, с почками, да и какого теленка!

- Два года воспитывал на молоке, – сказал хозяин, – ухаживая как за сыном!

- Не могу, – сказал Чичиков.

- Вы попробуйте да потом скажите: не могу!

- Не взойдет, нет места.

- Да ведь и в церкви не было места, взошел городничий – нашлось. А была такая давка, что и яблоку негде было упасть. Вы только попробуйте: этот кусок тот же городничий.

Попробовал Чичиков – действительно, кусок был вроде городничего. Нашлось ему место, а казалось, ничего нельзя было поместить" [21].

По этим отрывкам читатель, вошедший во вкус гоголевских описаний закусок, может себе представить обед у нежинского предводителя П***. Гоголь при этом ярко и колоритно воспроизводил тех, кто так насыщался за таким богатым таким разнообразным обедом.

Последняя, пятая, глава повести "Роспуск и съезд студентов" посвящена периоду летних каникул гимназистов, которые начинались обычно после последнего экзамена летней сессии в конце июня и длились целый месяц. 1 августа в Гимназии начинались занятия нового учебного года.

Какими же были роспуск и съезд студентов в год, когда предположительно была написана повесть? 1824 год. 1 июня в Гимназию прибыл почетный попечитель граф А.Г.Кушелев-Безбородко. Незадолго до каникул 13 июня Гоголь сообщал родителям, что господа Баранов и Данилевский вместе с ним с нетерпением ожидают отъезда домой. "Я вам писал о приятном путешествии, которое мы скоро предпримем; о радостном нашем свидании; о удовольствиях, которые я буду внушать. Разве это такой мелочный предмет, который должно оставить без внимания? Верьте, любезные родители, что вся так сказать жизнь моя основанна на этом. Сие блаженное время я почитаю центром моих желаний, источником моих удовольствий. – Итак, наде-

юсь, вы ускорите письмом вашим. Но, правда, теперь уже его не нужно, я и позабыл, что ныне 13 июня и что чрез 10 дней вы пришлете за мною (каникулы будут 20 июня). Но так как еще мне надо сделать платье, то мы не ранее 23 выедем отсюда; как бы я желал скорее... Ежели вы будете присылать за нами, то, пожалуйста, пришлите нашу желтую коляску с решетками и шестеркою лошадей. Не забудьте коляску с зонтиком, в случае дождя чтоб нам спокойно было ехать, не боясь быть промоченными". Гоголь также просит прислать книги из Кибинец "на дорогу для разогнания скуки долго оставаться на постоянных дворах".

Завершается это письмо лирическим размышлением о Родине, родной земле, тихой речке Псел.

Но в это предканикулярное время Гоголя и его друзей ожидало важное событие, которое происходило в Гимназии. 22 июня 1824 года была освящена гимназическая Свято-Александровская церковь. До этого гимназисты ходили на молебен в Свято-Преображенскую церковь.

На церемонии, кроме профессоров и учащихся, присутствовали военные, гражданские чиновники Нежина, родители гимназистов, помещики окрестных сел. После освящения церкви и всех помещений Гимназии, в котором приняло участие духовенство всех церквей Нежина во главе с архимандритом Евгением, почетный попечитель Гимназии А.Г.Кушелев-Безбородко для гостей устроил торжественный завтрак, а в четыре часа пополудни – обед. День закончился балом, который продолжался до двух часов ночи. Это важное событие было зафиксировано в журнале конференции.

А священник А.Ф.Хойнацкий в своем очерке "Институтская Свято-Александровская церковь в г.Нежине" (1877) называет Н.Гоголя, а также всех пансионеров второго отделения, где он учился, которые присутствовали на этом торжестве. Гоголь, воспроизводя это важное событие, не мог не заметить забавные случаи, какие-то интересные ситуации, которые затем воспроизвел с юмором в своей повести.

23 июня 1824 года Гоголь вместе со своими друзьями Петром Барановым и Александром Данилевским выехали домой на каникулы.

Возвращение с каникул ничем особым для Гоголя в этот год не ознаменовалось.

Приведенные выше факты дают возможность предположить, что в повести Н.Гоголь использует кольцевую композицию: он начинает

свое повествование и заканчивает его освящением церквей – Святой Елены и Константина на Греческом кладбище и Свято-Александровской в Гимназии высших наук. И несмотря на юмористическую окраску событий в середине повести, начало и ее конец определяют авторскую позицию – не только смеяться над пошлостью, но и помнить о возвышенных ценностях человеческого бытия.

Не претендуя на окончательный вариант раскрытия социально-бытовой основы произведения Н.Гоголя, надеемся на то, что появятся и другие исследования, которые помогут окунуться в мир гоголевских героев и их жизненных ситуаций.

Литература

1. Гимназия высших наук и Лицей кн.Безбородко. – СПб., 1881. – С. 364.
2. Н.В.Гоголь и А.С.Данилевский // Вестник Европы. Журнал истории – политики – литературы. 14 том. Двадцать пятый год. – СПб., 1890. – Т. 1. – С. 82.
3. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. – М., 1978. – Т. 6. – С. 426.
4. Гоголь в Нежинском лицее (Из воспоминаний В.И.Любич-Романовича) // Исторический вестник. Год 23. – Февраль. – 1902. – С. 554.
5. Отдел государственного Черниговского областного архива в Нежине, ф. 1249, оп. 1, ед. хр. 128, л. 4.
6. Харлампович К. До історії національних меншостей на Україні. Грецька колонія в Ніжині (XVII–XVIII ст.). Нарис V. Ніженські греки і торгівля // Записки історико-філологічного товариства Андрія Білецького. Вип. 3. – К., 1999. – С. 130.
7. Гоголь Н.В. Полное собр. соч. – М., 1940. – Т. X. – С. 86–87.
8. Строжевский Н.К. Нежинские греки. – К., 1863. – С. 19–20. Здесь перечислено 226 фамилий нежинских греков согласно X ревизии.
9. Харлампович К. До історії національних меншостей на Україні. Грецька колонія в Ніжині (XVII–XVIII ст.). Нарис V. Ніженські греки і торгівля // Записки історико-філологічного товариства Андрія Білецького. Вип. 3. – К., 1999. – С. 128.
10. Гребінка Є. Твори: У 3 т. – К., 1980. – Т. 3. – С. 532.
11. Там же. – С. 539.
12. Там же. – С. 551.

13. Долгорукий И. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда // Чтение в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1869. – Кн. 3, гл. I, XXIX. – С. 312.

14. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. – Т. 1. – С. 18.

15. Там же. – С. 19.

16. Исторический вестник. – 1902. – Т. 87, №2. – С. 548.

17. Самойленко Г.В. О "Сорочинской ярмарке" Н.Гоголя // Література та культура Полісся. Вип. 31. – Ніжин, 2006. – С. 44–63.

18. Путешествие в Киев в 1917 году князя Ивана Михайловича Долгорукого // Чтение в имп. обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1870. – Апрель–июнь, кн. 2. – М., 1870. II. Материалы отечественные. – С. 58–60.

19. Там же. – С. 176.

20. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. – М., 1978. – Т. 5. – С. 143.

21. Там же. – С. 408.

Театральная деятельность Гоголя в Нежинской гимназии

Первые представления в Гимназии начали готовить в конце 1823 – начале 1824 года. Это была пьеса В.Озерова "Эдип в Афинах". В музее университета сохранилась книга "Сочинения В.А.Озерова" (ч. I, СПб., 1816), по которой Гоголь и другие гимназисты готовили роли в трагедиях "Эдип в Афинах", а затем "Фингал". Письма Н.Гоголя к родителям, а также к соученику Г.И.Высоцкому свидетельствуют о том, какую большую работу проводили гимназисты в связи с постановкой спектаклей [1]. Их успех способствовал поискам новых пьес для репертуара.

В письме к родителям от 22 января 1824 г. Гоголь просит прислать комедии "Бедность и благородство души" и "Ненависть к людям и раскаяние" немецкого драматурга Августа Фридриха Коцебу (1761–1819), пьесы которого были популярны в России, а также "Богатонов, или Провинциал в столице" (1817) М.И.Загоскина. "И еще ежели каких можно прислать других, за что я вам очень буду благодарен и возвращу в целости" [Т. X, с. 45].

Тяготение Н.Гоголя к театру, постановкам не было случайным. Он уже прошел своеобразную школу подготовки. Отец Н.Гоголя, Василий Афанасьевич, и его мать, Мария Ивановна, принимали активное участие в постановке спектаклей у вельможи В.Трощинского, у которого был свой домашний театр в Кибинцах. На этих представлениях неоднократно бывал и Н.Гоголь, в некоторых постановках сам принимал участие. В письме к родителям от 1 октября 1824 г. он обращается с просьбой: "Сделайте милость, объявите мне, поеду ли я домой на Рождество; то, по вашему обещанию, прошу мне прислать роль. Будьте уверены, что я ее хорошо сыграю, чем я вам буду много благодарен" [Т. X, с. 48].

В.А.Гоголь сам писал пьесы ("Простак, або Хитроці жінки, перехитреної солдатом", "Собака – вівця" и др.), которые разыгрывались на сцене помещичьих домашних театров. Одну из них, по преданию, и поставил Н.Гоголь на сцене гимназического театра.

Об этом свидетельствует исследователь театра на Черниговщине Кость Копержинский. Он считал, что гимназисты, кроме рус-

ских и зарубежных, ставили и украинские пьесы, в том числе и Василия Гоголя и Ивана Котляревского. Правда, свой вывод относительно "Наталки Полтавки" он делает на основании описанной в воспоминаниях Т.Пашенко декорации. Но это всего лишь догадки исследователя. Сценки, сочиненные Н.Гоголем и Н.Прокоповичем на малороссийские сюжеты, действительно шли.

В тех же воспоминаниях Т.Пашенко читаем: "Однажды сочинили они пьесу из малороссийского быта, в котором немалую роль дряхлого старика малоросса взялся сыграть Гоголь. Разучили роли и сделали несколько репетиций. Настал вечер спектакля, на который съехались многие родные лицеистов и посторонние. Пьеса состояла из двух действий; первое действие прошло удачно, но Гоголь на нем не являлся, а должен был явиться во втором. Публика тогда еще не знала Гоголя, но мы хорошо знали и с нетерпением ожидали выхода его на сцену. Во втором действии представлена на сцене простая малороссийская хата и несколько обнаженных деревьев, вдали река и пожелтевший камыш. Возле хаты стоит скамейка; на сцене никого нет. Вот является дряхлый старик в простом кожухе, в бараньей шапке и смазных сапогах. Опираясь на палку, он едва передвигается, доходит, кряхтя, до скамейки и садится. Сидит, трясется, кряхтит, хихикает и кашляет; да, наконец, захихикал и закашлял таким удушным и сильным старческим кашлем с неожиданным прибавлением, что вся публика грохнула и разразилась неудержимым смехом... А старик преспокойно поднялся со скамейки и поплелся со сцены, уморивши всех со смеху. Бежит за ширмы инспектор Белоусов – Как же это ты, Гоголь? Что же это ты сделал?!! – А как же вы думаете сыграть натуральнее роль восьмидесятилетнего старика? Ведь у него, бедняги, все пружины разслабли и винты уже не действуют, как следует". На такой веский аргумент инспектор и все мы расхохотались и более не спрашивали Гоголя. С этого вечера публика узнала и заинтересовалась Гоголем как замечательным комиком" [2].

Некоторые исследователи к первым опытам игры Гоголя-актера относят различные его проказы, шутки, которые отличались остроумием и изобретательностью. А.Коялович все эти шутки и шалости называет простейшей формой подражания, которую "можно назвать зародышем высших форм драматического искусства" [3]. Но возникает вопрос, кому и чему подражал Гоголь? Ответа здесь нет, ибо Гоголь не подражал, а сам творил жизненную мизансцену в зависимости от обстоятельств, участников события, которые могли спровоцировать или подготовить к самовыражению Гоголя-актера.

Известно, что официальное разрешение на устройство в Гимназии театра было получено 28 декабря 1826 года. Можно считать, что именно оно и послужило основанием театра в Нежине, ибо до этого времени спектакли в городе были эпизодичными. А приезд в Нежин попечителя Гимназии Г.А.Кушелева-Безбородко окончательно утвердил театральное дело в учебном заведении.

В памяти студентов надолго остался 1827 год. Любители театра создали несколько интересных спектаклей. Во многих из них Н.Гоголь был режиссером-постановщиком, актером, оформителем, декоратором, бутафором. Поэтому в письмах к родным он часто просил что-нибудь для театра: "Ежели можно прислать и сделать несколько костюмов, сколько можно, даже хоть и один, но лучше бы побольше, также хоть немного денег... Каждый из нас уже пожертвовал, что мог, а я еще только. Как же я сыграю свою роль, о том я вас извещу" [Т. X, с. 45].

В письме от 26 февраля 1827 года Н.Гоголь сообщал матери, что на Масленице четыре дня подряд ставили пьесы, "и к чести нашей, признали единогласно, что из провинциальных театров ни один не годится против нашего. Правда, играли все прекрасно. Две французские пьесы соч. Мольера и Флориана, одну немецкую соч. Коцебу. Русские: "Недоросль", соч. Фонвизина, "Неудачный примиритель" Княжнина, "Лукавин" Писарева и "Береговое право" соч. Коцебу. Декорации были отличные, освещение великолепное, посетителей много, и все приезжие, и все с отличным вкусом... Музыка тоже состояла из наших: восемнадцать увертюры Россини, Вебера и других были разыграны превосходно. Короче сказать, я не помню для себя никогда такого праздника, какой я провел теперь" [Т. X, с. 83].

Гоголь отдавал театру немало сил, времени и своего таланта. Он был его душой. Всегда с увлечением играл в пьесах русских драматургов. Но администрация Гимназии ставила условие: непременно играть одну французскую или немецкую пьесу на соответствующем языке. "Гоголь должен был также участвовать в одной из иностранных пьес, – вспоминал Н.Кукольник. – Он выбрал немецкую. Я предложил ему роль в двадцать стихов, которые начинались словами: "O mein Vater!", затем шло изложение какого-то происшествия. Весь рассказ оканчивался словами: "nach Prag!" Гоголь мучился, учил роль усердно, одолел, выучил, знал на трех репетициях, во время самого представления вышел бодро, сказал: "O mein Vater!", запнулся... покраснел... но тут же собрался с силами, возвысил голос, с особенным пафосом произнес: "nach Prag!" – махнул рукой и ушел... И слушате-

ли, большей частью не знавшие ни пьесы, ни немецкого языка, остались исполнением роли совершенно довольны. Зато в русских пьесах Гоголь был истинно неподражаем, особенно в комедии Фонвизина "Недоросль", в роли г-жи Простаковой; я играл Митрофанушку... Скотинина – А.А.Божко, Кутейкина – Н.П.Григоров, Цифиркин-Миллер, Вральмана – Марков и т.д. Из русских пьес – я помню еще представление "Чудаков", комедии Княжнина, "Хлопотуна" – Писарева (главная роль – Гоголь); из французских – "Medecin malgre lui" и "Avare" Мольера. Мы собрались играть "Фингала"; роли были розданы; даже репетиции по частям начались. Роль Старна назначалась Гоголю, Фингала – мне, Моины – Гинтовту, но уже теперь не помню, что расстроило этот спектакль и весь наш домашний театр" [4].

О формировавшемся таланте Гоголя, актера-комика, говорил и близкий его товарищ Т.Пашенко: "На небольшой сцене второго лицейского музея лицеисты любили иногда играть по праздникам комические и драматические пьесы. Гоголь и Прокопович, душевные между собой приятели, особенно заботились об этом и устраивали спектакли. Играли пьесы и готовые, сочиняли и сами лицеисты. Гоголь и Прокопович были главными авторами и исполнителями пьес. Гоголь любил преимущественно комические пьесы и брал роли стариков, а Прокопович – трагические... Гоголь взялся сыграть роль дяди-старика, страшного скряги. В этой роли Гоголь практиковался более месяца, и главная задача для него состояла в том, чтобы нос сходил с подбородком. По целым часам просиживал он перед зеркалом и пригибал нос к подбородку, пока наконец не достиг желаемого. Сатирическую роль дяди-скряги сыграл он превосходно, морил публику смехом и доставил ей большое удовольствие. Все мы думали тогда, что Гоголь поступит на сцену, потому что у него был громадный сценический талант и все данные для игры на сцене: мимика, гримировка, переменный голос и полнейшее перерождение в роли, какие он играл. Думается, что Гоголь затмил бы и знаменитых комиков-артистов, если бы вступил на сцену" [5]. На это указывал и А.С.Данилевский, замечая: "Вообще Гоголь удивительно воспроизводил те черты, которых мы не замечали, но которые были чрезвычайно характерны. Он был превосходный актер. Если бы он поступил на сцену, он был бы Щепкиным" [6].

Особенно поразил Гоголь своих товарищей по гимназии в роли Простаковой в пьесе Д.Фонвизина "Недоросль". Участник этого спектакля К.Базили позже вспоминал: "Удачнее всего давалась у нас комедия Фонвизина "Недоросль". Видал я эту пьесу в Москве и в Пе-

тербурге, но сохранил всегда то убеждение, что ни одной актрисе не удавалась роль Простаковой так хорошо, как играл эту роль шестнадцатилетний Гоголь" [7]. Ему особо удавались роли в комедиях. Он с успехом играл Василису в пьесе И.Крылова "Урок дочкам". Актерский талант Гоголя был большой.

Преподаватель латинского языка И.Кулжинский вспоминал: "Живо я помню представление Митрофанушки-Недоросля на гимназическом театре. Гоголь играл Еремеевну [Простакову – Г.С.]; хохотали до слез, и не подозревали, что эта Еремеевна [Простакова – Г.С.] уже, может быть, обдумывала своего "Ревизора" [8].

Мастерство Гоголя, начинающего актера, состояло и в том, что он мог даже самую маленькую роль сделать заметной. В этом нас убеждают воспоминания современников о сыгранных Гоголем ролях.

Именно в Нежине, как нам кажется, шлифовалось то великое мастерство, на которое, обратил внимание В.Любич-Романович, никогда не симпатизировавший Гоголю, особенно в юные годы, когда позже наблюдал за превосходным авторским чтением "Ревизора". "На сцене "Ревизор" шел менее характерно в своих тонах и репликах и слушался не так интересно, как в чтении самого Гоголя... У Гоголя все это было слышно в чтении "Ревизора", все герои его пьесы ходили живыми перед нами, а не говорящими манекенами, как то было видно на сцене... Замечательное чтение своих драматических произведений Гоголем на голоса давало слушателю его полное представление о том, что он слушает целую гармонию жизни в лице многих, различных между собою классов, ведущих общественную беседу... Словом, Гоголь был артистом в прямом значении этого слова..." [9].

Да, действительно, это был театр одного актера. И это иногда проявлялось и в Нежине, когда Гоголь рассказывал какие-нибудь истории, а также в его письмах к Г.И.Высоцкому и другим адресатам.

Гоголь на сцене гимназического театра сыграл немало ролей: Репейкина в "Хлопотунье", Досажаева в "Лукавине". Обе роли были характерно комического плана. Хвалили Гоголя и за роль Креона в трагедии Озерова "Эдип в Афинах".

Кроме Гоголя, в подготовке спектаклей принимали участие и другие гимназисты. А.Данилевский, имевший привлекательную внешность, играл обычно женские роли. В пьесе "Эдип в Афинах" Базили играл Эдипа, а Данилевский – Антигону, а в "Фингале" – Моину. Как свидетельствуют современники, А.Данилевский не отличался актерскими способностями, его больше выручала внешность. Хорошо играл Н.Кукольник Митрофанушку в пьесе Д.Фонвизина "Недоросль". "В

"Недоросле" Гоголь и Кукольник, – вспоминал А.Данилевский, – приводили в восторг публику действительно блестящим исполнением: первый отличался в роли Простаковой, тогда как последний превосходно играл Митрофана. В этих ролях оба, по единодушному признанию всех, кто их видел на сцене, были неподражаемы", а также в других пьесах. "Когда он [Кукольник – Г.С.] исполнял последнюю сцену трагедии Сумарокова "Дмитрий Самозванец", он, после эффектно произнесенных заключительных слов, падал на пол, как труп, чем производил сильное впечатление; он изумлял также публику патетическим исполнением заглавной роли в "Фингале" Озерова" [10].

В числе актеров, исполнявших женские роли, был и А.Бородин. В комедии Д.Фонвизина "Недоросль" он играл Софью, а К.Базили – Стародума. В пьесе И.Крылова "Урок дочкам" А.Бородин играл роль одной из дочерей Лукерьи Ивановны.

Активное участие в подготовке спектаклей принимал и Н.Прокопович. Эта страсть к театру чуть-чуть не стала для него, как и для Н.Гоголя, делом всей жизни. "Прокопович, подобно своему знаменитому другу, задумал поступить на сцену. С этой целью он стал посещать театральное училище – "дело уже доходило до того, что он являлся на сцене в незначительных ролях вестников или, так называемых, предводителей свиты Фортимбраса" [11]. Некоторые обстоятельства помешали Н.Прокоповичу остаться на сцене.

Следует сказать несколько слов о музыкальном оформлении спектаклей. Напомним строки из письма, где Гоголь рассказывает об успешных театральных представлениях: "Музыка тоже состояла из наших: восемнадцать увертюры Россини, Вебера и других были разыграны превосходно" [Т. X, с. 83].

Н.Кукольник также обращал на это внимание, когда вспоминал о театральных постановках: "Не могу не сказать и о нашем оркестре. Под руководством учителя музыки и пения г.Севрюгина, при Иване Семеновиче, образовался не только певческий, как уже сказано, хор, но и небольшой струнный оркестр, очень опрятно разыгрывавший увертюры: "Les Deux Avengles", "Dame Blanche", "Дон Жуан", "Волшебная флейта", и сопровождавший весьма исправно пение действующих на сцене лиц... Мы достигли до того, что однажды решились дать концерт, и дали, и невзыскательная публика осталась довольна... И музыка наша впоследствии, непригретая, неприголубленная, расплзлась, а наконец и совершенно умерла, как догадываемся из официальных актов, из коих видно, что в последствии даже

место учителя музыки было упразднено, и восстановлено уже в 1842 году" [12].

Подготовка спектаклей, особенно в последний год учебы, сблизжала гимназистов, способствовала укреплению их дружбы.

Как свидетельствует Гоголь в письмах домой, а также К.М.Базили в своих воспоминаниях, на спектакли приезжали и приходили как из города, так и из соседних помещичьих усадеб. "Зрителями были, кроме наших наставников, – пишет К.М.Базили, – соседние помещики и военные расположенной в Нежине дивизии. В их числе помню генералов: Дибича (брата фельдмаршала), Столыпина, Эммануэля. Все были в восторге от наших представлений, которые одушевляли мертвенный уездный городок" [13].

В отношении театра в учебных заведениях и о посещении студентами театральных представлений царь Александр I дал строгие указания. Так, в ответ на письмо попечителю Дерптского университета о том, что театр имеет пагубное влияние на студентов, царь в указе от 6 июля 1804 года запретил представления не только в университете, но и в городе Дерпте [14].

Осенью 1824 года в Харьковском театре произошли беспорядки с участием студентов университета, и царь своим указом от 4 ноября 1824 г. запретил студентам посещать театр [15].

Реакционно настроенные преподаватели Нежинской гимназии профессор политических наук М.В.Билевич, профессор русской словесности П.И.Никольский, законоучитель П.И.Волынский также выступили против театральных постановок, обвинив профессора римского права и инспектора пансиона Н.Г.Белоусова в том, что он разрешил в Гимназии театр.

Билевич в рапорте конференции от 29 января 1827 года доносил, что столяры готовят для театра кулисы и другое оборудование, а членам конференции не известно, имеется ли разрешение на это высшего начальства. Он заявил, что не будет нести никакой ответственности за театральные постановки. Исполняющий обязанности директора Гимназии проф. К.В.Шапалинский ему ответил, что имеется разрешение от 28 декабря 1826 года. Но в это же время не унимался профессор П.И.Никольский. 16 апреля 1827 года он направил конференции рапорт, заявив, что "публичный театр гимназии без строгого рассмотрения и отбора пьес вместо пользы может принести только вред" [16]. П.И.Никольский констатировал, что пьесы ставились уже шесть раз, спектакли посещали многие зрители. Особенно взволновало профессора то обстоятельство, что пьесы идут с чьими-

то, неизвестно кому принадлежащими изменениями и дополнениями. Однако большинство членов конференции положительно отозвалось о театре и не считало возможным его запрещать.

Отношение М.В.Билевича к театру стало известно гимназистам, и это приводило к стычкам с ним. Особенно острой она была 26 сентября 1827 года. Поводом к этому было то, что гимназисты, которые находились в помещении театра, не пустили туда Билевича. Он начал ругать их грубыми словами. К.В.Шаполинский созвал экстренное заседание конференции, на котором заслушали М.В.Билевича, а также учителя греческого языка Х.Н.Иеропеса и эзекутора С.И.Шишкина, которые были свидетелями конфликта. Дали свои объяснения пансионеры Гоголь, Марков, Андрей и Тимофей Пашенко, Гютен, некоторых из них обвинили в нетрезвом состоянии. Врач обследовал и дал заключение в несоответствии обвинений. Гимназисты были оправданы, а Билевич предупрежден за грубость и клевету [17]. Однако исполняющий обязанности директора Гимназии К.В.Шапалинский 16 апреля 1827 г. принял решение временно приостановить студенческие спектакли.

Эпизоды театральной деятельности гимназистов воспроизведены нами не случайно. И не только потому, что театр Нежинской гимназии высших наук должен занять определенное место в истории театрального искусства, а и потому, что гимназические представления развивали вкус и любовь к драматургии, литературе. Это был еще один толчок к литературной деятельности, развитию драматических наклонностей гимназистов. По свидетельству Т.Г.Пашенко, Н.Гоголь вместе с Н.Прокоповичем сочинили пьесу из малороссийского быта. В ней Гоголь удачно сыграл роль старика. Здесь следует вспомнить и стихотворную трагедию Н.Гоголя "Разбойники". В области драматургии пробует свои силы Н.Кукольник. К этому времени относится его трагедия "Мария", которая в "деле о вольнодумстве" значится как "возмутительная" (т.е. призывающая к возмущению), и драма "Торквато Тассо", о чем мы скажем ниже. Школьный театр сыграл свою положительную роль и в жизни Е.Гребенки, который в 1827 г. сочинил дошедшую до нас пьесу "Не в свои сани не садись".

Может быть, эти первые драматические пробы и остались бы только свидетельством времени, определенным фактом жизни Гимназии, если бы не последующая активная работа, особенно Н.Гоголя и Н.Кукольника, в области драматургии. Нежинская школа сыграла здесь свою значительную роль.

Литература

1. См. подробнее: Самойленко Г.В. Театральне та музичне життя Ніжина XVII–XX ст.: Нариси культури. – Ч. 2. – Ніжин, 1995. – С. 3–8.
2. Берег. – 1880. – №268. А также: Гоголь в воспоминаниях современников. – М., 1952. – С. 3–4.
3. Коялович А. Детство и юность Гоголя // Московский сборник / Под ред. Сергея Шарапова. – М., 1887. – С. 226.
4. Лицей кн.Безбородко / Изд. гр. Г.А.Кушелев-Безбородко. – СПб., 1859. – С. 21.
5. Пащенко Т.Г. по записи В.Пашкова // Берег. – 1880. – №268; То же: Гоголь в воспоминаниях современников. – М., 1952. – С. 44–45.
6. Шенрок В. Н.В.Гоголь и А.С.Данилевский // Вестник Европы. – 1890. – №1. – С. 79.
7. Шенрок В. Материалы для биографии Гоголя: В 4 т. – М., 1892–1897. – Т. 1. – С. 241. Сравни с. 105 / Базили К.М. Из неизданных записок; То же // Вересаев В. Гоголь в жизни. – Х., 1990. – С. 63; Варнеке Б.В. Гоголь и театр. – Варшава, 1909. – С. 4.
8. Кулжинский И.Г. Воспоминания учителя // Москвитянин. – 1854. – Т. 6, №21, кн. 1. – Отд. V. – Смесь. – С. 6.
9. Глебов С. Воспоминания о Гоголе // Русская старина. – 1910. – №1. – С. 70–71.
10. Гоголь Николай Васильевич. Его жизнь и сочинения. – М., 1910. – С. 24.
11. Шенрок В. Материалы для биографии: В 4 т. – М., 1892–1897. – Т. 1. – С. 241.
12. Лицей кн.Безбородко. – СПб., 1859. – С. 21–22.
13. Шенрок В. Материалы для биографии. – Т. 1. – С. 241.
14. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – Т. 1. – 1802–1825. – СПб., 1864. – С. 236.
15. Там же. – С. 1600–1602.
16. ОЧОАН, ф. 1104, оп. 1, ед. хр. 99, л. 2.
17. Там же, ф. 1104, оп. 1, ед. хр. 20.

**Н.ГОГОЛЬ В КРУГУ
СОВРЕМЕННИКОВ.
МИР ЕГО
ПРОИЗВЕДЕНИЙ**

Н.Гоголь и "нежинские однокорытники" в Санкт-Петербурге

За время существования Гимназии высших наук кн.Безбородко в Нежине (1820–1834 гг.), этого уникального учебного заведения в Российской империи, осуществлено было восемь выпусков, что составляло 105 человек. Многие из них устремились в столицу, чтобы там найти свое место и пойти по государственно-служебной лестнице. У каждого по-своему сложилась жизнь. Одни, промыкавшись несколько лет в поисках "доходного" места, ушли на военную службу, другие – возвратились на Украину и заняли различные должности в своих городах или уездах, третьи – надолго закрепились в столице.

Среди выпускников Гимназии высших наук было немало ярких личностей: писатели Н.Гоголь, Н.Кукольник, Е.Гребенка, Н.Прокопович, В.Любич-Романович, Н.Билевич, дипломаты К.Базили, И.Халчинский, художники-академики А.Мокрицкий, А.Горонович, ученые – академик, ректор С.-Петербургского университета П.Редкин, ректор Харьковского университета А.Рославский-Петровский, профессор В.Домбровский, генералы А.Гинтов, Л.Рудановский и другие. 35 нежинских выпускников устроились в С.-Петербурге на чиновничьи должности в различных министерствах. Необходимо учитывать и тех, кто в силу различных причин ушел из Гимназии, не дошли до выпускных экзаменов, но сохранили дружеские связи с окончившими это учебное заведение. Известно, что многие нежинцы общались между собой, продолжали поддерживать те традиции, которые наметились в Нежине. Об этом говорит в своих "Литературных воспоминаниях" П.Анненков, который общался с этой группой нежинцев, А.Мокрицкий в своем "Дневнике художника" и некоторые другие. Эта тема затрагивалась в работах В.Шенрока, П.Кулиша, в диссертации О.Супрунюк "Гоголь и его нежинское литературное окружение" (1990), монографии М.Гиллельсона, В.Мануйлова и А.Степанова "Гоголь в Петербурге" (1961). К сожалению, обозначенная нами проблема до сих пор так и осталась до конца не раскрытой, хотя она представляет значительный научный интерес.

Одним из первых нежинцев, кто обосновался в С.-Петербурге и с кем поддерживал Н.Гоголь письменную связь, был Герасим Высоцкий. Он служил в Департаменте разных податей и сборов с 7 февраля 1827 г. по 19 марта 1828 года. Сохранилось 3 объемных его письма к Г.Высоцкому 1827 года, в которых он подробно расспрашивал о жизни в столице. И это не было случайным. Он мечтал посвятить себя Отечеству, и эти благородные мысли пронизывают не только письмо Н.Гоголя, но и его поэму "Ганс Кюхельгартен", написанную в Нежине и напечатанную в 1829 г. сразу же после приезда ее автора в столицу. Еще в октябре 1827 года в письме к своему дяде П.Косяровскому юный Н.Гоголь писал: "Погибнуть в пыли, не означив своего имени ни одним прекрасным делом, – быть в мире и не означить своего существования – это было бы для меня ужасно" [1]. И Н.Гоголь ищет свое место в городе, который привлекал его своей загадочностью и торжественностью, город, в котором могли осуществиться его мечты.

Выпускники Нежинской гимназии группировались в основном возле трех личностей: Н.Кукольник, Н.Гоголь, Н.Прокопович. Н.Кукольник появился в столице через три года после окончания Гимназии высших наук, так как участие в скандальном "деле о вольнодумстве" лишило его права на аттестат с отличием, хотя он учился только на "отлично", и чина XII класса. Он вынужден был поехать в город Вильно к своему брату и устроиться на работу учителем. В 1832 г. Н.Кукольник переехал в Петербург, занял чиновничью должность в Министерстве финансов. Но не она принесла ему славу. Н.Кукольник интенсивно занимался литературной деятельностью. Драма "Торквато Тассо", над которой он усердно трудился несколько лет в Нежине, была определенной заявкой на дальнейший его творческий успех. Опубликованные вслед за ней повести, романы, пьесы принесли Н.Кукольнику славу, сделали его заметной фигурой в литературно-общественных кругах столицы.

Н.Кукольник поддерживал в это время связь с выпускниками Нежинской гимназии высших наук. В одном здании он жил вместе с Андреем Гороновичем и Николаем Немировичем-Данченко. У него бывали на вечерах по средам Николай Гоголь, Николай Прокопович, Петр Мартос, Апполон Мокрицкий и другие. С художником А.Мокрицким Н.Кукольник встречался также в редакции "Художественной газеты", которую он издавал. Кроме нежинцев, на этих средах бывали композитор М.Глинка, художники братья Брюлловы, представители

литературной, театральной и музыкальной культуры В.Одоевский, В.Сологуб, М.Гедеонов, В.Белинский, А.Никитенко, И.Панаев, О.Струговщиков, Т.Шевченко и другие. Несмотря на многообразие посетителей сред Н.Кукольника, Н.Гоголь неохотно посещал эти собрания, ибо с их хозяином у него еще с нежинской поры были натянутые отношения. Н.Гоголь с некоторой иронией относился к посещениям Н.Кукольником его квартиры. В письме к А.Данилевскому из Петербурга от 30 марта 1832 г. он сообщал: "Кстати, о Возвышенном (так называл Н.Гоголь Н.Кукольника с нежинских времен. – Г.С.). Он нестерпимо скучен сделался... Не терпит модности и выберет такое время придти, когда я один, и тогда или душит трагедией, или говорит так странно, так вяло, так непонятно, что я решительно не могу понять, какой он секты, и не могу заметить никакого направления в нем" [Т. X, с. 261].

Если вспомнить нежинский период, то Н.Кукольник во всем был первым: и в учебе, и в литературном творчестве, и на театральной сцене. Н.Гоголь также, может быть, кроме учебы, не отставал от него. Он также пользовался популярностью у гимназистов. Но у Н.Гоголя не хватало того, что было у Н.Кукольника – общей свободы в общении, когда он, по словам автора "Вечеров", "соберет около себя толпу и толкует или о Моцарте и интеграле, или движет эту толпу за собою испанскими звуками гитары" [Т. X, с. 261].

Н.Гоголь времени ранней петербургской жизни уже не хотел уступать Н.Кукольнику своей популярностью и значимостью. Здесь он был первым, и именно к его личности должно быть приковано внимание.

"Нежинские бурсаки" собирались и вокруг Н.Гоголя на чайные вечера с изящным выбором кренделей. Здесь в основном были те же, с кем он поддерживал связь в Нежине: Николай Прокопович, Александр Данилевский, Константин Базили, Андрей и Александр Бородины, Иван и Тимофей Пашенко, Евгений Гребенка, Василий Любич-Романович, Николай Бороздин, Апполон Мокрицкий и другие. Он некоторое время жил в одной комнате с И.Пашенко, Н.Прокоповичем, А.Мокрицким. Н.Гоголь принимал на первое время своих товарищей, пока они не устроятся самостоятельно. В этой компании Гоголь чувствовал себя свободно, ничто не стесняло его. "Он был прост перед своим кругом, добродушен, весел, хотя и сохранял тонкий, может быть, невольный оттенок чувства своего превосходства и своего знания" [2]. Он дурачился вместе с другими, как и в Нежине, сочиняя

вместе с Н.Прокоповичем и А.Данилевским веселые, "карикатурно-метки и уморительны" куплеты, песни, слушал анекдоты, интересные рассказы и т.д. Сюда приходили не только нежинцы, но и другие малороссы. В.Любич-Романович познакомил Гоголя с Бурнашевым. Н.Гоголь надевал обыкновенно ярко-пестрый галстучек, взбивая высоко свой завитой кок, облакался в какой-то белый, чрезвычайно короткий и распашной сюртук, с высокой талией и буфами на плечах, что делало его действительно похожим на петушка" [3]. Он показывал своим друзьям книги, дорогие альбомы, альманахи. Смеялись, развлекались, ели заказные галушки, вареники и другие малороссийские блюда. Именно здесь он услышал анекдоты, которые легли в основу "Записок сумасшедшего", "Шинели" и других произведений. Гоголь умел вслушиваться в то, о чем говорили другие. Все это было естественно, и Н.Гоголь охотно принимал от этого круга похвалы, прислушивался к голосам своих приятелей. Впитывал в себя все яркое, значительное, а затем воспроизводил это в своих последующих произведениях. Но все это было до определенного времени. "Мало-помалу род поучения, ободрения и удовольствия, какие он почерпал в этом круге, становились ему менее нужны и привлекательны" [4]. Любопытна в этом отношении запись в "Дневнике" А.Мокрицкого от 1 октября 1835 г. Как обычно собирались "нежинские однокорытники" праздновать свою связь с Нежинской высшей школой. "Собрались мы – я, Кукольник, двое Данилевских, Гоголь, двое Прокоповичей, Пащенко, Данченко, Лукашевич и Базили. И что же? Ели, пили, шумели, и только. Веселости особенной не было, да и могла ли она быть? Разнохарактерность собравшихся во имя Нежинской гимназии не позволяла состояться банкету как следовало. За обедом соединяло нас лишь одно вино, после обеда все разбрелись куда попало..." [5, с. 44–45].

Н.Гоголь чувствовал, что перерос своих "однокорытников", что его предназначение на земле несколько иное. Он ощущал себя неким пророком. И нельзя не согласиться с профессором П.Михедом, который утверждает, что писатель уже с ранних лет уверовал в свое апостольское предназначение, в то, что Господь определил ему особую судьбу. И он должен воплотить в жизнь эти предназначения Господа.

Постепенно круг знакомых друзей по Нежину уменьшается, ибо "вскоре явились требования со стороны других приверженцев Гоголя, на которые старый круг не мог отвечать, и явления в самом Гоголе,

которые трудно было понять ему" [6]. Гоголь поддерживал связи только с самыми близкими, которые стали ему верными помощниками и советчиками.

С А.Данилевским он не только вел интенсивную переписку, но и совершил с ним поездку по европейским странам, стимулировал его к литературным занятиям. Гоголь называл его своим двоюродным братом, "лучшим из выпущенных вместе со мною из Нежина" [Т. XI, с. 74]. Он ценил его стихи. "Жаль, что вы не знаете его стихов, – сообщал он в одном из писем, – которые под величайшим страхом показал он только одному мне" [Там же]. Находясь в Париже, Н.Гоголь и А.Данилевский пишут знаменитое стихотворение "Да здравствует нежинская бурса", в котором названо 17 бывших товарищей по Нежинской гимназии. За время с 1837 по 1839 годы Гоголь написал А.Данилевскому 24 письма, которые подтверждают их дружеские отношения, их внимание друг к другу. В последующие годы такой интенсивной переписки уже не будет. А.Данилевский переедет в Полтаву, а Н.Гоголь будет находиться в окружении не только петербуржцев, но и москвичей.

Почти до конца своей жизни Н.Гоголь поддерживал связи с другом по Нежину Николаем Прокоповичем, нежно называя его "кресеньким". В одном из писем из Рима от 2 июля 1838 г. Н.Гоголь писал ему: "Ни роскошь этих стран, где я живу теперь, ни юг, ни чудесные небеса, ничто не в силах помешать мне думать о тебе, с кем начался союз наш под аллеями Нежинского сада, во втором музее, на маленькой сцене нашего домашнего театра и крепился, стянутый стужею петербургского климата, через все дни нашего пребывания вместе" [Т. XI, с. 162].

Николай Прокопович еще со студенческой скамьи был первым рецензентом произведений Н.Гоголя, его советчиком. Н.Гоголь считал Н.Прокоповича талантливым человеком и видел в нем плодовитого романиста. "Всемирно было известно, – вспоминал В.Любич-Романович, – что первые сочинения Гоголя проходили под строгой редакцией Прокоповича, человека очень талантливого, но крайне ленивого и не предприимчивого. Прокопович вообще имел большой литературный вкус и совершенно справедливо считался знатоком изящных искусств" [7].

После окончания Гимназии высших наук кн.Безбородко Н.Прокопович переехал в Петербург. В первые годы у него не складывается

жизнь. И только благодаря Н.Гоголю он сосредоточился, устроился на должность учителя в Кадетском корпусе и дослужился до звания коллежского советника, был награжден орденами. Н.Гоголь и Н.Прокопович выступают со своими произведениями в одних и тех же периодических изданиях, в частности, в "Северных цветах", "Литературных прибавлениях к "Русскому инвалиду". Н.Гоголь был посредником напечатания некоторых произведений друга, в частности, его стихотворений, повести "Своя семья" в "Московском наблюдателе" (1835). Вокруг Н.Прокоповича формируется кружок нежинцев: А.Данилевский, И.Пашенко, Н.Кукольник, А.Мокрицкий и др. Здесь бывал и Н.Гоголь, читал свои произведения.

Сохранились 5 писем Н.Прокоповича к Гоголю [8] и 35 писем Н.Гоголя к своему другу. Эти документы и воспоминания являются важнейшим источником для освещения связей Н.Гоголя и Н.Прокоповича.

В 1843 году Н.Гоголь, находясь за границей, поручает Н.Прокоповичу готовить к изданию свои "Собрания сочинений". Переписка Н.Гоголя и Н.Прокоповича свидетельствует об искренности их дружбы, о взаимном влиянии, о взаимоподдержке. Иногда переписка прерывалась на некоторое время по вине автора "Мертвых душ", и это приносило огорчение обоим.

В одном из писем от 11 мая 1842 г. Н.Гоголь просит Н.Прокоповича поблагодарить В.Белинского за письмо и сообщает, что по приезде в Петербург он готов встретиться с критиком. Такая встреча состоялась на квартире у Н.Прокоповича. В.Белинский предлагал Н.Гоголю сотрудничество в "Отечественных записках". Критик стремился оградить автора "Мертвых душ" от влияния М.Погодина и С.Шевырева. Однако это не удалось.

Через Н.Прокоповича Н.Гоголь и позже поддерживал связь с В.Белинским. Именно Н.Прокоповичу он поручил передать критику письмо от 20 июня 1847 года, касающееся "Выбранных мест из переписки с друзьями". На него В.Белинский дал свой ответ, известный в литературе как "Письмо к Гоголю".

В 1846 г. Н.Гоголь в письме к П.Плетневу среди других предлагаемых сотрудников для обновленного "Современника" называет И.Н.Прокоповича. "Мне бы очень хотелось, – пишет он, – чтобы ты отыскал Прокоповича и сумел склонить его взяться за перо повествователя. Из всех тех, которые воспитывались со мною, у него раньше,

чем у всех других, показалась наглядность, наблюдательность и живопись жизни. Его проза была свободна, говорлива, все изливалось у него непринужденно обильно, все доставалось ему легко и пророчило в нем плодовитейшего романиста. Он задремал теперь, я это знаю; он дал заснуть в себе желанию действовать на поприще просторном; самый круг его стал тесен, и перед ним мало жизненного поля для наблюдений. Но жизнь – везде жизнь, и чем меньше ее простора и теснее ее круг, тем основательней и глубже он может быть нами исследуем и проникнут. Уже самая своя собственная, душевная повесть, предметом которой будет взято собственное пробуждение от мертвенного застоя, заставляющее с ужасом взглянуть человека на животнo потраченную жизнь свою, может быть высоким предметом для романа. Какой бы праздник был душе моей, если бы я встретил в "Современнике" повесть, под которою было бы подписано его имя" [9].

Это письмо свидетельствует о заботе Н.Гоголя о своем друге, оценке его таланта, беспокойстве о нереализованных возможностях, о выходе из создавшегося положения, заботе о дальнейшей судьбе того, кого он любил и уважал.

Н.Гербель, разбирая после смерти Н.Прокоповича его архив, пришел к выводу, что влияние Н.Гоголя на Н.Прокоповича и наоборот было активно обоюдным. И можно только сожалеть, что талант Н.Прокоповича в полную силу не раскрылся.

Из бывших нежинцев Н.Гоголь поддерживал продолжительное время связь с греком Константином Базили, с которым дружил еще в Гимназии, ибо они вместе принимали активное участие в подготовке спектаклей, выпускали рукописный журнал "Северная заря", занимались составлением "Полной всемирной истории" из переводных произведений.

К.Базили стал известным дипломатом. В 1833 году он приехал из Константинополя в Петербург и сошелся с друзьями по Нежинской гимназии. Он с увлечением следил за творчеством Кукольника и Гоголя и сам начал писать очерки, научно-популярные произведения, в частности, двухтомную книгу "Архипелаг и Греция" (1834), а затем "Очерки Константинополя" (1835), "Босфор и новые очерки Константинополя" (1836), о которых В.Белинский писал, что они "читаются с интересом ни на минуту не ослабевающимся" [10]. Н.Гоголь, познакомившись в 1847 г. с рукописью книги "Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях",

сообщал В.Жуковскому: К.Базили "написал удивительную вещь, которая покажет Европе Восток в его настоящем виде.. Знания бездна, интерес силен" [Т. XIV, с. 52–53].

Н.Гоголь продолжительное время переписывался с К.Базили. В 1848 г. он был генеральным консулом Палестины и Сирии и сопровождал Н.Гоголя по святым местам этих стран. Эта поездка надолго осталась в памяти писателя, ибо она дала ему возможность приобщиться к святым местам, подкрепить свое предназначение в земном мире.

В конце 30–40-х годах Н.Гоголь отходит от большинства своих нежинских "однокорытников" и продолжает поддерживать связь только с отдельными из них – теми, кто для него уже имел практический интерес. Так, например, его интересуется В.Любич-Романович, известный в петербургских кругах как поэт, переводчик Дж.Байрона, А.Мицкевича, как возможный информатор. В письме от 10 февраля 1844 г. к П.Анненкову Н.Гоголь, издавший недавно свои "Сочинения" (1842 г.), просит последнего: "Нельзя ли при удобном случае также узнать, что говорится обо мне в салонах Булгарина, Греча, Сенковского и Полевого? В какой силе и степени их ненависть или уже превратилась в совершенное равнодушие? Я вспомнил, что вы можете узнать кое-что об этом даже от Романовича, которого, вероятно, встретите на улице. Он, без сомнения, бывает по-прежнему у них на вечерах. Но делайте все так, как бы этим вы, а не я интересовался. Не дурно также узнать мнение обо мне и у самого Романовича" [Т. XII, с. 256].

В 40-х годах связь Н.Гоголя с "нежинскими однокорытниками" почти полностью прерывается. Он был уже другим, да и новое окружение писателя уводило его от прежнего мира. И все же, хотя Н.Гоголь отходит от своих "однокорытников" по Нежину, другие его члены продолжают поддерживать эти связи. И особенно крепки они были там, где сходились общие интересы, где ощущалась потребность во взаимных встречах. И все же выпускники Гимназии высших наук, да и не только этого учебного заведения, а и Юридического лицея (1840–1845 гг.), Историко-филологического института кн.Безбородко (1875–1919 гг.), сыграли важную роль в жизни северной столицы, потому что многие из них стали видными государственными деятелями, а также известными представителями литературной и научной жизни.

Как видим, связи Н.Гоголя со многими товарищами по Гимназии носили самый разнообразный характер. С одними (Н.Прокопович,

А.Данилевский, И.Пашенко) они были чисто дружеские, хотя и затрагивали творческие проблемы; с другими – профессиональные (К.Базили, Н.Кукольник, П.Мартос); с третьими – приятельские (В.Любич-Романович, А.Мокрицкий) и т. п. В письме из Парижа к Н.Прокоповичу от 25 января 1837 г. Н.Гоголь писал: "Что ты ничего не пишешь обстоятельней о тех литературных новостях, которые хоть и не так сильно выглядывают, но дороги нам потому, что творцы их или кумовья, или другие близкие нам родственники..." И далее Н.Гоголь интересуется творческой и жизненной судьбой Н.Кукольника, К.Базили, А.Мокрицкого, Н.Данченко и др. "Обо всем этом непременно нужно говорить; все это родственники, которые будут интересовать нас в продолжение всей нашей жизни" [16]. Н.Гоголь, несмотря на изменившееся положение, продолжал поддерживать связь со многими представителями нежинской школы. "...Я больше, чем когда-либо, люблю старинные мои связи и прежних друзей моих, особенно тех, с которыми от незабвенного Нежина началась моя дружба", – признавался он Н.Прокоповичу в письме от 28 апреля 1847 г. И это еще одно подтверждение того, что Нежин был для Н.Гоголя навечно и навсегда.

Литература

1. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. – Л.: Изд. АН СССР, 1940. – Т. X. – С. 111. В дальнейшем все цитаты даются по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте.
2. Анненков П. Гоголь в воспоминаниях современников. – М.: ГИХЛ, 1952. – С. 247.
3. Там же. – С. 257.
4. Там же. – С. 247.
5. Дневник художника А.Н.Мокрицкого. – М.: Изобр. искусство, 1975.
6. Анненков П. Н.В.Гоголь в Риме летом 1841 // Гоголь в воспоминаниях современников. – М., 1952. – С. 248.
7. Шевляков М. Рассказы о Гоголе и Кукольнике [В.И.Любич-Романович] // Исторический вестник. – 1892. – Декабрь. – С. 695.
8. Переписка Н.В.Гоголя: В 2 т. – М., 1988. – Т. 1. – С. 107–111, 123–131.
9. Сочинения и письма Н.В.Гоголя. Изд. П.А.Кулиша. – СПб., 1857. – Т. VI. – С. 302.
10. Белинский В. Полн. собр. соч.: В 13 т. – М.; Л.: АН СССР, 1953. – Т.2. – С. 112.

Мир ярмарки у Гоголя и его предшественников

Окончание Нежинской гимназии высших наук не было для Н.Гоголя радостным событием. Оно омрачено так называемым "делом о вольнодумстве", когда директор Д.Е.Ясновский вместе с другими нелюбимыми преподавателями и чиновниками вызывал его на допрос, когда необходимо было защищать тех, кто действительно давал ему знания, кто готовил к жизни.

Более того, Н.Гоголь, сдав экзамены, рассчитывал получить чин XII класса, но и здесь его обошли. Машина бюрократизма взяла верх. Он получил чин XIV класса, что вызвало большое неудовольствие матери будущего писателя. Этими грустными настроениями завершился первый ученический период в жизни Н.Гоголя-Яновского [1].

Однако необходимо было как-то определяться. Мечты о службе Отечеству не покидали юного Н.Гоголя. А их можно внедрить в жизнь только в столице. И в первые дни 1829 г. он отправился в Петербург.

Но возникала дилемма: как и чем себя проявить? Хотелось как-то сразу, чтобы тебя заметили. Чиновничья служба не прельщала Гоголя, да и слишком длинным был путь к признанию, и он использует сначала то, что дала ему Гимназия, в чем он больше всего проявил себя. Он идет в театр. И это был оправданный путь, ведь не случайно же его выступления пользовались на сцене любительского театра громадным успехом у местных зрителей и у товарищей по Гимназии. Однако здесь Гоголя ожидала неудача. Он не стал вторым Щепкиным, как это предвещал его товарищ А.Данилевский.

Пришлось искать новый путь. Но как и первый, это был путь творчества. Именно он, по расчету Гоголя, мог сделать его знаменитым. Издавая свою юношескую поэму "Ганц Кюхельgarten", Н.Гоголь с нетерпением ждал ее оценки критиками, и не какими-либо, а ведущими. Ведь именно им он анонимно послал свое творение. Но и здесь его постигла неудача. Н.Гоголь уничтожил поэму, чтобы она не напоминала о неудачном дебюте.

Публикация поэмы все же подтвердила правильность выбранного пути. Н.Гоголь чувствовал, что именно литература даст ему воз-

возможность прославиться. Жажда стать известным вынудила его искать необходимую тему, которая привлекла бы к себе внимание читателей и критиков. Гоголевские терзания в поисках жизненного пути заметны и в его письме к матери от 30 апреля 1829 г. Но у него уже определилась жизненная позиция.

В 20-е годы особой популярностью пользовалась тема Украины. Написаны были романы Ф.Глинки, О.Сомова, В.Нарежного, поэмы К.Рылеева, А.Пушкина и другие произведения, которые привлекли внимание читателей. Но Гоголю важно было не просто стать в один ряд с авторами этих произведений. Главное – на этом фоне выделиться, заявить о себе, и в 1829 г. Н.Гоголь приступил к написанию первой повести из ставшего в скором времени известным цикла "Вечера на хуторе близ Диканьки" – "Сорочинской ярмарки".

На что же, прежде всего, необходимо было обратить внимание читателей, что должно стать основой для развития действия? Детальное описание среды, мир фантастики, мир необычного. Н.Гоголь вспоминает о произведениях отца и обращается к матери с просьбой: "Еще прошу вас выслать мне две папенькины малороссийские комедии: "Овца-Собака" и "Роман и Параска". Здесь так занимает всех все малороссийское, что я постараюсь попробовать, нельзя ли одну из них поставить на здешний театр". И здесь Н.Гоголь делает очень интересный жизненный вывод: "...по моему мнению, ничего не должно пренебрегать, – на все нужно обращать внимание. Если в одном неудача, можно прибегнуть к другому, в другом – к третьему, и так далее. Самая малость иногда служит большую помощь" [2]. Исследователь творчества Гоголя Шенрок обращение Н.Гоголя к малороссийской тематике рассматривал только с коммерческой стороны. "Так преимущественно с практической точки зрения, – пишет он, – смотрел сначала Гоголь на свои литературные опыты на малороссийские повести, не придавая им, может быть, того значения, какое он придавал прежде "Ганцу Кюхельгартену", и не предвидя еще своего будущего призвания" [3]. С этим трудно согласиться. Обращение Гоголя к малороссийской тематике диктовалось не стремлением поправить свои финансовые трудности, а утвердиться в жизни. Он как бы интуитивно почувствовал, что именно малороссийская тема может принести ему успех. И сразу же приступил к написанию "Сорочинской ярмарки". Это было время ближе к 1829 году. Шенрок связывает написание повести со второй половиной 1829 года, обращая внимание на такую деталь,

как пьесы отца писателя, о которых идет речь в письме от 30 апреля этого же года. Но современные исследователи указывают, что "эпиграфы к главам (в том числе и из пьес Василия Гоголя – Г.С.) вписывались в рукопись позже основного текста" [4]. Поэтому можно говорить, что сюжетная линия повести вырисовывалась постепенно. В процессе работы менялись характеристики персонажей, уточнялись детали и т.п.

Чем же Н.Гоголь решил привлечь внимание читателя, обратившись к украинской тематике? Это прежде всего фантастикой, необычной чертовой красной свиткой (сначала в тексте была "кармазинная свитка"). Цвет свитки поменялся не случайно. Насыщенный красный цвет чаще всего ассоциировался с нечистой силой, на что указывают фольклорные источники. Именно этот сюжет и стал в центре внимания писателя.

Но как и где мог родиться этот привлекательный страшный рассказ? Очевидно, в той среде, где было много народа. Ярмарка. Именно на ее фоне, а не на фоне вечерниц могли более свободно разворачиваться события.

Ныне много написано о возникновении сюжета "Сорочинской ярмарки", о жанровых традициях (былички, бытовой сказки, интерлюдии, вертепной драмы, анекдота, фацеций и т.п.), о широком использовании мотивов украинской литературы, особенно драматургии отца, а также русской литературы на малороссийскую тематику в повести Гоголя.

"Свежестью, ароматом юности", назвал первую часть "Вечеров" С.Т.Аксаков [5]. Именно этим художественным своеобразием и определяется первая повесть "Сорочинская ярмарка" знаменитого сборника.

На первый взгляд кажется, что именно "красная свитка" является связующим звеном сюжета гоголевской повести, ибо от нее зависит успех торговли, да и всякого другого дела, но Гоголь назвал свое произведение "Сорочинская ярмарка". Значит, это и определяет в произведении то, что несет на себе основную нагрузку. Внимательно вчитавшись в содержание повести, понимаем, что именно ярмарка играет ведущую роль: на нее устремляются основные герои, там завязываются узлы основных сюжетных линий, там начинается любовная тема, которая завершается свадьбой. Ярмарка как жизненное

явление была хорошо известна молодому писателю, ибо он неоднократно сталкивался с ней во время учебы в Нежине.

Нежинские ярмарки – это своеобразное явление на Украине. Они возникли в городе еще в XVI веке, получили свой расцвет уже в XVII–XVIII вв. Именно в это время Нежин складывался как торговый центр. Три ярмарки – Троицкая, Покровская и Всеедная, которые ежегодно проходили в городе, создавали в нем особую атмосферу. Сюда приезжали купцы из многих стран мира, привозили разные товары, которые поражали не только своим многообразием, но и экзотичностью.

Эти ярмарки проходили в Нежине и в I пол. XIX в., хотя они уже не были такими масштабными, как раньше, ибо торговля переместилась на юг, и город потерял свое значение важнейшего торгового центра. Но ярмарки остаются ярмарками. Не знаем, сколько раз Н.Гоголь побывал на Сорочинской ярмарке, но в Нежине он трижды в год посещал их, наслаждаясь их шумом и богатством предметов, которые выставлялись для обозрения. И можно только сожалеть, что не сохранилась повесть Н.Гоголя "Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан", в которой Всеедной ярмарке была посвящена целая глава.

Нежинские ярмарки проходили на трех больших площадях. Базарная площадь находилась возле реки Остер, недалеко от Замковой Богоявленной церкви с лавками и здесь каждый день по утрам проходил торг. "И чего там не бывает? – записал в своем дневнике один турист? – Дрова, колеса, солома, сено, сало, деготь, сыр, масло, булочки, блины, все съестные припасы *in crudo* и все, какие только возможны" [6].

Именно здесь можно было встретить знаменитых перекупок, которые торговали всем, что попадалось под руку: масло, ягоды, грибы, пиявки, рыба и прочее.

Конечно же, Гоголь мог встречать их на базаре: ловких, нахальных, изворотливых, готовых за целковый пойти на всякие увертюры. "Имея капитал не более одного целкового, перекупки выходят на базарную площадь еще до рассвета и не пропустит ни одну пришедшую в город сельскую крестьянку: у одной из них купит ягоды, у другой – кусок коровьего масла, завернутый в дубовые листья, у третьей баночку с пиявками и т.п., спешит купить у поселянки принесенный на торг домашний холст, или вязку сушеных грибов, или большой горшок свежего коровьего масла. С этим товаром перекупка, как какая-нибудь важная купчиха, располагается на базаре, и звонким голосом начина-

ет приглашать к себе являющихся покупателей: с одного сорвет гривну барыша, с другого больше и – ещё базар не разошелся, а у нее капитал почти уже удвоился" [Там же].

Подобных перекупок Гоголь изобразил в "Сорочинской ярмарке". Живы они и сегодня, и на каждом шагу можно их встретить на нежинском базаре.

Другая площадь в Нежине называлась Ярмарковая. Именно здесь проходили Троицкая, Покровская и Всеедная ярмарки. Площадь была большая. Она располагалась между городскими и каменными церковными лавками, в которых продавались товары нежинских купцов, и доходила до Успенской церкви. Ныне это площадь М.Заньковецкой, засаженная парковыми деревьями.

Все население города готовилось к этим ярмаркам: проквашивались знаменитые нежинские огурчики. Николай Гербель отмечал: "Кто их ел, тот без всякого сомнения был от них в восторге, а не ел, так, по крайней мере, слышал, что подобных огурцов не готовится ни где в целой Европе" [7].

Они бочками выставлялись для продажи и затем закупались оптом для перепродажи в других городах заезжими купцами.

Довольно громкой славой пользовались нежинские маринованные вишни, сливы, грибы. А знаменитые нежинские наливки и водки, отличающиеся своеобразным вкусом и ароматом, привлекали любителей изящных напитков.

К ларькам ярмарочной площади примыкали табачные лавки, которые торговали знаменитыми нежинскими корешками. "Огромные кипы этого товара, не помещаясь в лавках, лежит на галерее возле лавок и даже на площади. Беспрепятственно подъезжают и уезжают воловь фуры с этим продуктом нежинской почвы" [Там же. – С. 4]. Жители города разводили папушный табак с желтыми крупными листьями в большом количестве. Продавалось на ярмарках до 500 тысяч пудов табака ежегодно [Там же. – С. 7].

Кроме солений и маринадов, табака и водки, нежинцы торговали и знаменитыми ремесленными изделиями: украшениями из золота и серебра, нежинскими дукачами, расписными яркими шерстяными платками, войлочными шляпами – "брылями", их называли еще "магерками", ибо они изготавливались в одноименном районе Нежина, расписными "скрынями", без которых не могла выйти замуж ни одна девушка [8].

От всяких других, нежинские ярмарки отличались масштабностью. На широкой площади строились балаганы, которые длинными рядами заполняли всю территорию, и сметливые купцы заполняли их товарами. После их открытия все приходило в движение: шум, крик, веселое буйство сопровождали купеческие сделки и покупки, пришедших и приехавших на лошадях и волах местных жителей и заезжих купцов.

Кроме этих двух базарных площадей была и третья. Она располагалась за Киевскими воротами, ныне площадь Ленина. На этой площади проводились несколько раз в году ярмарки, на которых продавались выращенные крестьянами овощи, зерно, а также рогатый скот и лошади.

Нежинские Троицкая, Покровская и особенно масляная Всеедная ярмарка доставляли городу большие выгоды, изменяли самую жизнь города, делали её более интенсивной, интересной и запоминающейся.

Гоголь любил бывать на базарах и ярмарках. Его, прежде всего, интересовало не обилие товаров (ибо у него никогда не было лишних денег), а само состояние ярмарки и ее участники. Бывший гимназист Василий Любич-Романович замечал, что Гоголь "искал сближения... с базарными торговцами на рынке Нежина – в особенности. Это сближение его с людьми простыми, не претендующими на изящество манер, изысканность речи и на выбор предмета беседы, очевидно, давало ему своего рода наслаждение в жизни, удовлетворяло его эстетические потребности и вызывало в нем поэтическое настроение. Так, по крайней мере, мы это замечали потому, что он после каждого такого знакомства где-либо подолгу запирался в своей комнате и заносил на бумагу свои впечатления" [9].

Особенно нравились ему Магерки, северная часть Нежина. Там у него было много друзей и знакомых. В выходные дни гимназистов отпускали в город. Магерки напоминали собой село, в котором были хаты богатых козаков и бедных крестьян, покрытые соломенными крышами. Домики отделялись один от другого плетеными заборами. В этом районе Нежина он встречался со многими интересными людьми, бывал на свадьбах, и других увеселительных торжествах. "Гоголь имел там много знакомых между крестьянами, – вспоминал Н.Алтыннов. – Когда у кого из них бывала свадьба или другое что или когда просто выгадывался pogodный, праздничный день, то Гоголь уж непременно был там" [10].

Именно отсюда черпал Н.Гоголь материал для своей "Книги всякой всячины, или Подручной энциклопедии". Нежинские базары и ярмарки, встречи с жителями Магерок – все это обогащало будущего писателя, помогало ему глубже познать народные характеры. Интересующийся народным творчеством Гоголь как бы впитывал в себя песни и припевки, присказки и яркие выражения. Да это был и первый опыт собирания того, что создано народом. В "Книге всякой всячины, или Подручной энциклопедии", которую Н.Гоголь начал заполнять в Нежине с 1826 г. и которая представляет собой тетрадь из 490 страниц голубой бумаги в кожаном переплете, даны всевозможные сведения, интересовавшие будущего писателя, заметки, выписки, рисунки. Здесь же отрывки из "Енеиды" И.Котляревского.

На многих страницах "Книги..." даны описания обычаев русского и украинского народов. Здесь же и украинско-русский словарь. Исследователи указывают, что составлением украинско-русского словаря занимался отец Гоголя. Очевидно, он увлек этим и сына. Юный Гоголь подбирал украинские слова с их русским переводом ко всем буквам алфавита. Работа Гоголя свидетельствовала о хорошем знании им двух языков – украинского и русского. В некоторых разделах "Книги..." описаны "игры и увеселения малороссиян", "разные малороссийские имена, даваемые при крещении", "малороссийские песни", "малороссийские загадки", "малороссийские предания, обычаи, обряды", "малороссийские блюда и кушанья". В "Книге всякой всячины..." помещены и тексты народных песен с этнографическими комментариями. Интересные объяснения дает Гоголь русалочным песням, записывает свадебный обряд. В "Книге..." немало материалов, почерпнутых в Нежине. Многие эти записи Гоголь использовал позже во время работы над книгой "Вечера на хуторе близ Диканьки".

Исследователей может заинтересовать вопрос, откуда появилась тяга к демонологическим образам у Н.Гоголя ("Вечера на хуторе близ Диканьки", "Миргород" и др.). При этом необходимо вспомнить и его товарища по Гимназии Н.Билевича, автора повестей "Белые колпаки, или Нездешние гости на здешнем свете", "Дедова история", "Зеленая птица", "Чудная встреча" и др., в которых также присутствуют подобные образы. Ответ на этот вопрос надо искать также в Нежине, ибо здесь будущие писатели сталкивались с такими деталями быта, которые позже вошли в ткань их художественных произведений [11].

Таким образом, город юности Гоголя Нежин, его обитатели навечно остались в памяти будущего писателя и нашли преломление в его творчестве, в том числе и в "Сорочинской ярмарке".

К написанию повести "Сорочинская ярмарка" Гоголь приступал как-то сразу, с некоторой ускоренной быстротой, а поэтому на первых порах использовал для ее создания все, что было под рукой: нежинские наблюдения, записи "Книги всякой всячины", отцовские драматические произведения, сообщения матери и т.д. И это заметно невооруженным взглядом. Но Гоголь этот материал обработал по-своему, проявляя при этом талант художника. Поэтому он и не воспринимается здесь как слабый ученик всех тех, с кем его сравнивают нынешние исследователи, пытаюсь доказать, что позаимствовал Гоголь в малорусской и русской литературе, а как интересный художник слова, делающий свои самостоятельные шаги в творчестве. Не случайно, что известный критик Н.И.Надеждин, отмечая верное отражение местного колорита, язык и стиль "Вечеров", указал на умение Гоголя примирить "национальную малорусскую и общерусскую литературные традиции" [12].

Посмотрим, как же изображали ярмарку малоросские и русские писатели, предшественники Гоголя, какую композиционную роль занимает она в их произведениях.

К описанию украинской ярмарки обращались многие художники слова. П.Шаликов в "Путешествии в Малороссию" (1803) воссоздал ярмарку в Ромнах, на которой бывал и Гоголь, Орест Сомов в повести "Гайдамак" описывал Кролевецкую, а Василий Нарезный в романе "Два Ивана" – ярмарку в селе Горбыли на Полтавщине.

Разную сюжетную нагрузку несут эти описания. У П.Шаликова – это один из объектов его дорожного наблюдения малороссийской экзотики.

Несколько по-иному воспринимается она у В.Нарежного. Ее функциональное значение в романе исследователь В.Мацапура определяет "не только как событие важное, ожидаемое, но и как особое веселое время и место" [13]. Однако здесь необходимо сделать некоторые уточнения. Действительно, ярмарка воспринимается как праздничное событие, которому рады все. Краткое описание дает возможность представить ее читателю: "Далеко от места ее расположения слышны были звуки гудков, волынок и цимбалов; присоединяя к сему ржание коней, мычание быков, бляение овец и лай собак, можно иметь понятие о том веселии, какое ожидало там всякого" [14].

Ярмарка у В.Нарежного – повод для встречи и веселья двух Иванов, а также разных панков. А поэтому "все людство отправилось к месту праздника" [Там же]. Иван-старший приказал "для большей пышности следовать за собой слугам и служанкам, как все были в народных платьях и хотя босы, но для такого великого дня чистоначисто вымыли ноги" [Там же].

Не прибегая к детальному описанию ярмарки, В.Нарежный все же сообщает читателю некоторые ее детали, мимоходом замечает, что же привлекло внимание помещиков и его спутников: "...оба Ивана запаслись батуринским табаком и булавками; на руках дочерей блистали серебряные перстни" [15]. Вот и все, что мы узнаем о ярмарке и ее товарах. Для В.Нарежного ярмарка – это прежде всего место встречи двух противоборствующих сил, которые ведут вечную тяжбу: двух Иванов и пана Харитона.

В.Нарежный показывает, как появляется у Иванов страх, и не столько при виде пана Харитона, сколько сотенного канцелярии писца Анурия с двумя подписчиками в свите противника, и как он исчезает при приближении пана Харитона, как происходит столкновение между враждующими и как возникает новый виток тяжб. Не ярмарка, а новая тяжба, рожденная встречей на ярмарке, становится объектом развития действия.

Таким образом, ярмарка для В.Нарежного – лишь место для розыгрыша нового мелочного конфликта. Сама же она уже отходит на задний план. Да она и не играла в сюжете ведущей роли как самостоятельное значимое явление. Вместо ярмарки В.Нарежный мог бы использовать и другое какое-то место, где бы разыгрался новый низменно-мелочный конфликт между враждующими. Хотя и в данном варианте ярмарка играет определенную роль в смысловой нагрузке произведения. П.Михед, исследуя роман, связывает начало главы IV "Ярмарка" с элементами карнавализации в творчестве В.Нарежного. "Праздничный карнавальная смех, – пишет он, – присутствует в самой манере повествования, создавая фон, на котором часто развивается действие" [16].

И действительно, это начало нового витка тяжбы, рожденное в веселой ярмарочной обстановке, будет развиваться дальше, за М.М.Бахтиным, там, где "праздничность измеряет пошлость и будничность будничного" [17].

Несколько иную функциональную роль в развитии сюжета несет описание Воздвиженской ярмарки в Кролевце в малороссийской были "Гайдамак" Ореста Сомова. "Была осень; частые дожди растворили малороссийский чернозем; глубокая и вязкая грязь превращала в топкие болота улицы и проселочные дороги. В это время в Кролевце собиралась Воздвиженская ярмарка. По грязным улицам небольшого худо обстроенного поветового городка тянулись длинные обозы; чумаки с батоном на плече шли медленным шагом подле волов своих, которые с терпеливою покорностию тянули ярмом тяжелые возы. Русские извозчики без пощады погоняли усталых лошадей, суетились около телег, навьюченных московскими товарами, кричали и ссорились. В ятках на площади толпились веселые козаки в красных и синих жупанах и те беззаботные головы, кои, уставши чумаковать, пришли к ярмарке на родину попить и погулять; одни громко рассуждали о старой Гетьманщине, другие толковали про дальние свои чумакованья на Дон за рыбу и в Крым за солью. Крик торговок и крамарей, жиды с цимбалами и скрипками; цыгане с своими песнями, плясками и звонкими ворганями, слепцы-бандуристы с протяжными их напевами – везде шум и движение, везде или отголоски непритворной радости, или звуки поддельного веселья. Огромные груды арбузов, дынь, яблок и других плодов, коими небо благословило Малороссию и Украину, лежа рядами на подстилках по обе стороны площади, манили взор и вкус и свидетельствовали о плодородии края" [18].

Все это описывает О.Сомов лишь для того, чтобы представить основного героя произведения гайдамаку Гаркушу Леська, который "вел за собою музыкантов и ватагу весельчаков и сыпал деньгами в народ" [19]. Вот этим-то и заканчивается роль ярмарки. В быле она выступает местом, где читатель знакомится с основным героем. Больше автор уже к ней не возвращается.

Однако само описание ярмарки любопытно. Оно обрамлено определенными рамками и имеет цельный характер. Воспринимается как завершающая зарисовка, которая дает представление о ярмарке с ее действующими лицами, товарами, характерной ярмарочной атрибутикой и суетой: возами, торговками, цыганами, жидами, песнями, плясками, скрипками, цымбалами, шумом, движением, грудями плодов и обилием арбузов и дынь, рыбы, соли и т.п. Без этого трудно представить любую ярмарку. Такой она представлена и у О.Сомова. Именно на ярмарке можно услышать свободолобивую запорожскую

песню, живую яркую историю, предание, заметить творческую натуру, которая проявляется во всем своем национальном многообразии.

Именно здесь и можно встретиться с гайдамакой, вольным человеком. О.Сомов ставит задачу не слить своего героя с ярмарочной массой, а выделить его, обратить на него внимание так, чтобы это заметили и другие. "Посреди площади собралась толпа народа. Молодой чумак в синем жупане тонкого сукна, в казачей шапке с красным верхом, лихо заломанной на голове с алым шелковым платком на шее, распущенными по груди длинными концами, и в красных сафьянных чоботах шел, приплясывая и припевая, вел за собою музыкантов и ватагу весельчаков и сыпал деньгами в народ. Чтобы показать свое удалство и богатырство, он то расталкивал ногою плоды у торговков, то бил нарочно стеклянную посуду в ятках – и платил за все в десятеро. Все: купцы, жида, цыгане, бандуристы и нищие – обступили его..." [20].

Такой типаж молодца можно, наверное, встретить только на ярмарке. Он представлен читателю во всей своей красоте. Это заметная фигура даже среди веселых казаков в красных и синих жупанах. И писатель любит его вместе с другими, восклицая: "Какой завзятый чумак! Какой лихой парень! Какой статный и пригожий мужчина! Какой богатый и тороватый!"

Однако авторские восклицания прерываются, О.Сомов обращает внимание на новую фигуру: "Вид этого человека с первого взгляда не обращал на себя внимания, но, всмотревшись пристальнее, не скоро можно было отвести от него глаза. Он стоял без шапки, которую сринул в толпе. Длинный оселедец спускался с бритой его головы и закручивался около уха. Смуглое лицо, правильные черты, орлиный нос, нагибавшийся над черными усами, и быстрые, пронизательные глаза обличали в нем ум, сметливость и хитрость, а широкие плечи и грудь, крепкие жилистые руки и богатырское сложение тела ясно говорили о необыкновенной его силе. В движениях и поступках его, даже в самом спокойном положении, видны были решительность и смелость. Ему казалось от роду не более сорока лет, но или сильные страсти, или заботы поборождали уже чело его морщинами" [21].

Как видим, О.Сомову ярмарка нужна для того, чтобы высветить и эту вторую фигуру. Автор очень детально характеризует "раскошного молодого чумака" (первую фигуру) и "человека среднего роста в простой чумацкой свите" (вторую фигуру). Однако эти характеристики

разные. В первой автор выделяет этакое "удальство и богатырство", которое проявляется среди торговков и зевак, во второй подчеркивается пронизательность, сметливость, хитрость, решительность, смелость. И хотя автор не называет его, читатель догадывается, что это именно Гаркуша, тот гайдамак, который незаметно появляется и так же неожиданно исчезает, свершив свое дело. Обоих персонажей он соединяет. И ярмарка в этом сыграла свою решающую роль. Именно на ярмарке они могли встретиться. Именно на ярмарке в толпе мог незаметно появиться известный атаман за новыми молодцами. Лесько понимает намеки Кирьяка Максимовича и, бросив деньги в толпу, отвлекает внимание от взгляда на новую фигуру. "И оглянулись, то уж обоих чумаков как не бывало", – завершает автор первую главу.

Ярмарка дала возможность О.Сомову в естественной обстановке представить читателю своего главного героя и тех (в частности, жида Гершка, заметившего Гаркушу на ярмарке и подслушавшего разговор его с Леськом), кто попытается сыграть роковую роль в судьбе персонажа. Хотя к ярмарке после второй главы автор уже не возвращается, но то, что произошло на ней, получило дальнейшее развитие в последующих главах.

Как видим, в произведениях каждого из предшественников Гоголя ярмарка играла свою композиционную роль. Однако в них есть и общее, которое состоит в том, что на ней сходились главные герои. Ярмарка была тем местом, где начинали разыгрываться события, которые составляли основу дальнейшего повествования.

Какое же место занимает ярмарка в произведении Гоголя? Описанию ее в повести "Сорочинская ярмарка" отводится небольшое место, но оно насыщено конкретными деталями. Сначала дана общая характеристика прекрасного ярмарочного дня. "Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии!" И далее идет очаровательно-нежное описание тихого, знойного дня, когда все окунулось в негу и только серебряная песня жаворонка да редкий крик чайки напоминали о жизни. И завершается эта упоительная летняя живописная картина бытовой зарисовкой фруктов, которые будут представлены на ярмарке. Однако и это перечисление овеяно таким же чарующим светом, как и все предыдущее. Романтически увлеченный описанием природы автор даже не замечает, что он воедино соединил ранние плоды черешен с плодами предосеннего времени. Однако на это ни-

кто и не обращает внимания. Все очарованы сладострастием и негой малороссийского лета, которое нам преподносит Гоголь.

После этого вступления Гоголь знакомит читателя с основными действующими лицами ярмарки. Исследователи М.Бахтин, Ю.Манн указывают на наличие в повести некоторых карнавальных элементов. И с этим нельзя не согласиться. И все же в описании ярмарки и свадьбы у Гоголя преобладает свое индивидуальное представление об этих действиях. Это прежде всего молодежь, которая устремилась на давно ожидаемую ярмарку, чтобы не только продать товар, но и повеселиться, познакомиться, окунуться в ярмарочный мир и в зависимости от достатка приобрести то, что понравилось. Яркими представителями ее являются Парася и Грицько, которые познакомились при странных обстоятельствах по дороге на ярмарку.

Затем следуют их родители, которые привезли свой товар, чтобы продать его и при этом не продешевить. Вот и толкаются они среди ярмарочной суеты, вслушиваясь в цены и разыскивая покупателей.

Гоголь выделяет и группу постоянных обитателей ярмарки: это торговки и перекупки, шинкарки, жида, цыгане и т.д. Каждому из них писатель отводит свое место и определяет свою роль.

Гоголь насыщает ярмарку все новыми участниками. И если заглянуть в черновой вариант текста повести, то обнаружим, что правка шла именно в этом направлении. В предложении "с утра еще тянулись нескончаемую вереницей чумацкие возы с солью и рыбой" "чумацкие возы" заменены на "чумаков", ибо они главные на ярмарке, а не их возы.

И даже тогда, когда предметный мир увлекает писателя, в центре внимания его остается их творец. Вспомним описание товара высокогончара: "Горы горшков, закутанных в сено, высоко (в черновике было "гордо") подымали с воза гигантское чело свое и, кажется, сучали темнотой (было "своею неизвестностью"). Местами (было "изредка") только какая-нибудь расписанная миска или макитра хвастливо выказывалась из высоко взгроможденного плетня и привлекала умиленные (было "завистливые") взгляды поклонников роскоши" [22]. И все же автор от этого великолепия гончарной посуды переводит читателя на основной объект – "много прохожих и приезжих поглядывало с завистью на высокогончара (было "степенного") гончара, владельца сих драгоценностей, который медленными шагами шел (было "следовал") за своим товаром, заботливо окутывая глиняных своих кокеток и

щеголей ненавистных для них сеном" (С. 15). Этот черновой вариант будет подвергнут Гоголем еще одной обработке. Новые уточнения еще больше углубят образ гончара, прекрасного творца глиняного царства.

Гоголь делает поток людей, устремленных на ярмарку, узнаваемым, ибо из него он высвечивает персонажей, которые вновь промелькнут на живой, возбужденной ярмарочной площади. Однако это высвечивание носит своеобразный характер. Гоголь поочередно то обращает внимание на товар, то на их обладателя. Вот по дороге одиноко истомленные волы тащат воз, наваленный мешками, пенькою, полотном и разною домашнею поклажей. Но все это автором названо как бы вскользь, ибо в центре внимания должен быть главный предмет, который больше всего беспокоит обладателя этих товаров, – пшеница, которой он так дорожит и хочет продать как можно выгоднее. Именно она и станет в центре внимания ярмарочной сделки, определенным движущим звеном действия. Как и в первом случае с гончаром, Гоголя больше интересует сам хозяин этих товаров. Вот он бредет в чистой полотняной рубашке и запачканных полотняных шароварах, ленивою рукой обтирая "катившийся градом пот с смуглого лица и даже капавший с длинных усов..." В черновом варианте портретное описание было уточнено некоторыми деталями. Однако это дополнение "толстый небольшого росту мужик уже с поседевшей головою, с усами" – было позже снято. Гоголь не именует его. Только позже узнаем, что это был Солопий Черевик. Здесь не он главный. Позже Черевик сыграет свою роль. А сейчас в центре внимания автора его дочь и сожительница. "На возу сидела хорошенькая дочка с круглым личиком, с черными бровями, ровными дугами поднявшимися над светлыми карими глазами, с беспечно улыбавшимися розовыми губками, с повязанными на голове красными и синими лентами, которые, вместе с длинными косами и пучком полевых цветов, богатою короною покоились на ее очаровательной головке" (С. 15). И это личико постоянно притягивало взгляд прохожих. И, наоборот, красное лицо мачехи возбуждало тревогу. В портретных описаниях двух женщин уже ощущается мотив светлого и темного, того темного, которое связано будет с нечистой силой. Это чувство усиливается красным цветом, который присутствует в обрисовке портрета сожительницы Солопия Черевика: "И она тут же сидела на высоте воза в изрядной шерстяной зеленой кофте, по которой, будто по горностаевому меху,

нашиты были хвостики красного только цвета, в богатой плахте, пестревшей как шахматная доска, и в ситцевом цветном очипке, придававшем какую-то особенную важность ее красному, полному лицу, по которому проскальзывало что-то столь неприятное, столь дикое, что каждый тотчас спешил перенести встревоженный взгляд свой на веселенькое личико дочки" (С. 16).

Гоголь в первой главе использует кинографический прием постепенного кадрового перехода от чумацких возов к гончару, а затем обитателям воза Черевика, при этом высвечивая и предметы, и лица так, чтобы у читателя появилось желание узнать о их судьбе дальше.

Вторая глава повести посвящена описанию самой ярмарки. Гоголь представляет ее как огромное чудовище, которое шевелится всем корпусом, "кричит, гогочет, гремит. Шум, брань, мычание, бляение, рев – все сливается в один нестройный говор. Волы, мешки, сено, цыганы, горшки, бабы, пряники, шапки – все ярко, пестро, нестройно; мечется кучами и снуется перед глазами. Разноголосые речи потопляют друг друга, и ни одно слово не выхватится, не спасется от этого потопа; ни один крик не выговорится ясно. Только хлопанье по рукам торгашей слышится со всех сторон ярмарки. Ломается воз, звенит железо, гремят сбрасываемые на землю доски, и закружившаяся голова недоумевает, куда обратиться" (С. 18).

Гоголь вновь прибегает к приему высвечивания. Из огромной ярмарочной толпы он высвечивает уже знакомые нам лица: приезжего мужика, который толкался в народе, узнавая и примеряясь к ценам, и его чернобровую дочку. Ярмарка далее преподносится читателю через их восприятие, в котором проявилась и жизненная мудрость, и романтическая молодость. Старик интересуется ценой на пшеницу, которую привез продавать, а также дегтем, которого он хотел взять на барыш. А дочь, которая вынуждена находиться возле отца, погружается в окружающий ярмарочный мир, такой занимательный и такой веселый, незнакомый: "Ее смешило до крайности, как цыган и мужик били один другого по рукам, вскрикивая сами от боли; как пьяный жид давал бабе киселя; как поссорившиеся перекупки перекидывались бранью и раками; как москаль, поглаживая одною рукою свою козлиную бороду, другою..." (С. 19). Но это увлечение носит временный характер, ибо ее манит другой мир, "туда, где под полотняными ятками нарядно развешаны красные ленты, серьги, оловянные, медные кресты и дукаты".

Постепенно Гоголь заполняет ярмарку все новыми и новыми персонажами: цыган, мужик, пьяный жид, перекупки, шинкарка и т.д. Но появляются и старые знакомые: Солопий Черевик, Грицько и Параска, эти юные существа, чувствующие магическое притяжение друг к другу. Но автор не спешит развивать эту лирическую любовную линию. Он находится в мире ярмарки, который не может обойтись без приключений. И среди ярмарочных персонажей появляется два человека. Один весьма похож на заезжего "обитателя какого-нибудь местечка, в пестрядевых, запачканных дегтем и засаленных шароварах", и другой – "в синей, местами уже с заплатами, свитке и с огромною шишкою на лбу" (в черновике было – "с широким носом и огромною на нем шишкою"). Именно эти обеспокоенные продажей пшеницы мужики стали носителями истории о красной свитке, которую подслушал Солопий Черевик и которая встревожит всю ярмарку.

Рассказ о красной свитке, обросший позже легендой о черте, изгнанном из пекла и приносившем людям одни неприятности, станет связующим звеном в дальнейшей судьбе и Солопия, стремившегося продать пшеницу и старую кобылу, и Параси, и Грицька, полюбивших друг друга и пытающихся объединить свои жизни, и Хиври, и попoviча Афанасия Ивановича, и даже кума Цыбули.

Однако в сию мимолетную минуту этот интригующий и, как окажется позже, очень важный разговор негоциантов не оторвал Солопия Черевика от реальной жизни. Он увидел свою дочь с сыном Голопуценко, которого он уже заприметил и пророчил в женихи Параси. Гоголь убыстряет действие, связанное с решением дальнейшей судьбы Параси, нарушая при этом все народные традиции сватовства. Эта мысль еще больше утвердилась, когда они все вместе побывали в известной ярмарочной ресторации – под яткой у жидовки. Ярмарочное действие не прерывается никакими событиями и завершается в 3-й главе тем, что Солопий Черевик побрел к своему возу с пшеницей, старой кобылой и сожигательницей, а молодые отправились в ряды "с красными товарами, в которых находились купцы даже из Гадяча и Миргорода – двух знаменитых уездных городов в Полтавской губернии" с целью приобрести "получшую деревянную люльку в медной щегольской оправе, цветистый по красному полю платок и шапку тустю и другим всем, кому следует".

Описание ярмарки не прерывается. Даже IV глава, где идет разговор Солопия Черевика со своей сожительницей о женихе для Параси, является результатом его встречи на ярмарке с женихом.

Пятая глава – это продолжение описания ярмарки. В ярмарочный мир Гоголь вкрапливает пейзажную зарисовку, перемешивая ее названиями товаров. "Усталое солнце уходило от мира, спокойно пропылав свой полдень и утро; и угасающий день пленительно и ярко румянился. Ослепительно блистали верхи белых шатров и яток, осененные каким-то едва приметным огненно-розовым светом. Стекла наваленных кучами оконниц горели; зеленые фляжки и чарки на столах у шинкарок превратились в огненные; горы дынь, арбузов и тыков казались вылитыми из золота и темной меди. Говор приметно становился реже и глуше, и усталые языки перекупок, мужиков и цыган ленивее и медленнее поворачивались. Где-то начинал сверкать огонек, и благовонный пар от варившихся галушек разносился по утихавшим улицам" (С. 23).

Первый ярмарочный день завершается стовором Грицька и цыгана об обоюдной для них сделке: "А спустишь волов за двадцать, если мы заставим Черевика отдать нам Параску?"

Хотя в последующих главах события переходят за пределы ярмарки, этот мир не перестает быть ярмарочным, балаганным, ибо он живет по тем же ярмарочным законам. Переключая внимание читателя к ярмарочному слуху о красной свитке, которую ищет черт, Гоголь показывает, как это сказочное сообщение приобретает реальную основу в воображении каждого участника ярмарки. Старухе, продававшей бублики, сатана почудился в костюме ужасной свиньи. И все поверили ей, и никто не обратил внимание на то, что она еле держалась на ногах, ибо ее лавка находилась рядом с яткой шинкарки. Сила страха затмила разум. Увиденное продавщицей бубликов разрасталось, дополнялось за счет новых вестей о чуде, виденном волостным писарем в окне развалившегося сарая – свином рыле, которое хрюкнуло так, что у писаря мороз подрал по коже.

Гоголь очень тонко раскрывает чувство страха, которое парализовало сознание, реальное восприятие окружающего мира. "Так что к ночи все теснее жались друг к другу; спокойствие разрушилось, и страх мешал всякому сомкнуть глаза свои; а те, которые были не совсем храброго десятка и запаслись ночлегами в избах, убрались домой. К числу последних принадлежал и Черевик с кумом и дочкою,

которые вместе с напросившимся к ним в хату гостями произвели сильный стук, так перепугавший нашу Хиврю".

После того, как страшная свиная рожа выставилась в окне во время рассказа кума Цыбули о поисках чертом кусков своей красной свитки, разбросанной по ярмарке, "ужас оковал всех находившихся в хате". Этот страх спровоцировал и поступки каждого, соответствующие его характеру. Ночные страхи подкрепились не только рассказом о красной свитке, но и действиями цыган, которые демонстрировали свинью-черта, чтобы усилить этот страх, возбужденный в головах Солопиевых гостей хмельными напитками.

Перечитывая повесть Гоголя "Сорочинская ярмарка", постоянно натыкаешься на какие-то не характерные для земной жизни неправильности. И на это обращали внимание в свое время Пантелеймон Кулиш, Андрей Царинный (А.П.Стороженко), Николай Петров и другие исследователи, стремясь найти им объяснение.

Попытаемся нащупать первопричины этих несоответствий, связав их с влиянием на ярмарочную жизнь демонической силы. Если допустить, что Гоголь решил с читателем поиграть, поозорничать, осознанно прибегнув к этическим нарушениям, чтобы таким образом подсказать читателю ход действий, спровоцированный нечистой силой, и продемонстрировать, во что превращается хорошее дело, если в нем участвует бесовская сила. Но где она, кто из представленных в повести героев обладает этой силой?

Повесть начинается прекрасным летним днем, когда дорога на Сорочинцы "кипела народом, поспешавшим со всех окрестных и дальних хуторов на ярмарку". Все буднично, но в то же время у каждого, кто устремлялся на ярмарку, была своя надежда, свои мечты.

Уже на первой странице Гоголь отходит от реального восприятия действительности, ибо оно насыщено неточностями и преувеличениями. Но присмотримся к парубку "в белой свитке и серой шапке решетилевских смужек". Что прежде всего привлекло в нем Параску: "смуглое лицо" и "огненные очи", которые, казалось, стремились пронизать ее насквозь. Это был Грицько, Григорий. В украинской демонологии это имя служило для одного из обозначений черта [23]. На это обратили внимание составители Примечаний к повести "Сорочинская ярмарка" [24].

Если принять гипотезу, что Грицько – это тот, кто водится с нечестью, а может и сам есть нечистая сила, ибо он Охримов сын, а имя

Охрим в украинской демонологии употреблялось для обозначения знахаря, упыря, то станут объяснимы все несообразности в его поведении. Только нечистый мог забросать грязью и обругать незнакомую пожилую женщину, которая сидела на возу рядом с девушкой, так понаравившейся юноше. И только нечистый мог воспринимать ее как свинью. В украинском фольклоре ее называют Хиврей, Хавроньей. Черт, встретившись со свиньей, не мог по-другому поступить. Здесь вспоминается пословица "Черт свинье не товарищ". Грицько называет ее дьяволом, и Гоголь мысль своего героя доводит до логического завершения, внося в портретную зарисовку некоторые специфические детали: "красные щеки ее превратились в огненные". Затем следует новое наименование, брошенное будущим зятем, "столетняя ведьма".

Быстрое знакомство Параски и Грицька, их притяжательное тяготение друг к другу сама героиня объясняет вмешательством нечистой силы: "Только мне чудно" – стремится мысленно объяснить девушка – "верно это лукавый! Сама, кажется, знаешь, что не годиться так... а силы недостает взять от него руку". Отец хотел в связи с этим что-то сказать дочери, но прозвучало в это время "магическое слово" – "пшеница", которую он не мог продать, ибо, как заявляли негоцианты, ярмарка находилась на проклятом чертом месте. Именно из их уст узнал Черевик о "красной свитке". Так по-разному входит бесовство в жизнь персонажей. У Солопия Черевика соединяются в одно целое как физический страх, связанный с бесовской одеждой, так и душевный, ибо он увидел свою дочь с парубком. Вспомнив при этом неоднократно черта, он через несколько минут, узнав, что дело имеет с Охримовым сыном ("А кто ж? Разве один только *лысый дидько*, если не он" – и здесь Гоголь выделяет в тексте подчеркнутые слова, которые в фольклоре обозначают "лысый черт, бес, леший"), соглашается выдать замуж свою дочь, распив вместе с ней и будущим нареченым зятем могорыч в ярмарочной ресторации.

Если бы Солопий Черевик здесь имел дело не с "нечистой силой", то все было бы совершенно по-другому, на что указывали критики украинского свадебного обряда. Здесь Гоголь нарушает устоявшиеся традиции. Но не будем забывать о гипотезе, которая предполагает, что старик имеет дело не с обыкновенным женихом, а имеющим связь с нечистой силой, которая диктует свои условия. Благодаря ей у смиренного Солопия появляется смелость перечить своей

сварливой Хивре, настаивая на свадьбе в неподходящее для этого время.

В момент сговора Грицька с цыганом (в народе всегда говорили, что цыгане водились с нечистой силой) все горит, все покрывается "огненно-розовым цветом" от уходящего солнца. Цветовой набор красок близок к бесовской одежде.

Вся VII глава наполнена рассказом о красной свитке и ночных приключениях, связанных с ней. Любопытен сам характер развития действия. В основе его – рассказ кума Цыбули, который сопровождается многими неожиданными, страшными и смешными действиями персонажей. На первый план здесь выдвинута не красная свитка, а свиное рыло, которое ассоциируется с чертом.

Однако "страшные толки про *красную свитку*, наведшие такую робость на народ, в таинственные часы сумерек" не исчезли и с появлением утра (С. 92). Подтверждает это рушник, который подала Хивря Солопию и которого она "с ужасом отбросила от себя: это был *красный обшлаг свитки!*" (С. 92), а также тот страх, который отнял у нее ноги, а "зубы колотились один об другой" (С. 92). Цыгане во время продажи Солопием кобылы незаметно обрезают узду, за которую тот держал кобылу, и привязывают "*кусок красного рукава свитки*" (С. 93); "поневоле побежишь, когда сатанинская одежда..." у тебя в руках.

И снова Гоголь показывает вмешательство нечистой силы, которая воплощается в образе Грицька. Связанный вместе с кумом Цыбулей Черевик обещает за свое освобождение Грицьку сыграть свадьбу, которая и состоялась сразу.

От момента встречи Грицька и Параски и до свадьбы все сцены как-то связаны с нечистой силой. То во время разговора произвольно звучит выражение "Черт!", которое затем обретает реальную силу, то подкрепляется какими-то неестественными действиями, которые связаны с нечистой силой, то это рассказ о красной свитке, которую ищет черт и куски которой в облике красной материи всегда встречаются в реальной ситуации и воспринимаются как ее часть.

Гоголь нигде не называет тех, кто способствует появлению предметов или действий нечистой силы. Только в одном месте устами высокого цыгана произнесены слова: "Что, Грицько, худо мы сделали свое дело?"

А что это за дело? Грицько готов продать волю за 15 рублей, если цыган способствует тому, что Солопий Черевик отдаст свою дочь Параску за него замуж.

Читатель может реально представить, что могли цыгане сделать, чтобы усилить страхи, вызванные рассказами о поисках чертом в облике свиньи своей красной свитки: свиньи рожи появляются в окне во время рассказа кума Цыбули, куски красной материи, что ассоциируются с красной свиткой, встречаются то Хивре, когда она подает полотенце, то Солопию, когда он держит за ремешок кобылу, и т.д.

Несмотря на протесты Хиври-Свиньи помешать сыграть свадьбу, Солопий и Параска, объединенные нечистой силой во время танца, проявляют стойкость в достижении своей цели: во чтобы то ни стало сыграть свадьбу. А ведь в повести время действия – конец августа, это спасов пост, во время которого не играют свадеб. Но она состоялась. В гоголевском описании нет открытой радости, веселья. Хотя в критической литературе свадьба воспринимается по-разному. Так, например, известный исследователь творчества Н.Гоголя Г.Н.Поспелов утверждает: "Грицько и его приятели из "Сорочинской ярмарки" не знает уже вообще ничего чудесного, кроме собственной своей храбрости и смекалки. Теперь чудесное осталось лишь в легенде о "красной свитке", которой можно напугать глупых стариков, чтобы получить от них согласие на свадьбу дочери" [25].

Свадебный танец ничем не напоминает радостного праздничного действия, хотя "все неслось. Все танцевало". И кто же танцует? "Люди, на угрюмых лицах которых, кажется, век не проскальзывала улыбка, притоптывали ногами и вздрагивали плечами... Но еще страннее еще неразгаданнее чувство пробудилось бы в глубине души при взгляде на старушек, на ветхих лицах которых веяло равнодушие могилы, толкавшихся между новым, смеющимся, живым человеком. Беспечные! Даже без детской радости, без искры сочувствия, которых один хмель только, как механик своего безжизненного автомата, заставляет делать что-то подобное человеческому, они тихо покачивали охмелевшими головами, подплясывая за веселящимся народом, не обращая даже глаз на молодую чету" (С. 97). Этот танец несколько не похож на свадебный, в котором участвует молодежь.

Сам свадебный процесс был настолько мрачным, что радости-то никакой не получилось. "Гром, хохот, песни слышались тише и тише. Смычок умирал, слабея и теряя неясные звуки в пустоте воздуха. И

скоро все стало пусто и глухо". Радость – эта прекрасная, но непостоянная гостья – улетела. Одинокий звук скрипки, который еще пытался удержать веселье в своем эхо, уже слышит грусть. И авторская мысль переносится от одиночного к более общему. Автор вспоминает о своих резвых друзьях бурной и вольный юности. Откуда эта грусть, чем она вызвана?

Может быть, Гоголю стало грустно, пустынно и дико от того, что так родилась новая семья. И ему вспомнились дни расставания гимназических друзей, которые, как веселые женихи на свадьбе, теряли свою независимость. Весь рассказ о приключениях на Сорочинской ярмарке получился невеселым. Поэтому и заключительные строки повести овеяны авторской грустью: "Скучно оставленному! И тяжело и грустно становится сердцу, и нечем помочь ему" (С. 98). Почему у автора так ноет сердце, почему он не радуется торжеству молодой любви, их счастью. Может, не верит он в нее, ибо она рождалась с нарушением законности и не имеет счастливого будущего. "Странный, еще явно непонятный финал" (Ю.Манн) остался для многих исследователей неразгаданным. И здесь, конечно, можно только предугадывать о предложенном нами авторском ходе действия.

Первое гоголевское произведение, получившее известность, заставляет исследователей искать ходы развязки тех сюжетных поворотов, которые не укладываются в реалии жизни. "Сорочинская ярмарка" предсказала Гоголя – большого лирика и сатирика, умевшего соединять противоположные понятия смех и слезы, веселье и грусть, комическое и трагическое. Не углубляясь в подсознательные потоки, воспримем "Сорочинскую ярмарку" как жизнерадостное, веселое, народнопоэтическое произведение, которое сыграло немаловажную роль в истории культуры, натолкнув художников на воссоздание гоголевского сорочинского мира, композиторов на создание музыкальных произведений, а кинематографистов на новые сценические поиски. "Сорочинская ярмарка" Н.Гоголя жива и будет жить долго.

Литература

1. Самойленко Г.В. Нежин – город юности Гоголя. – Нежин, 2002. – 268 с.; Самойленко Г.В. Николай Гоголь и Нежин. – Нежин, 2008. – 316 с.
2. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 7 т. – М.: Худож. лит., 1976–1979. – Т.7. – С. 59.

3. Гоголь Н. В. Его жизнь и сочинения / Составил В.Покровский. – М., 1910. – С. 35.
4. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. – М.: Наследие, 2001. – Т. 1. – С. 688.
5. Русский художественный архив / Изд. В.А.Головин. – 1892. – Вып. 2. – С. 53. А также: Гоголь Н.В. Полное собр. соч. – Т. 1. – М., 2001. – С. 640.
6. Черниговские губернские ведомости. – 1853. – №5. – Часть неофициальная. – С. 33.
7. Гербель Н. Нежин // Лицей князя Безбородко. – СПб., 1859. – С. 7.
8. Самойленко Г.В., Самойленко С.Г. Розвиток культури на Північному Лівобережжі в другій пол. XVII–XVIII ст. – Ніжин, 2007. – С. 89–114.
9. Любич-Романович В.И. Гоголь в Нежинском лицее: Из воспоминаний В.И.Любича-Романовича // Исторический вестник. – 1902. – Т. 87, №2. – С. 548–550.
10. Алтынов Н.Ю. Из воспоминаний // Русский архив. – 1877. – Кн. 3. – С. 19.
11. Самойленко Г.В. Нежинская филологическая школа. 1820–1990. – Нежин, 1993. – С. 56–58.
12. Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. – М., 1972. – С. 280; а также: Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем. – Т. 1. – М., 2001. – С. 637.
13. Мацапура В. Украина в русской литературе пер. пол. XIX века. – Х.; Полтава, 2001. – С. 71.
14. Нарезный В. Бурсак. Два Ивана. Гаркуша. – К.: Дніпро, 1988. – С. 275.
15. Там же. – С. 275.
16. Михед П. Кризь призму бароко. – К., 2002. – С. 45.
17. Бахтин М.М. Этика словесного творчества. – М., 1979. – С. 359.
18. Сомов О. Купалов вечер: Избр. произв. – К.: Дніпро, 1991. – С. 22.
19. Там же. – С. 22.
20. Там же. – С. 22–23.
21. Там же. – С. 23.
22. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 7 т. – Т. 1. – С. 15. Далее цитаты повести даются по этому изданию с указанием стр. в тексте.

23. Малорусские народные предания и рассказы. Свод Михаила Драгоманова. – Киев, 1876. – С. 56.

24. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем. – Т. 1. – М., 2001. – С. 695.

25. Поспелов Г.Н. Творчество Гоголя. – М.: Учпедгиз, 1953. – С. 46.

Новонайденный список второго тома "Мертвых душ" Гоголя

В 1855 году после смерти попечителя Гимназии высших наук, Физико-математического и Юридического лицеев Александра Григорьевича Кушелева-Безбородко эту должность принял от отца его старший сын Григорий Александрович, который после окончания Александровского лицея (1850 г.) поступил на государственную службу в канцелярию Комитета министров в чине титулярного советника и дослужился до действительного статского советника.

Став почетным попечителем Юридического лицея князя Безбородко, Г.А.Кушелев-Безбородко сделал несколько пожертвований нежинскому учебному заведению. Он заказал петербургским художникам написать портреты масляными красками. Это были 3 копии портретов: А.Г.Кушелева-Безбородко художника Крюгера, Н.В.Гоголя – худ. Ф.Моллера, Н.В.Кукольника – худ. К.Брюллова, а также оригинальный портрет Е.П.Гребенки, написанный выпускником Нежинской гимназии А.Мокрицким.

Кроме этого, Г.А.Кушелев-Безбородко в 1858 г. купил у родственников и знакомых Н.Гоголя для лицейской библиотеки рукописи писателя: "Мертвые души" (I т.), а также наброски к поэме "Тарас Бульба" (две редакции с правками автора), "Портрет", "Игроки", "Тяжба", "Лакейская", "Театральный разъезд", а также 32 письма, адресованных Н.Я.Прокоповичу. За все это граф заплатил 1200 руб.

В библиотеку поступали рукописи Н.Гоголя и позже. Так, комедию "Дядька в затруднительном положении", переведенная с итальянского языка Н.Гоголем и другими представителями русских, проживавших в Италии, для бенефиса М.Щепкина, подарил известный библиограф С.И.Пономарев, который некоторое время работал в библиотеке Историко-филологического института кн.Безбородко.

24 письма и 2 небольших записки Н.Гоголя к М.А.Максимовичу были приобретены руководством института у вдовы ученого в 1875 году (см.: Е.В.Петухов. Заметки о рукописях Нежинского ин-та. – С. 27).

В 1900 г. в Москве вышла книга "Описание рукописей библиотеки Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине",

составленная под редакцией профессора М.Сперанского. Окончание "Описания..." было напечатано в Нежине в 1901 г. Среди многих уникальных рукописей XVI–XVIII, обозначенных в I части "Описания..." на стр. 99–106, в этой же части значатся и рукописи Н.Гоголя под порядковыми номерами:

№58. Дядька в затруднительном положении, комедия, перевод с итальянского.

№59. Рукопись Н.В.Гоголя. Мертвые души. I том. 394 страницы, переписанные рукой Анненкова под диктовку Н.Гоголя в Риме. В тексте рукописи имеются исправления Н.Гоголя, дополнения на полях. Здесь же обозначены и собственноручные черновые наброски автора к I тому "Мертвых душ" (11 листов).

№60. Рукопись Н.В.Гоголя. Портрет. Это переписанная набело редакция повести на 54 четверках бумаги с авторскими исправлениями некоторых страниц.

№61. Рукопись Н.В.Гоголя. Игроки и Театральный разъезд на 21 странице. Это собственноручно переписанные автором его произведения, которые приготовлены для переписи писцом "по примеру прочих, разгонисто и четко, чтобы цензор мог прочесть удобно". Как замечает М.Сперанский, почерк автора очень мелок, уборист и разборчив.

№62. Письма Гоголя к Прокоповичу. 32 письма на 52 листах. Очевидно, эти письма Г.А.Кулешев-Безбородко купил по совету Н.Гербеля у вдовы Н.Я.Прокоповича, который умер в 1857 году. Н.Гербель написал большую статью о связях Н.Гоголя со своим гимназическим другом, а также первым редактором сочинений писателя. Эти письма Н.Гоголя были описаны и опубликованы профессором Е.В.Петуховым в "Известиях Института кн.Безбородко в Нежине" (т. 15, отд. 6, с. 1–60).

№63. Письма Гоголя к Максимовичу. 24 письма и 2 небольших записки Н.В.Гоголя к М.А.Максимовичу. На некоторых письмах имеются пометки проф. М.А.Максимовича, которые уточняют время пребывания у него Гоголя, фамилии тех, о ком идет речь в письме, и т.п.

№64. Рукопись Н.В.Гоголя. Тарас Бульба. Это подготовленная к изданию повесть в 10 тетрадках, к которым присоединены еще 2 тетрадки гоголевских набросков: одна – к повести "Тарас Бульба", вторая – черновой набросок к I тому "Мертвых душ".

№65. Рукопись Н.В.Гоголя. Тяжба и Лакейская. Это одна тетрадь, в которой на 1–10 листах располагается "Тяжба", а от 10 до 19 – записан текст "Лакейской".

Все рукописи были переплетены в темно-синий, темно-зеленый, красный или коричневый переплеты с золотым тиснением названий произведений Н.Гоголя.

В 1902 году в связи с 50-летием со дня смерти Н.Гоголя в Историко-филологическом институте кн.Безбородко в Нежине проходило торжественное чествование писателя. На здании бывшей Гимназии была открыта мемориальная доска, а также организована выставка, включавшая в себя материалы о жизни и творчестве известного выпускника Нежинской высшей школы. Среди 9 ее разделов отдельно в 4-м значатся "Автографы Гоголя". Здесь были выставлены все рукописные материалы, представленные выше под номерами 58–65, а также фотоснимок первой страницы Классного сочинения Гоголя (1827–1828 г.) "В какое время делаются славяне известны по истории, где и когда и какими деяниями они себя прославили до поселения своего, и какое их было поселение", а также отзыв на него проф. К.Моисеева, фототипический снимок письма Н.Гоголя из Нежина к Г.Высоцкому в С.-Петербургу (1827 г.), факсимиле "Письма к Пушкину", а также оригинал одного из последних писем писателя к И.И.Барановскому.

Рукописи Н.Гоголя, которые хранились в дореволюционное время в библиотеке Историко-филологического института кн.Безбородко в Нежине, а в послереволюционное – в Нежинском институте народного образования, а затем в Нежинском педагогическом институте, согласно постановления наркома по образованию Д.Затонского были переданы в 1934 году в рукописный отдел Государственной публичной библиотеки УССР (ныне Институт рукописи Национальной библиотеки им. В.Вернадского НАН Украины).

В 1952 году в связи со 100-летием со дня смерти Гоголя сотрудником библиотеки И.В.Шубанским были описаны автографы Гоголя, которые хранились в рукописном отделе, в том числе и поступившие из Нежина, о чем свидетельствовали на них печати гоголевского музея и библиотеки Историко-филологического института кн.Безбородко, а также шифры библиотеки, номера и указания, что рукописи находились в рукописном отделе нежинской библиотеки. Кроме этого, на рукописях была сделана пометка "Акт 31, п. 47,

22.X.34", которая повторялась на каждой рукописи и свидетельствовала, когда именно они были переданы в Киев. В связи с тем, что в то время из нежинской библиотеки были забраны и редкие книги, а также другие материалы (рукописи ученых историков и филологов), хотя работники института и библиотеки сопротивлялись, чтобы полностью не оголить ее уникальное собрание, однако значительная часть фондов была передана в библиотеки АН Украины и Киевского университета.

В "Описании автографов Н.В.Гоголя" (1952) значатся такие рукописи писателя из гоголевской коллекции:

Игроки и Театральный разъезд.

Мертвые души, т. I. Наброски к I тому.

Портрет.

Тарас Бульба. На л. 113 – черновой набросок к IX главе "Мертвых душ".

Тяжба и Лакейская.

В "Описи" указаны и письма Гоголя к Н.Прокоповичу и М.Максимовичу, о чем сказано в книге, но каждое из них представлено не в именной коллекции, а отдельно в хронологическом порядке с указанием адресата.

В разделе "Документы и другие материалы" значатся некоторые архивные источники, которые касаются учебы Гоголя в Гимназии высших наук кн.Безбородко в Нежине, изъятые из коллекции архива гимназии, связанной с подготовкой выставки к 50-летию со дня смерти писателя и хранившейся в Гоголевском музее института, о чем свидетельствует его печать:

1. Прошение Н.В.Гоголя о допущении его к экзамену для перевода в 4-е отделение по языкам [20 августа 1827 г.].

2. Показание Н.В.Гоголя во время допроса его в конференции в Нежинской гимназии по "Делу о вольнодумстве" [3 ноября 1827 г.].

3. Прошение на имя директора Нежинской гимназии Д.Э.Ясновского о выдаче Гоголю свидетельства об учении и поведении [10 октября 1828 г.].

4. Чертеж по полевой фортификации (1828).

5. Книга "Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя" (С.-Петербург, 1847) с дарственной надписью Гоголя семье Шевыревых: "Милому дому Шевыревых от их друга". Она сделана писателем на клочке бумаги, наклеенном на шмуцтитуле книги, кото-

рая была куплена для Историко-филологического института его директором Н.А.Лавровским вместе со всей библиотекой проф. С.П.Шевырева у его сына Бориса Степановича в 1876 г.

Совсем недавно нами был обнаружен список 5 известных глав II тома "Мертвых душ" Н.Гоголя, который расположен на 153 пронумерованных листах размером 34х22 см, скрепленных вместе толстыми нитками в четырех местах. Возможно, что эта рукопись была в переплете, который по каким-то причинам утерян. Рукопись написана на листах, выпущенных фабрикой №4 Аристархова. Об этом на каждом листе свидетельствует выбитый и хорошо просматриваемый штамп.

На первом белом грязноватом от времени листе с пятнами от какого-то вещества имеются 2 надписи: в верхнем правом углу – Отъ, и ниже – подпись, а под ней год – 1851. Внизу листа посередине еще одна подпись другого лица. Все это необходимо уточнить и расшифровать. Более того, дата на титульном листе наталкивает на мысль: а был ли Гоголь знаком с этим списком второго тома поэмы?

К сожалению, рукопись пострадала. Верхняя часть левого угла была залита химическим веществом, которое разъело бумагу и образовало коричневое пятно. Бумага на нем частично осыпалась. Никаких печатей или других пометок на первом листе, как и на всем тексте списка, нет. Отсутствует последний лист рукописи.

По тексту имеются карандашные исправления слов. Список переписывался несколькими лицами, о чем свидетельствуют различные почерка.

Со второго листа с обеих его сторон аккуратным, разборчивым почерком переписан текст первой главы второго тома "Мертвых душ". Конец первой главы и вся вторая глава переписаны другим лицом, но также четким и хорошо читаемым почерком. Третья глава и часть четвертой переписаны несколько растянутым почерком с графически нечетким начертанием букв, поэтому текст трудно читать. Вторая часть четвертой и пятая главы переписана еще одним лицом с хорошим почерком.

Как попал этот список в Нежин, трудно ныне сказать точно. Возможно, его подарил в библиотеку Юридического лицея Н.Гербель, так как на титульной странице имеется предположительно его автограф. У нас была надежда, что новонайденный список будет числиться среди книг и рукописей в библиотеке профессора Шевырева, приобретенной Историко-филологическим институтом кн.Безбородко. Однако

в "Шевыревском каталоге" – "Документальный каталог книг библиотеки института кн.Безбродко (бывшей Шевырева)" (1877) этого списка нет. Возможно, он попал в Нежин каким-то другим путем, который необходимо еще выяснить.

Новонайденный список глав второго тома "Мертвых душ" нами был сопоставлен с текстами двух редакций, напечатанных в VII томе Полного собрания сочинений Н.Гоголя (изд. АН СССР, 1951) и совпадающих с публикацией глав второго тома поэмы, опубликованных П.Кулишом в 1857 г., который в предисловии к изданию замечает: "Гоголь много раз принимался исправлять и переделывать свое сочинение. Для нас очень интересно знать, как Гоголь поправлял у себя то, чем он оставался некоторое время доволен, и поэтому я решился напечатать второй том "Мертвых душ" в двойном виде: сперва так, как он был переписан набело рукой Гоголя, а потом (сколько было возможно) в том виде, в каком Гоголь желал представить его публике". В этом же виде эти главы и воспроизводятся в академическом издании 1951 года.

Сопоставление глав новонайденного списка и первоначальных глав и редакций академического издания дает нам право утверждать, что это комбинированный текст первого и последнего слоев опубликованных текстов с дополнениями и уточнениями, а также соответствующей правкой.

В примечаниях к академическому изданию говорится: "В Государственной библиотеке СССР им. В.И.Ленина, в Московском университете и в Институте украинской литературы Академии Наук УССР в Киеве имеется шесть рукописных списков с несохранившегося экземпляра копии, сделанной С.П.Шевыревым с автографа. Между текстом сохранившегося подлинника и рукописными копиями, а также первопечатным текстом имеются разночтения. Однако эти разночтения по своему характеру не могут свидетельствовать о том, что в распоряжении С.П.Шевырева имелся еще какой либо, не дошедший до нас первоисточник [Т. VII, с. 424].

В новонайденном списке присутствуют редакторские заметки о содержании пропущенных глав, о чем говорит в предисловии к первому изданию глав второго тома Н.П.Трушковский: "В августе 1851 года Гоголь прочел С.П.Шевыреву шесть глав совершенно оконченных к печати и седьмую почти готовую". Исходя из этого, авторы примечаний в академическом издании утверждают, что С.П.Шевырев лучше других знал содержание сожженной рукописи. "Ввиду этого

имеет значение его редакторская заметка в конце второй главы в первом издании" [Т. VII, с. 424], а также в других местах.

Можно предположить, что новонайденный список и есть тот вариант рукописи, который послужил основой для первоначальной публикации глав второго тома "Мертвых душ". Но так ли это?

В чем же отличие новонайденного списка глав второго тома "Мертвых душ" от академического издания? Для сравнения нами был взят первый текст указанного академического издания (стр. 7–127). Кроме разночтений отдельных слов, фраз, предложений, пунктуаций, которая почти отсутствует в списке рукописи, есть и принципиальное отличие: встречаются фрагменты, которые напечатаны в академическом издании, но их нет в списке, и наоборот. Некоторые из них обнаружены нами в раннем варианте глав, опубликованных также в академическом издании – стр. 131–270. Хотя это не механическое соединение текста. Новонайденный список обработан, отредактирован, в него введены некоторые новые эпизоды, фразы, некоторые опущены, изменена форма прямой речи и т.п. Для примера наводим три варианта текста эпизода "Встреча Тентетникова с крестьянами своего имения":

I академический вариант

А между тем его ожидало другое зрелище. Узнавши о приезде барина, мужики собрались к крыльцу. Кички, повязки, повойники, сороки, зипуны и картинно-окладистые бороды красивого населения обступили его кругом. Когда раздались слова: "Кормилец наш! вспомнил..." и невольно заплакали старики и старухи, помнившие и его деда, и прадеда, не мог он сам удержаться от слёз. И думал он про себя: "Сколько любви! и за что? – За то, что я никогда не видал их, никогда не занимался ими!" И дал он себе обет разделить с ними труды и занятия. И стал он хозяйничать, распоряжаться. Уменьшил барщину, убавив дни работ на помещика и прибавив времени мужику. Дурака-управителя выгнал. Сам стал входить во всё, показываться на полях, на гумне, на овинах, на мельницах, у пристани, при грузке и сплавке барок и плоскодонок, так что ленивые начинали даже почесываться. Но продолжалось это недолго (с. 19).

Ранний вариант	Новонайдённый вариант
<p>А между тем его ожидало другое зрелище. Узнавши о приезде барина, <u>населенье всей деревни</u> собралось к крыльцу. <u>Пестрые платки, повязки,</u> повойники, зипуны, бороды всех родов: заступом, лопатой и клином, рыжие, русые и белые, как серебро, покрыли <u>всю площадь</u>. Мужики загремели: "Кормилец, дождалась мы тебя". Бабы заголосили: "Золото, серебро ты сердечное!" Стоявшие подале даже подрались от усердия продраться. Дряблая старушонка, похожая на сушеную грушу, прошмыгнула промеж ног других, подступила к нему, всплеснула руками и взвизгнула: "<u>Соплюнчик ты наш,</u> да какой же ты жиденкой! Изморила тебя окаянная немчур!" – "Пошла ты, баба", – закричали ей тут же бороды заступом, лопатой и клином. "Ишь куды полезла! корявая!" Кто-то приворотил к этому такое словцо, от которого один только русский мужик мог не засмеяться. Барин не выдержал и рассмеялся, но тем не менее он тронут был глубоко в душе своей. "Сколько любви! и за что? – думал он в себе. – За то, что никогда не видал их, никогда не занимался ими. <u>Отныне же даю слово</u> разделить <u>с вами</u> труды и занятия <u>ваши</u>. Употреблю всё, чтобы помочь <u>вам</u> сделаться тем,</p>	<p>А между тем <u>в деревне</u> ожидало его другое зрелище. Узнав о приезде барина, <u>мужики и бабы</u> собрались к крыльцу, как <u>сороки, кички,</u> повойники, зипуны, бороды всех родов: заступом, лопатой и клином, рыжие, русые и белые, как серебро, покрыли <u>весь двор</u>. Мужики загремели: "Кормилец, дождалась мы тебя!" Бабы заголосили: "Золото, серебро ты сердечное!" Стоявшие подале даже подрались от усердия пробраться. Дряхлая старушонка, похожая на сушеную грушу прошмыгнула промеж ног других, подступила к нему, всплеснула руками и взвизгнула: "Да какой же ты жиденкий! изморила тебя окаянная немчур". "Пошла ты, баба", – закричали ей тут же бороды заступом, лопатой и клином. "Ишь куды полезла, корявая!" Кто-то приворотил к этому такое словцо, от которого один только русский мужик мог не смеяться. Барин не выдержал и рассмеялся, но тем не менее он тронут был в душе своей. "Сколько любви! и за что? – думал он про себя. – За то, что я никогда не видал их, никогда не занимался ими!" <u>И дал он себе обет</u> разделять с ними и труды, и занятия, и употребить все, чтобы помочь <u>им</u> сделаться тем, чем <u>они</u> должны быть, чем назначила <u>им</u> быть добрая, <u>внутри их же</u></p>

чем вы должны быть, чем вам назначила быть ваша добрая, в вас же самих заключенная природа ваша, чтобы не даром была любовь ваша ко мне, чтобы я, точно, был кормилец ваш!"

И действительно Тентетников не шутя принялся хозяйничать и распорядиться. Он увидел на месте, что приказчик был, точно, баба и дурак со всеми качествами дрянного приказчика, то есть ввел аккуратно счет кур и яиц, пряжи и полотна, приносимых бабами, но не знал ни бельмеса в уборке хлеба и посевах, а в прибавленье ко всему, подозревал всех мужиков в покушеньи на жизнь свою. Дурака приказчика он выгнал, на место его выбрал другого, бойкого; оставил мелочи, обратил вниманье на главные части, уменьшил барщину, убавил дни работ на себя, прибавил времени мужикам работать на них самих и думал что теперь дела пойдут наютличнейшим порядком. Сам стал входить во все, показываться на полях, на гумне, в овинах, на мельницах, у пристани, при грузке и сплавке барок и плоскодонов. "Да он, вишь ты, остроногий!" – стали говорить мужики и даже почесывать в затылках, потому что от долговременного бабьего управления они все изрядно поизленились. Но это продолжалось недолго (с. 140).

самих заключенная природа, чтобы не даром была любовь их к нему, чтобы он точно был кормильцем их.

И стал он хозяйничать, распорядиться не на шутку. На месте увидел тотчас, что приказчик был баба и дурак, со всеми качествами дрянного приказчика, т.е. вел аккуратно счет кур и яиц, пряжи и полотна, приносимых бабами, но не знал ни бельмеса в уборке хлеба и посевах, а в прибавление ко всему подогревал мужиков в покушении на жизнь свою. Дурака приказчика он выгнал, а на место его выбрал другого, бойкого. Оставил мелочи, обратил внимание на главные части: уменьшил барщину, убавил дни работ на помещика и прибавил времени мужику. Сам стал входить во всё, показываться на полях, на гумне, в овинах, на мельницах, у пристани, при грузке и сплавке барок и плоскодонок. "Да он, вишь ты, остроногий!" – стали говорить мужики и даже обленившиеся начинали даже почесываться. Но продолжалось это недолго.

Как видим, в фрагменте академического текста Гоголь подчеркивает патриархальное, традиционное преклонение крестьян перед баринном, а в новонайденном списке, как и в ранней рукописи, выделяется прежде всего грубость мужиков. Сопоставление трех вариантов текста дало возможность увидеть, что они не идентичны.

Довольно часто встречаются в вариантах текста по-разному произведенные близкие по содержанию фрагменты. В некоторых случаях они шире в академическом издании и уже в новонайденном списке, и наоборот. Например, в академическом тексте:

"Во ржи бьет перепел, в траве дергает дергун, над ним урчат и чирикают перелетающие коноплянки, блеет поднявшийся на воздух барашек, трелит жаворонок, исчезая в свете, и звонами труб отдается гурлыканье журавлей, строящих в треугольнике свои вереницы в небесах высоко, откликается вся в звуки превратившаяся окрестность" [Т. VII, с. 21].

В новонайденном списке: "Бьет перепел во ржи, дергает в траве дергун, урчат и чирикают перелетающие коноплянки, по невидимой воздушной лестнице сыплются трели жаворонков и звонами труб отдаленное гурлыканье журавлей, строящих треугольнички свои в небесах, и откликается вся в звуки превратившаяся окрестность".

В некоторых местах списка расширялось или углублялось описание действий, поступков персонажей, их состояние. Вот характеристика Тентетникова во время встречи с Улинькой: в академическом тексте: "Точно то же случилось с нею и с Тентетниковым. Неизъяснимое новое чувство вошло к нему в душу. Скучная жизнь его на мгновение озарилась" [Т. VII, с. 24].

В новонайденном списке после последних слов академического текста идет новый текст: "Точно то же случилось с Тентетниковым, ему показалось с первого дня знакомства, что он был знаком с нею вечно. Неизъяснимое новое чувство вошло ему в душу. Скучная жизнь его на мгновенье озарилась, халат на время был оставлен. Не так долго копался он на кровати, не так долго стоял Михайло с рушником в руках, растворились окна в комнатах, и часто владелец картинного поместья долго ходил по темным излучинам своего сада, ему уже чуждого и останавливался по часам пред пленительными водами на отдалении".

Иногда в переработанном тексте появляется многочисленное количество деталей, которые расширяют описываемую обстановку,

уточняют важные ситуации, помогающие раскрыть целеустремленность персонажей и т.п. Так, эпизод, представленный в академическом тексте, который связан со знакомством Чичикова с хозяйством Тентетникова, дан в кратком изложении: "Чичиков везде побывал. Перетолковал и переговорил и с приказчиком, и с мужиком, и мельником. Узнал все, обо всем, и что и как, и каким образом хозяйство идет, и думал внутренно: "Какая, однако же, скотина Тентетников! Какое имение и этак запустить. Можно бы иметь 50 тысяч годового доходу" [Т. VII, с. 31].

Этот же текст в новонайденном списке обилует многими деталями, которые характеризуют как бесхозяйственность Тентетникова, так и практичность Чичикова. Текст наполовину расширен, о чем свидетельствуют выделенные предложения: "Чичиков побывал везде, говорил и толковал и с приказчиком, и с мужиком, и с мельником. Узнал все, обо всем, и что и как, и каким образом идет хозяйство, и каких урожаев можно ожидать, и насколько продается хлеба, и что отбирают осенью за умол муки, и как зовут каждого мужика, и кто с кем в родстве, и где купил корову и чем кормит свинью, словом все. Узнал и то, сколько померло мужиков, — оказалось немного: как умный человек, заметил вдруг, что не завидно идет хозяйство у Андрея Ивановича. Повсюду упущения, нерадения, воровство, немало и пьянства. И мысленно он говорил сам себе: "Какая же, однако, скотина Тентетников! Запустил такое имение, которое могло бы приносить 50 тысяч годового дохода!" И не будучи в силах удержать справедливого негодования, повторял он: "решительная скотина".

Обратим внимание на то, что во всем тексте глав второго тома "Мертвых душ" новонайденного списка слова типа: угощение, изумление, почтение, положение и т.п. заканчиваются на -ие, а в академическом тексте — на -ьи.

Текст второй главы, в котором повествуется о встрече Чичикова с генералом Бетрищевым, как и первой, обилует многими изменениями слов, уточнений, добавлений. В списке же имеется значительная вставка, которая дает возможность расширить характеристику Чичикова и разоблачить судейский чиновничий мир. В беседе с генералом Чичиков рассказывает поучительную историю. Это повествование отсутствует полностью в академическом тексте, которое идет в новонайденном списке после слов: "Обокрадет, обворует казну, да еще и,

каналья, наград просит. Нельзя, говорит, без поощрения, трудился... Ха, ха, ха, ха!" [Т. VII, с. 42]:

"А изволили, Ваше превосходительство, слышать когда-нибудь о том, что такое полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит!" – сказал Чичиков, обратясь к генералу с улыбкой уже несколько плутоватой.

Нет не слышал!

Симпатический анекдот, Ваше превосходительство. В имении, Ваше превосходительство, у князя Гунзаковского, которого без сомнения, Ваше превосходительство, изволите знать.

Не знаю.

Был управитель, Ваше превосходительство, из немцев, молодой человек. По случаю поставки рекрут и прочего, имел он надобность приезжать в город, водиться с судейскими ну и... сами изволите знать подмазывать им (Чичиков прищуря глаз, выразил в лице своем как подмазываются судейским). Впрочем и они угощали его, так что один раз, обедая у них, он говорил: "Что же господа, когда-нибудь и ко мне, в имение к князю! Те говорят приедем. В непродолжительном времени, Ваше превосходительство, случилось выехать суду на следствие по делу приключившемуся с владением графа Трехметьева, которого, Ваше превосходительство, без сомнения то же изволите знать.

Не знаю.

Самого то следствия они не сделали, а заворотили всем судом к графскому эконому, да три дня и три ночи, не переводя духу и прокозыряли в карты. Самовар и пунш, Ваше превосходительство, со стола не сходят. Старику то графскому уж они засели так сказать в горле (Чичиков показал себе на горло). Чтобы какнибудь от них отделаться он и говорит: "Вы бы господа заехали к княжескому управляющему, немцу, он недалеко отсюда и вас ждет. А и в самом деле говорят он же нас и звал. И все это как было заспанное, небритое, на телеге да к немцу... А немец, Ваше превосходительство, только что женился. Женился на институтке молоденькой, субтильной (Чичиков выразил в лице своем субтильность). Находясь так сказать в медовом месяце, сидят они вроде двух ангельчиков за чаем. Вдруг отворяются двери и ввалилось сонмище.

Воображаю, хороши, сказал генерал, смеясь.

Немца так поразило, Ваше превосходительство, что потерялся совсем. Подходит к ним и говорит: что вам угодно? А говорят они, так

вот ты как! Перемена декораций, другой оборот, другая речь: "За делом: сколько вина выкуривается при имении? Покажите книги. Тот туда-сюда, эй понятных. Взяли, связали да в город, Да полтора года и просидел немец в тюрьме.

Вот на! сказал генерал.

Улинька сплеснула руками.

Жена, Ваше превосходительство, хлопотать; но что ж может какая-нибудь неискушенная, так сказать, горнилом опыта, молодая женщина? Спасибо что – случились добрые люди, которые научили пойти на мировую. Отделался немец, Ваше превосходительство, двумя тысячами да угостительным обедом. Да уже за обедом, когда все уже того... и он также, говоря просто налимонились, они и говорят ему, вот видишь: погнушался нами! Ты все бы хотел видеть выбритых. Нет, ты полюби нас черненьких, а беленькими нас всякий полюбит.

Генерал расхохотался".

Сопоставление этого рассказа Чичикова о "черненьких и беленьких" дало возможность уточнить, что составитель текста не просто соединил две ныне существующих академические редакции, а использовал и варианты. Особенно это касается текста ранней редакции. После слов: "Воображаю, хороши!" – сказал генерал" и до слов "Генерал расхохотался" идет приведенный нами в новонайденном варианте текст, но не тот, что в ранней редакции (в первой редакции его нет совсем). Отсутствуют в ранней редакции и выделенные нами слова.

Еще одна отличительная особенность концовки II главы. В новонайденном списке есть текст, который отсутствует в обоих сравниваемых редакциях. Это слова создателя новонайденного нами текста, который сообщает о дальнейшем развитии действия: "Здесь пропущено примирение генерала Бетрищева с Тентетниковым, обед у генерала и беседа их о двенадцатом годе, помолвка Улиньки за Тентетникова; молитва ее и плач на гробе матери, беседа помолвленных в саду, Чичиков отправляется по поручению генерала Бетрищева к родственникам его для извещения о помолвке дочери, едет к одному из этих родственников полковнику Кошкареву".

Эти слова П.Кулиш в публикации второго тома "Мертвых душ" повторяет после окончания второй главы в обоих вариантах (с. 301 и с. 441–442) в качестве "Примечаний С.П.Шевырева". Таким образом, П.Кулиш знал о рукописи, написанной профессором С.П.Шевыревым.

Третья глава насыщена небольшими уточнениями в тексте, вариантами слов и предложений. Так, например, в академическом тексте в рассказе о распоряжении Петуха своему повару автор после слов: "И как заказывал! У мертвого бы родился аппетит" [Т. VII, с. 56] в новонайденном списке идет дополнение: "и губами подсасывал и причвякивал. Да подпарь, да дай взапреть хорошенько. А повар приговаривал тоненькой фистулой "слушаюсь! малина-с и так".

Казалось бы на первый взгляд небольшие уточнения, но они часто раскрывают или дополняют какую-то черту характера персонажа. Сравним два варианта текста, посвященные размышлению Костанжогло о человеколюбии.

В академическом тексте: "В человеколюбье пойдет – сделается Дон-Кишотом человеколюбья: настроит на миллион рублей бестолковейших больниц да заведений с колонками, разорится да и пустит всех по миру: вот тебе и человеколюбье" [Т. VII, с. 68].

В новонайденном списке: "В человеколюбие пойдет русский человек сделается и тут донкишотом. Человеколюбив построит на миллион бестолковых больниц да заведений с колоннами, разорится, да и пустит всех по миру. Вот тебе и человеколюбие. Дурачье, ослы. Рассердившись Костанжогло плюнул".

Как и в предыдущей главе здесь также встречаем замечание переписчика о пропущенном тексте. После слов в академическом издании: "Позвольте, почтеннейший, вновь обратить вас к предмету прекращенного разговора. Я спрашивал вас о том как быть как поступить, как лучше приняться..." [Т. VII, с. 70] в новонайденном списке обозначено в скобках: "Здесь в разговоре между Костанжогло и Чичиковым пропуск. Должно полагать, что Костанжогло предложил Чичикову приобрести покупного имения соседа его помещика Хлобуева".

В новонайденном списке нет таких обозначений, как "неразборчиво", что встречаем в академическом да и в раннем варианте текста. Ощущается, что он переписывался набело со всеми уточнениями и редакторской правкой. Поэтому он в стилистическом отношении более точен.

Четвертая глава также отличается многообразием исправлений, уточнений, вариантов. Так, после описания земель Костанжогло идет характеристика поместья Хлобуева. В академическом тексте она дана в таком виде: "Все провожали леса в смешении с лугами. Ни одна травка не была здесь даром, все как в божьем мире, все казалось

садом. Но <1 нрзб> невольню, когда началась земля Хлобуева: скотом объединенные кустарники на место лесов, тощая, едва подымавшаяся заглушенная куколем [рожь]. Наконец вот выглянули не обнесенные загородью ветхие избы и посреди их в черне каменный необитаемый дом. Крыши, видно, не на что было сде<лать>. Так он и остался покрытый сверху соломой и почернел. Хозяин жил в другом доме одноэтажном. Он выбежал к ним навстречу в старом сюртуке, растрепанный и <в> дырявых сапогах, заспанный и опустившийся, но было что-то доброе в лице. Обрадовался им как бог весть чему" [Т. VII, с. 79].

В ранней редакции этот текст совсем отсутствует. В новонайденном списке он дан в несколько иной интерпретации: "Как только они прекратились, все пошло иначе: хлеб жиденкий, на место лесов пни. Деревенька, несмотря на красивое местоположение, показывала издали запущение. Новый каменный дом, необитаемый, оставшийся в черне, выглянул прежде всего, за ним другой обитаемый, но маленький и старенький. Хозяина нашли они растрепанного, заспанного, недавно проснувшегося. Ему было лет сорок. Галстук у него был повязан на сторону; на сюртуке была заплатка, на сапоге дырка. Приезде гостей он обрадовался, как бог весть чему".

Эти же слова находим в публикации П.Кулиша в варианте "исправленного вида" (С. 476), но не первого, ни второго текстов нет "в первоначальном виде". Но зато в тексте "исправленного вида" эти отрывки присутствуют оба. После приведенного выше текста: "Как только они прекратились, все пошло иначе..." идет ссылка на то, что в гоголевском оригинале рукописи, по свидетельству П.Кулиша, "с боку карандашом" дан полностью приведенный выше текст, начинающийся словами: "Все провозжали леса в смещении с лугами" (С. 477).

В некоторых местах новонайденного списка текст по сравнению с академическим то суживался, концентрировался, наполнялся диалогом, то заменялся совершенно другим. Сравним два текста. Академический: "Так говоря, обошли они избы, потом проехали в коляске по лугам. Места были бы хороши, если бы не были вырублены. Открылись виды: в стороне засинел бок возвыш<енностей> тех самых, где еще недавно был Чичиков. Но ни деревни Тентетникова, ни генерала Бетрищева нельзя было увидеть. Они были заслонены горами. Опустившись вниз к лугам, где был один только ивняк и низкий топольник, высокие деревья были срублены. Они навес<тили> плохую водяную

мельницу, видели реку, по которой бы можно было сплавить, если б только было что сплавить. Изредка кое-где паслась тощая скотина. Обсмотревши, не вставая с коляски, они воротились снова <в> деревню, где встретили на улице мужика, который, почесав у себя рукою пониже <спины>, так зевнул, что перепугал даже старостиных индеек. Зевота была видна на всех строениях: крыши также зевали. Платонов, глядя на них, зевнул. Заплата на заплате. На одной избе вместо крыши лежали целиком ворота" [Т. VII, с. 84].

В новонайденном списке вместо этого текста вставлен следующий: "Но вот мы кажется и все осмотрели. Больше ничего нет. Хотите разве взглянуть на мельницу, впрочем в ней нет колес да и строение никуда не годится.

Что же и рассматривать, – сказал Чичиков.

В таком случае пойдем домой.

И они все направили шаги к дому. На возвратном пути были виды те же. Неопрятный беспорядок так и выказывал отовсюду безобразную свою наружность. Все было опущено и запущено. Сердитая баба в замасленной дерюге, прибила до полусмерти бедную девчонку и ругала на все бока всех чертей. Подальше два мужика глядели с полнейшим равнодушием на гнев бабы. Один чесал у себя пониже спины, другой зевал. Зевота видна была на строениях, которые также зевали. Платонов, глядя на них, зевнул.

Мое то будущее достояние, мужики, – подумал Чичиков, дыра на дыре и заплата на заплате! И точно на одной избе вместо крыши лежали целиком ворота; провалившиеся окна подперты были жердями, сташенными с господского амбара".

Этот текст, кроме выделенного, полностью повторяет ранний вариант, опубликованный в академическом издании (Т. VII, с. 214–215).

Некоторые тексты, напечатанные в академическом издании, в списке расширены. Так, например, в академическом издании текст: "Сделай мне такое одолжение, сказал он вдруг, обратясь <к Платонову>: "На будущей неделе я даю обед всем сановникам в городе...", в новонайденном списке он совершенно изменен: "Бог с нею, может и успеет.

Дурак! Подумал Чичиков. Да я бы за такой тетушкой ухаживал, как нянька за ребенком.

Что ж, ведь этак разговаривать сухо! – сказал Хлобуев. – Эй Кирюша! принеси ка еще другую бутылку шампанского.

Нет, нет, я больше не буду пить, сказал Платонов.

Я так же сказал Чичиков и оба отказались они решительно.

Ну так, по крайней мере, дайте мне слово у меня побывать в городе 8 июня, я даю обед нашим городским сановникам.

Послушайте, вскрикнул Платонов, В таком случае разорившись совершенно, а еще обед?

Что же делать? Нельзя это долг сказал Хлобуев. Они меня так же угощали".

Этот текст почти полностью совпадает с ранней редакцией, напечатанной в академическом издании [Т. VII, с. 219].

Некоторые части текста в вновь найденном списке переделывались до неузнаваемости, при этом усиливались конкретные размышления, в частности, о выгодности покупки Чичиковым имения Хлобуева, и здесь снова упоминаются мертвые души. В академическом варианте этот текст сокращался, а в списке углублялся и расширялся.

Сравним, как и прежде, два отрывка, которые подверглись коренным образом изменениям.

Текст академического издания:

"Как бы то ни было, но, очутившись вдруг после фантастического, настоящим, действительным владельцем уже не фантастического имения, он стал задумчив, и предложения и мысли стали степенней и давали невольно зачитательное выражение лицу. "Терпенье! Труд! Вещь нетрудная: с ними я познакомился, так сказать, с пелен детских. Мне они не в новость. Но станет ли теперь, в эти годы, столько терпенья, сколько в молодости?" Как бы то ни было, он думал о том, как последуют (?) посевы, как он бросит все глупые затеи, как будет рано вставать по утрам, как до восхода солнца распорядится, как будет весело глядеть на это возрастанье и процветанье именья; как весело потом глядеть и на детей. "Право, это настоящая жизнь. Прав Костанжогло". И самое лицо Чичикова стало как бы становиться лучше от этих мыслей. Так уже одно помышление о законном <?> облагораживает человека. Но как всегда бывает с человеком, вдруг вслед за одной мыслью налетела противоположная. "А можно поступить даже и так", – подумал <Чичиков>: – что сначала выпродав по частям лучшие земли, заложить потом именье в ломбард вместе с мерзавцами. Можно даже и самому улизнуть, не заплатив даже и Костанжогло. Старая мысль, не то, чтобы Чичиков возымел <ее>, но она вдруг, сама собой, предстала дразня, и усмехаясь, и прищуриваясь на него.

Непотребница! Егоза! И кто творец этих вдруг набегающих мыслей? Словом, во всяком случае покупка была выгодна. Он почувствовал удовольствие, – удовольствие от того, что стал теперь помещиком – помещиком не фантастическим, но действительным, помещиком, у которого есть уже и земли, и уголья, и люди. Люди не мечтательные, в воображении пребываемые, но существующие. И понемногу начал он и подпрыгивать, и потирать себе руки, и подмигивать себе самому" [Т. VII, с. 89].

Текст в списке сконцентрирован на мысли Чичикова, что делать с приобретенным именем, а также самооценкой своей личности. С академическим текстом совпадают лишь выделенные слова.

"Как ни рассматривал он, на какую сторону оборачивал, видел, что во всяком случае покупка была выгодная. Можно было поступить так, чтобы заложить одних только мертвецов и беглых. Можно было поступить и так, чтобы прежде выпродать по частям все лучшие земли, а потом уже заложить в ломбард. Можно было распорядиться и так, чтобы заняться самому хозяйством и сделаться помещиком по образу Костанжогло, пользуясь его советами, как соседа и благодетеля. Можно было поступить даже и так, чтобы перепродать в частные руки имение (разумеется, если не захочется самому хозяйствовать), оставивши при себе беглых и мертвецов. Тогда представлялась и другая выгода: можно было вовсе улизнуть из этих мест и не заплатить Костанжогло денег, взятых у него займы. Странная мысль, не то, чтобы Чичиков возымел <ее>, но она вдруг, сама собой, предстала, дразня, и усмехаясь, и прищуриваясь на него. Непотребница! Егоза. Да и кто творец этих вдруг набегающих мыслей? Он почувствовал удовольствие от того, что стал теперь помещиком не фантастическим, но действительным, помещиком, у которого есть уже и земли, и уголья, и люди не мечтательные, не в воображении пребывающие, но существующие. И понемногу начал он и подпрыгивать, и потирать себе руки, и подмигивать себе самому и вытрубил на кулаке, как бы на трубе какой-то марш. И даже выговаривал вслух несколько поощрительных слов и названий себе самому в роде мордашки и каплуника. Но потом, вспомнив, что он не один, притихнул, вдруг постарался кое как унять неумеренный порыв восторга и когда Платонов, принявши кое какие из этих звуков на обращенную к нему речь, спросил у него: чего? Он отвечал: ничего".

Процитированный текст интересен тем, что здесь соединено несколько слоев сохранившихся вариантов. Сначала идет текст ранней рукописи со слов: "Как ни рассматривал он, на какую сторону оборачивал, видел, что во всяком случае покупка была выгодна" и заканчивая словами: "Тогда представлялась и другая выгода: можно было вовсе улизнуть из этих мест и не заплатить Костанжогло денег, взятых у него займы". В этом отрывке есть несколько разночтений ранней редакции и новонайденного текста, а также написания фамилий в ранней редакции, где Костанжогло в первом случае именуется Попонжогло, в другом – Скудронжогло.

Далее в новонайденном списке идет текст основной академической рукописи от слов: "Странная мысль, не то, чтобы Чичиков возымел..." и заканчивая: "И понемногу начал он и подпрыгивать, и потирать себе руки, и подмигивать себе самому". Он отсутствует в ранней рукописи. И завершает этот отрывок текст со слов: "И вытрубил на кулак, как бы на трубе какой-то марш..." и до конца абзаца: "Он отвечал: ничего", который присутствует только в новонайденном списке.

Трехслойность текста подтверждает еще раз, что новонайденный текст – это один из завершенных, ибо в нем учитываются ранее созданные тексты.

Завершается IV глава, как и предыдущая, замечанием составителя текста новонайденного списка, которым был человек, который хорошо знал все главы II тома "Мертвых душ" Гоголя и мог утвердительно заявить: "Здесь пропуск: Чичиков улаживал дела между Ленициным и Платоновыми, потом едет к Хансаревой старухе и составляет фальшивое завещание".

В начале Заключительной главы новонайденного списка, в которой она значится V главой, есть три больших вставки, которые играют важную роль как в жизни Чичикова, так и всего последующего развития действия. Это прежде всего фрагмент, посвященный встрече Чичикова с юрисконсультантом. Гоголь очень тонко раскрывает механизм использования бюрократического аппарата и делопроизводства для решения вопросов, выгодных для чиновников. Это не переделка какого-то варианта, а новый текст, дополняющий предыдущий. В новонайденном списке читаем: "Чичиков в персидском новом халате из золотистой термаламы, развалясь на диване, торговался с заезжим контрабандистом, купцом жидовского происхождения и немецкого

выговора, и перед ним уже лежала купленная штука первейшего голландского полотна на рубашки и две бумажные коробки с отличнейшим мылом первостепеннейшего свойства; это было мыло то самое, какое он некогда приобретал на Радзавиловской таможне. Оно было действительно первое по непостижимому свойству сообщать нежность и белизну щекам изумительную. В то время, когда он как знаток покупал эти необходимые для воспитанного человека продукты, раздался гром подъехавшей кареты, отозвавшийся легким дрожанием комнатных окон и стен, и вошел его превосходительство Алексей Иванович Липицын.

1. На суд вашего превосходительства предоставляю каково полотно? и какое мыло? и какова эта вчерашнего дня купленная вещьца?

При этом Чичиков надел на голову ермолку и вышитую золотом и бусами и очутился как персидский шах, исполненный достоинства и величия. Но его превосходительство, не отвечая на вопросы, сказал с озабоченным видом: мне нужно с вами поговорить о деле".

В лице заметны были и озабоченность и расстройство. Почтенный купец немецкого выговора был тот же час выслан и они остались одни".

После этих слов идет довольно большой текст, которого нет в первом академическом, но присутствует в раннем варианте с некоторыми изменениями, уточнениями и стилистической правкой. Он начинается словами: "Знаете ли вы, какая неприятность! Отыскалось другое завещание старухи..." и заканчивается: "Каких цветов пожелаете иметь, спросил купец, все так приятно колеблясь на двух опершихся в стол руках" [Т. VII, с. 230–235].

Через несколько страниц в Заключительной главе первого варианта вновь появляются большие текстовые вставки из ранней редакции, которые переходят в новонайденный список. Так, на стр. 100 текст от слов "И вдруг увидел входящего Муразова. "Ах, боже, Афанасий Васильевич. Как здоровье ваше?" и до слов "Вас жду, Семен Семенович", сказал Муразов", который составляет несколько маленьких абзацев, заменен большим расширенным текстом в ранней рукописи [Т. VII, с. 236–238] и введен в новонайденный список с некоторыми уточнениями и изменениями. Здесь появляется новый персонаж Вышнепопрамов. Интересны размышления Хлобуева о возможном использовании 10 миллионов.

В новонайденном списке рассказ о миллионщике Иване Потаповиче совпадает в несколько усовершенствованном виде с текстом, который дан в ранней редакции, хотя в первом варианте он идет в несколько иной интерпретации. В этом случае Гоголь сохраняет лишь основную мысль описанного в разных редакциях эпизода.

В тексте V, заключительной главы новонайденного списка обнаружена еще одна своеобразная особенность, которая ранее не встречалась: это наличие описания одного и того же эпизода в двух вариантах и помещение их в тексте один за другим.

Так, эпизод о предложении Муразова Хлобуеву поехать по городам и самим собирать деньги на строительство храма с благородной целью: спасение души своей, нравственное возрождение, воспроизводимый в первой редакции академического издания повторяется в несколько измененном виде в новонайденном списке. Однако, в конце текста после слов: "Повинуюсь вам и принимаю не иначе, как за указание божие". "Господи, благослови", сказал он внутренне и почувствовал, что бодрость и сила стала проникать к нему в душу. Самый ум его как бы стал пробуждаться надеждой на исход из своего печальнонеисходного положенья. Свет стал мерцать вдали..." [Т. VII, с. 104–105] составитель новонайденного списка в скобках замечает: Тот же самый рассказ, но в виде более пространным. Предыдущий как видно был сокращением последующего". И далее идет измененный частично текст, который находим в ранней рукописи. Он совершенно изменяет целевую установку того дела, которое поручает Муразов Хлобуеву. Кроме денег, которые Хлобуеву необходимо собрать на строительство церкви, он должен также выявлять всех тех, кто недоволен властью, подстрекать к бунту, т.е. следить за неблагонадежными, а затем докладывать об этом генерал-губернатору. Это даст возможность доносителю Хлобуеву занять более выгодное место по службе. Как видим, Гоголь совершенно меняет основу благородного дела, которая ранее была связана нравственным усовершенствованием человека, в частности, Хлобуева.

Зачем понадобилось составителю давать одновременно два текстовых эпизода, трудно сказать. Но сам по себе эксперимент интересен.

В представленном нами читателям новонайденном списке мы обратили внимание лишь на самые большие изменения текста в сравнении с академическим. Но и они дают возможность представить,

как шел поиск Гоголем развития действия, характеристики не только Чичикова, но и новых персонажей, которые появляются в поэме.

Новый список выдвигает ряд вопросов, на которые необходимо ответить, в частности, какое место он занимает среди других текстовых вариантов. Карандашные исправления слов в списке даются в таком же написании, что и в опубликованном академическом тексте. Но в последнем нет приведенных нами выше отрывков, и наоборот, в нем, как мы указывали выше, есть такие места, которых нет в новонайденном списке.

Завершая сопоставительную работу новонайденного списка с опубликованными главами академического издания, а также двумя текстами второго тома "Мертвых душ" в издании П.Кулиша, мы пришли к выводу, что новонайденный список отличается от всех других своей полнотой и отредактированностью текста и может служить основой для нового издания Полного собрания сочинений Гоголя. Дата на титульном листе новонайденного списка – 1851 г. – дает право предполагать, что с ним мог быть знаком сам автор поэмы.

Литература

1. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. – Т. 7: Мертвые души. II. – Л.: Изд. АН СССР, 1951. – 434 с.
2. [Гоголь Н.В.] Похождения Чичикова, или Мертвые души: Поэма. – Т. 2 // Сочинения и письма Гоголя: В 6. – Т. IV / Изд П.Кулиша. – СПб., 1857. – С. 257–552.
3. Сочинения Н.В.Гоголя, найденные после его смерти. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма. – Т. 2. – М., 1855.

**ГОГОЛЬ
В ВОСПРИЯТИИ
И ОЦЕНКЕ УЧЕНЫХ
И ПИСАТЕЛЕЙ**

Наследие Гоголя в трудах ученых Нежинской высшей школы

Одной из первых работ, написанных в Нежине о Н.Гоголе, были "Воспоминания учителя" И.Г.Кулжинского, писателя и преподавателя латинского языка в Гимназии. Они были опубликованы в журнале "Москвитянин" за 1854 год [Т. 6. Отд. 5. Смесь. – С. 1–16]. В этих воспоминаниях И.Г.Кулжинский высказывал субъективную точку зрения о том, что в Гимназии Н.Гоголь был посредственностью и что она ему ничего не дала. "Гоголь был талант, не узанный школой", – замечал И.Г.Кулжинский [1]. Исследователи не сразу поняли, что к этому источнику необходимо относиться осторожно [2]. К сожалению, ошибочная точка зрения И.Г.Кулжинского переходила в последующие годы из одного научного исследования в другое. Спустя некоторое время это мнение было уточнено и опровергнуто.

Немало сделал для раскрытия особенностей жизни лицеистов, их первых литературных опытов Николай Гербель, который закончил Нежинский юридический лицей, открытый в Нежине в 1840 г. после ликвидации Гимназии высших наук кн.Безбородко и Физико-математического лицея. Он очень внимательно относился к наследию Н.Гоголя, его сокурсников, опубликовал "Полный список печатных сочинений Гоголя" (1857), "Альбомную заметку Гоголя в 1826 г. в альбом Б.И.Любича-Романовича", объемную статью "Н.Я.Прокопович и отношение его к Н.В.Гоголю" (1858), а также выступил составителем книги "Лицей князя Безбородко" (1859), в которой впервые в отдельных очерках была раскрыта жизнь Гимназии высших наук и ее профессоров. Большинство статей было написано соучениками Н.Гоголя и его преподавателями, что делало книгу особенно ценной.

В это время В.И.Шенрок и П.А.Кулиш записали воспоминания соучеников Н.Гоголя А.С.Данилевского, Г.И.Высоцкого, Н.Я.Прокоповича и других. В целом, все эти источники расширили представление о нежинском периоде жизни и творчества Н.Гоголя. И все же оставалось еще много пробелов, неточностей, а то и ошибочных суждений.

В 1879 г. профессор, а затем академик, первый директор Историко-филологического института кн. Безбородко (открыт в 1875 году) Н.А. Лавровский опубликовал работу "Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. 1820–1832", основанную на архивных материалах, документах, которые хранились в Нежине и помогли ученому не только раскрыть характер учебной деятельности, но и атмосферу жизни, в которой находились гимназисты, в том числе и Н. Гоголь.

Этот труд Н.А. Лавровского вошел в книгу "Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко", изданную в 1881 г. в Санкт-Петербурге как второе издание (дополненное и исправленное) предыдущей книги, составленной Н. Гербелем. В ней были даны не только очерки о Гимназии, но и о ее директорах, преподавателях, известных выпускниках Гимназии. Все это вместе воссоздавало дух Гимназии, раскрывало ту среду, в которой жил, обретал силу и развивал свой талант Н. Гоголь.

В 1881 г. была опубликована работа Н.А. Лавровского "К биографии Гоголя" [3], в которой ученый указал на "роль родины", домашней, простонародной среды для нравственного склада личности Гоголя, а также остановился на особенностях литературной обстановки в Гимназии, определил место Трощинского и петербургских литераторов в творческой жизни писателя. В конце работы автор подчеркивал, что Гоголь является родоначальником нового литературного направления, цель которого – воспроизведение жизни.

Труды Н.А. Лавровского внесли немало нового в изучение нежинского периода жизни и творчества Н. Гоголя. Заслуга ученого состояла в том, что он вводил в научный обиход факты, которые подтверждались архивными документами. Работы академика Н.А. Лавровского можно считать началом научной гоголианы в Нежине. "Труд проф. Лавровского, – писал П.А. Заболотский, – захватывающий одну из сторон гоголевской жизни, является первым образцом в литературе о Гоголе вполне научного и строго обоснованного исследования" [4].

1881 год был памятным для Нежина. В городе был открыт первый в стране памятник Гоголю. В связи с этим появились сборник "4 сентября 1881 года в Нежине (открытие памятника Н.В. Гоголю)" [5], книга И. Сребницкого "Гоголь как национальный русский поэт-художник. Речь, произнесенная на торжественном акте в Историко-филологическом институте кн. Безбородко по случаю открытия бюста

Н.В.Гоголя в Нежине" [5], упомянутые выше статьи И.А.Лавровского и другие материалы.

Работа профессора И.А.Сребницкого, в будущем известного исследователя творчества Н.Гоголя, освещала вопросы, которые, хотя и ставились в литературе, но требовали более обстоятельного описания. В частности, ученый проводил параллель между Пушкиным и Гоголем, искал общее и различное в их произведениях. Он пришел к выводу, что в их творчестве отразился русский дух и народное мировоззрение, правдиво представлена русская жизнь. Здесь же он пытается объяснить сущность гоголевского плача о непостижимом идеале и апофеоза человека у Пушкина. По мнению И.Сребницкого, оба художника слова дополняли друг друга и оба указывали пути развития литературы. Ученый обратил внимание и на специфику сатиры Н.Гоголя.

Следует также назвать работу С.И.Пономарева, выпускника, а затем преподавателя института – "Памяти Гоголя (Материалы для библиографии литературы о нем)", опубликованную первоначально в "Известиях Историко-филологического института кн.Безбородко в Нежине" (1882) [7], а затем вышедшую отдельным изданием (Киев, 1882. – 60 с.). Это был первый библиографический труд о Н.Гоголе, и в этом его особая ценность.

Интерес к гоголевскому наследию особенно проявился в начале 900-х годов. В 1902 г. отмечали 50-летие со дня смерти писателя. В Нежинском историко-филологическом институте была создана гоголевская комиссия, активными членами которой были профессора М.Н.Сперанский, И.А.Сребницкий, В.И.Резанов и другие. Комиссия провела в городе большую работу, о чем свидетельствует "Отчет о деятельности состоявшей при Институте кн.Безбородко временной "Гоголевской комиссии", составленный секретарем комиссии И.А.Сребницким и опубликованный в XX томе "Известий Историко-филологического института..." (1902).

Самым ценным трудом нежинских ученых является "Гоголевский сборник", изданный в 1902 г., в котором помещены статьи М.Н.Сперанского "Одно из последних писем Н.В.Гоголя" (С. 3–10), "Гоголевская выставка" (С. 117–267), П.А.Заболотского "Н.В.Гоголь в русской литературе (Библиографический обзор (С. 13–114)), а также "Материалы для биографии Н.В.Гоголя: Из архива Гимназии высших наук" (С. 291–425) И.А.Сребницкого. Последняя работа ввела в литературу-

ведческий обиход много новых документов о Гоголе. Кроме того, в 1902 году вышли также работы М.Н.Сперанского "Гимназия высших наук и нежинский период жизни Н.В.Гоголя" (К., 1902. – 29 с.), П.А.Заболотского "О влияниях, под которыми слагались личность и творчество Н.В.Гоголя" (Воронеж, 1902. – 22 с.) [8] и "Опыт обзора материалов для биографии Н.В.Гоголя в юношескую пору" (СПб., 1902. – 39 с.). Все эти исследования касались как теоретических вопросов творчества писателя, так и литературы о нем.

Но если работа П.А.Заболотского "Н.В.Гоголь в русской литературе" продолжала в какой-то степени традиции составления библиографических указателей о Н.Гоголе С.И.Пономарева, а также Я.И.Горожанского, то его труд "Опыт обзора материалов..." носил характер научного дополнения и аннотирования тех источников, которые касались жизни и творчества Н.Гоголя в юношескую пору. Ученый исследовал не только печатные труды, но и архивные документы. Это обогащало представления о жизни писателя данного периода.

Работа А.Заболотского "О влияниях, под которыми слагались личность и творчество Н.В.Гоголя" впервые была опубликована в журнале "Филологические записки" (1902. – Т. 2–3), а затем вышла отдельным изданием. В ней исследователь обращал внимание на ученический период писателя и утверждал, что "обстановка школьной жизни Гоголя была как нельзя больше благоприятной для будущего великого таланта" (С. 8), и этот тезис подтверждался конкретными рассуждениями, касающимся произведений великого художника слова.

Интенсивно работал над гоголевской темой и профессор М.Н.Сперанский, который, кроме указанной выше статьи, опубликовал работу "Гимназия высших наук и нежинский период жизни Н.В.Гоголя" [9]. Он поставил перед собой цель не столько привлечь новые факты из жизни Гоголя в Нежине, сколько воссоздать фон, на котором "рисуетя нам Гоголь-ученик: ознакомиться с самой эпохой двадцатых годов, с условиями жизни в нашем крае, с условиями воспитания, какие представляла тогда школа вообще и в частности нежинская..." (С. 5). Все это делал ученый, опираясь на известные ему источники, как печатные, так и архивные. М.Н.Сперанский воссоздавал реальную жизнь Гимназии гоголевского времени, не приподымая и не приукрашивая ее, но и в то же время не снижая ее значения в формировании Гоголя-человека и писателя. Ученый, анали-

зируя учебный процесс Гимназии, заявлял, что в последующей деятельности Гоголя "мы следов школы, и именно нежинской, не находили" (С. 16). И причина, по его мнению, лежала не в негодности школы, а в ее энциклопедическом характере. Это было присуще и другим учебным заведениям. "И тем не менее, – пишет далее ученый, – (Царскосельский) лицей дал Пушкина, Корфа, Дельвига, а гимназия Безбородко Гоголя, Кукольника, Гребенку, Редкина... Причину этого надо искать не в программах школы, а в чем-либо другом. Это были условия школы, влиявшие в ней и, благодаря ей, на умственный склад воспитывающегося. Эти условия присутствовали в школе, несмотря на ее программы..." Исследователь очень внимательно отнесся к характеристике этих "условий школы" в Нежине и подчеркнул роль русской и зарубежной литературы в формировании эстетических взглядов Гоголя, а также малороссийской этнографической среды и литературы.

М.Н.Сперанский сделал интересный вывод: "Нежинская гимназия высших наук если не дала Гоголю солидного образования, не виновата в том: его не давали и заведения, поставленные в более благоприятные условия; виноваты в том самые системы школ того времени, а также те условия, в которых они существовали. Но эта же школа, – продолжал ученый, – как бы мы ее не осуждали, сделала много для писателя: она его создала, хотя и невольно, его, воспитала в духе лучших передовых идей и интересов литературы". И что особенно важно, проф. М.Н.Сперанский в положительном плане оценил ее местоположение: "...находящаяся в центре Малороссии, она неминуемо ставила своего воспитанника в непосредственную связь с местными интересами, давая ему то, чего не могла бы дать школа в другой местности; а эти интересы и были причиной того спада, с каким Гоголь вошел в нашу литературу: не будь Гоголь украинцем, не найди он в Нежине такой сильной поддержки своему чувству, он, подобно полугаличанину Кукольнику, не воспитал бы в себе той любви и знания непосредственной народности, которое создало такое положение ему в литературе. Наконец, общерусский энциклопедический дух нежинской школы спас гениального Гоголя от того фальшивого шага, который называется узким национализмом" (С. 27).

М.Н.Сперанский, продолжая изучать среду, в которой формировался Гоголь, обращался к наследию И.Г.Кулжинского. В своей работе "Один из учителей Н.В.Гоголя: И.Г.Кулжинский" [10] он показал, в

чем состоит своеобразие творчества этого писателя, каково его место в литературе. Особенно подробно профессор проанализировал книгу И.Г.Кулжинского "Малороссийская деревня" (1827), сравнил ее с "Малороссийскими песнями", изданными М.А.Максимовичем (1827), и материалами Н.А.Цертелева, считая, что это произведение писателя в какой-то степени оказало влияние и на Гоголя, хотя будущий великий писатель скептически к нему относился. "Общий взгляд на малорусскую песню у Гоголя и Кулжинского (я, конечно, не говорю о глубине, степени трезвости этого взгляда) представляется в общем довольно сходным" (С. 39), – заключает исследователь. Этот вывод оспорил выпускник Историко-филологического института и ученик профессора М.Н.Сперанского, в будущем известный ученый-филолог, сотрудник Пушкинского Дома В.В.Данилов в статье "К характеристике И.Г.Кулжинского и его литературной деятельности" [11]. Он считал, что среди источников, оказавших влияние на Гоголя-гимназиста, была не столько "Малороссийская деревня" И.Кулжинского, сколько "Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях" Я.М.Марковича (1796). И все же суждение профессора М.Н.Сперанского нельзя не учитывать. Ученый прав в своих выводах.

В 1909 г. отмечали 100-летие со дня рождения Н.Гоголя. На здании бывшей Гимназии высших наук кн.Безбородко в Нежине была открыта мемориальная доска "Здесь учился Гоголь с мая 1821 по июнь 1828 года". В связи с юбилеем были произнесены, а затем и опубликованы речи, доклады директора Историко-филологического института, известного ученого, профессора И.И.Иванова "Гоголь в юности", "Гоголь и его произведения", "Гоголь – человек и писатель", доклад приват-доцента П.А.Заболотского "Гоголь и славянство" [12], а также его брошюры "Гоголевские юбилейные празднества (1809–1909) в Нежине" (Нежин, 1909), "Самое раннее нежинское письмо Гоголя" (СПб., 1911), "Музей имени Гоголя при Историко-филологическом институте кн.Безбородко в Нежине" (Нежин, 1910; 2-е изд. – 1915) и другие.

Профессор И.И.Иванов в своих, всегда привлекательных по форме, работах пытался определить источники, питавшие гений Гоголя. Он называет среди других и родную для писателя Украину. Исследователь своеобразно объяснял гоголевскую грусть и специфику его юмора, смеха. В работе делалась попытка осмыслить личную драму Гоголя, а также силу его творчества.

Нежинский историко-филологический институт всегда славился своей славистической школой, крупными учеными в этой области, связями со славянским миром. Поэтому работа П.А.Заболотского "Гоголь и славянство" шла в русле этих традиций. Ученый очень обстоятельно показал значение творчества Н.Гоголя для развития литератур славянских народов. Прекрасное знание славянской литературы дало возможность П.А.Заболотскому делать интересные сопоставления и обстоятельные выводы. Ученый затрагивал еще один очень сложный вопрос, который дискутируется и сегодня: почему Гоголь не стал в ряды борцов рождавшейся украинской литературы вместе с И.Котляревским, Г.Квиткой-Основьяненко, Т.Шевченко, П.Кулишом, Н.Костомаровым, М.Драгомановым и другими, не сделал того, что почти одновременно с ним делали Вук Караджич у сербов, Людевит Гай у хорватов, Ян Коллар, Йосеф Юнгман, Франтишек Челаковский, Карел Гавличек, Людвиг Штур и другие у чехов, словаков, Франц Прешерн у словенцев, Адам Мицкевич и Юлиуш Словацкий у поляков, а позднее Петко Славейков, Любен Каравелов, Иван Вазов и др. у болгар, хотя "одного его таланта, одной его любви к отчизне и ее народу, одного знания их было бы, несомненно, достаточно для того, чтобы сделать дело не меньше, чем Караджич, Гай, Коллар и др. возродители славянских национальных литератур". П.Заболотский далее замечает, что "на родном своем местном языке писать он не стал, хотя этот язык ничуть не менее был приспособлен для литературы, чем, например, сербский при Вуке или словенский при Прешерне и хотя знания этого языка было у Гоголя вполне достаточно в необходимой для писателя Возрождения мере; в самом деле, он часто думает по-малороссийски и принужден тщательно учиться общерусскому литературному языку, как показал, например, в своем известном исследовании Мандельштам" (С. 7). Причина всему этому состоит, по мнению ученого, в том, что "Гоголь был не только малороссом, нежно и сознательно любящим свою родину, не только человеком, имевшем полное право сказать "*homo sum et nil humani a me alienum esse puto*", но он был и славянином в лучшем смысле этого так часто непонимаемого, неценяемого у нас слова; как славянин он в рассматриваемую эпоху только и мог, только и должен был пойти по тому пути, по которому он пошел, чувствуя в себе силы необъятные, сознавая себя незаурядным человеком и желая употреблять этих незаурядных сил на культурно-литературное разобщение двух крупнейших ветвей сла-

вянства" (С. 7). Выводы П.А.Заболотского толкают на размышления и поиски новых ответов на столь сложный вопрос.

В 20–30-е годы XX века интерес ученых Нежинской высшей школы к наследию Н.Гоголя на некоторое время несколько ослабевает. Появляются только юбилейные статьи М.Ф.Даденкова, В.К.Пухтинского и др. В 1939 г. в связи со 130-летием со дня рождения писателя Нежинскому педагогическому институту было присвоено имя Н.В.Гоголя. В 1952 и 1959 годах в связи со 100-летием со дня смерти и 150-летием со дня рождения писателя в Нежине были проведены всесоюзные научные конференции, выпущены "Ученые записки" института, в которых опубликованы статьи М.И.Кругляка, Г.П.Васильковского, Ю.А.Савченко, затронувших вопросы о пребывании Гоголя в Нежине, его воспитании, формировании творческих способностей будущего писателя, его эстетических взглядов. Работа Г.В.Васильковского, посвящённая связям творчества Гоголя с мировой литературой, в частности, с польской, не потеряла своего значения и в наше время. Среди работ этого времени выделяется также статья А.С.Стогнута и И.К.Кононенко "Новые страницы к "Делу о вольнодумстве" в Нежинской гимназии высших наук" (1954) [13], которая во многом дополняла исследование московского ученого С.И.Машинского на эту тему. Нежинские ученые использовали документы, которые хранились в местном архиве. Эта проблема не новая, она освещалась и в дореволюционных исследованиях нежинцев, в частности, в работах Н.А.Лавровского, В.Е.Петухова, И.А.Сребницкого и др. Большинство из них заявляли, что никакого политического дела в Нежинской гимназии не было. И все же новые документы дали возможность внести некоторые уточнения в освещение этой проблемы.

Единичные выступления преподавателей Нежинского педагогического института не могли удовлетворить общую потребность в систематическом изучении наследия Н.Гоголя. Начало этому положила Всесоюзная конференция 1979 г. "Гоголь и современность" (созванная по инициативе автора этих строк, в то время заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы), в которой приняли участие более 150 ученых СССР. Были представлены почти все союзные и многие автономные республики. Почему-то так сложилась научная жизнь в Советском Союзе, что ни одно научное учреждение, ни одно высшее учебное заведение России и Украины до этого не выступило с инициативой проведения научных Гоголевских конфе-

ренций. Этим и объяснялся интерес к Нежинской конференции 1979 года, на которой с содержательными докладами выступили известные ученые профессора и доценты Б.О.Корман (Ижевск), П.Г.Пустовойт (Москва), И.В.Карташова (Калинин), Е.В.Владимиров (Чебоксары), Ю.И.Сохряков (Ленинакан), Г.В.Самойленко (Нежин), А.И.Карпенко (Киев), В.А.Воропаев (Москва), Е.А.Константиновская (Куйбышев), А.А.Смирнов (Москва), П.П.Охрименко (Сумы), Л.М.Вардомацкий (Витебск), Л.М.Прашкович и Л.В.Карабанова (Мозырь), Н.И.Зайцев (Донецк), Н.М.Факовская (Одесса), Т.Ф.Ниязова (Самарканд), Т.А.Грамзина (Йошкар-Ола), И.И.Девицкий (Джамбул), Г.Б.Окунь (Ташкент), А.М.Альмамедов (Баку), Н.Д.Тамарченко (Кемерово), В.Н.Осокин (Москва), С.П.Петрова (Якутск), В.А.Зубков (Пермь), Н.П.Трофимова (Бельцы) и многие другие. На шести секциях "Наследие Н.В.Гоголя и проблемы теории", "Наследие Н.В.Гоголя и традиции русской литературы XIX в.", "Традиции Н.В.Гоголя в многонациональной советской литературе", "Н.В.Гоголь и зарубежная литература", "Н.В.Гоголь в школе и вузе", "Язык и стиль произведений Н.В.Гоголя" были заслушаны многие доклады, которые затронули проблемы гоголевского мастерства и его освоения писателями многих стран мира.

Различные периодические филологические издания опубликовали тогда сообщения о конференции и краткие изложения докладов [14].

Для нежинцев этот год был определяющим. Именно с этого времени началось систематическое изучение наследия Н.Гоголя в Нежине, популяризация его творчества. Один за другим начали выходить под редакцией автора этих строк научные сборники: "Гоголь и современность: творческое наследие писателя в движении эпох" (К., 1985), "Наследие Гоголя и современность" (1988), "Изучение творчества Н.В.Гоголя в школе" (К., 1988), "Творчество Н.В.Гоголя и современность" (1989), "Гоголь і світова культура" (К., 1994) и т.д.

Кроме конференций, научных сборников, преподаватели кафедр языка и литературы защитили кандидатские диссертации: Т.И.Агаева "Гоголевский миф о Петербурге в контексте русской литературы 30–40-х гг. XIX века" (1993); О.К.Супронюк "Н.В.Гоголь и его нежинское окружение" (1990); В.О.Сидоренко "Художній час як текстотворююча категорія (на матеріалі "Петербургських повістей" М.В.Гоголя)" (1995);

О.В.Шинкаренко "Вторинна номінація в художній мові (на матеріалі творчості М.В.Гоголя)" (1997), К.П.Исаенко и др.

В течении 80-х годов на филологический факультет приглашались известные ученые Ленинграда (Б.А.Егоров, В.Э.Вацуро), Москвы (Ю.В.Манн), Киева (Н.Е.Крутикова, И.Я.Заславский) и другие для чтения спецкурсов о творчестве Гоголя.

При их поддержке постепенно определилась и основная проблематика исследований ученых Нежина. На кафедре русской литературы была поставлена задача: изучить жизнь и творчество Николая Гоголя нежинского периода. Ее решение осуществлялось в двух направлениях: собирание новых фактов и описание ранее известных для составления "Летописи жизни и творчества Н.В.Гоголя 1809–1828 гг.". Этим занялись члены кафедры Н.М.Жаркевич, Ю.В.Якубина, З.В.Кирилук и другие. Работа завершена и вышла в свет [15].

Второе направление было связано с изучением жизни и творчества Н.Гоголя нежинского периода во взаимосвязи с историей Гимназии высших наук кн.Безбородко, спецификой ее учебной работы, жизнью города Нежина в это время. Это дало возможность увидеть как положительные моменты в системе обучения и воспитания гимназистов, так и отрицательные. Нельзя не заметить, что эта тема, как мы указывали выше, затрагивалась как в XIX, так и в XX веках. Об этом свидетельствуют исследования В.И.Шенрока, П.А.Кулиша, Н.А.Лавровского, М.Н.Сперанского, П.А.Заболотского, С.И.Машинского, Д.Иофанова. Казалось бы, что можно было здесь изучать? Однако более внимательное отношение к документам о жизни и деятельности Н.Гоголя этого времени, а также к его окружению дали возможность прийти к выводу, что в Гимназии высших наук кн.Безбородко литературная жизнь была настолько многообразной, что можно утверждать о существовании нежинской литературной школы. Эту мысль впервые высказал в 1988 г. П.В.Михед. Она была поддержана нами и развита в нашей книге "Нежинская филологическая школа" (1993). С этого времени начинается пристальное изучение не только творчества Н.Гоголя нежинского периода, но и других гимназистов. О.К.Супрунюк, находясь в аспирантуре в Институте русской литературы (Пушкинский Дом), смогла изучить архивы Ленинграда и, в частности, документы, касающиеся Нежинской гимназии, рукописные альманахи юных гимназистов. Это дало возможность познакомиться со многими произведениями начинающих литераторов. Впервые были обнаружены

ваны многие имена нежинцев и определен их вклад в русскую литературу.

Более того, архивы Нежина, Киева, Чернигова помогли автору этих строк раскрыть многообразность деятельности гимназистов, связанной с выпуском рукописных альманахов, театральных постановок, сбором фольклорных материалов, живописью и т.д., выяснить круг чтения и роль профессоров в формировании мировоззрения юных гимназистов и развитие их литературных способностей. Небезинтересными становятся и жизнь Нежина, быт и нравы его обитателей, своеобразие развития богатой и многогранной культуры, начиная с барокко XVII в. и заканчивая классицизмом XVIII – начала XIX веков. Все это дало возможность определить истоки творчества Н.Гоголя, приподнять значение Нежина в его жизни и творчестве. Стали более прозрачными скептические заявления юного Н.Гоголя о городе, гимназии. Они объясняются его спецификой мышления и поведения, а также эмоциональной оценкой своего пребывания в Гимназии.

Конечно же, Нежин как город, где находилось высшее учебное заведение имел свою особенную ауру.

На Украине существовало в то время всего несколько учебных заведений: Харьковский университет, открытый в 1805 г., Высшая Волынская гимназия в Кременце, Киевская гимназия (1809 г., с 1811 г. отнесена к высшим учебным заведениям), Ришельевский лицей в Одессе (1817). Кроме Кременца, все эти учебные заведения находились в больших городах. Нежин в то время также принадлежал к большим городам (население Нежина составляло более 12 тыс., а Чернигова – около 4 тыс.). Однако Нежин был не губернским, а уездным городом. Поэтому в Нежинской гимназии высших наук были специфические условия, которые не были присущи ни одному из перечисленных учебных заведений. Обстановка не была похожа и на Царскосельский лицей, где учился А.Пушкин. При всей общности программ и системы воспитания окружение Нежинской гимназии было не похожим на окружение Царскосельского лицея, который был флигелем царского дворца и где лицеисты вне здания могли встретиться с вельможами, с приближенными к дворцу сановниками. Даже на каникулы не отпускали детей, так как боялись, что они за это время потеряют тот лоск придворного, который прививался лицеистам.

И совсем по-иному было в Нежине. Н.Гоголя, Е.Гребенку, П.Лукашевича и некоторых других гимназистов тянуло на Магерки, то есть к

жителям, которые были похожие на крестьян, которые окружали их с малых лет. Именно здесь они встречались с интересными людьми, бывали на свадьбах, престольных праздниках и т.п. А сколько для их развития давали нежинские ярмарки. Сколько ярчайших народных словесных жемчужин услышал здесь Гоголь и зафиксировал в свою "Книгу всякой всячины, или Подручную энциклопедию", которая имела 490 стр. "Любимым времяпровождением Гоголя, – вспоминал В.Любич-Романович, – еще было выходить на большую дорогу и, встречаясь здесь с хохлами, едущими на волах в Нежин, беседовать с ними на родном ему малорусском наречии... Все эти беседы, как мы узнали потом, он заносил в свои "памятные тетрадки" и облекал их в литературную форму, давая им впоследствии то или другое бытовое назначение в своих писательских творениях".

Нежинская гимназия высших наук и ее окружение дали Н.Гоголю то, чего не могли получить выпускники Царскосельского лицея – знание народа. Некоторые из них это сделают позже и в других условиях.

Следует обратить внимание еще на одну особенность. В Нежине вокруг Гимназии высших наук было особенное окружение, которое вело к перекрещиванию двух видов культур, которые, с одной стороны, формировались в среде преподавателей и студентов Гимназии, того официального воспитания (что было присуще и Царскосельскому лицей), и четко определялось Уставом и инструктивными документами, а также приходило вместе со значительной частью контингента студентов и, с другой стороны, того незаметного, на первый взгляд, влияния, которое шло со стороны повседневной жизни нежинцев, потому что немало вольноприходящих гимназистов проживало на квартирах или дома. Провинциализм, периферийность расширяли познание гимназистами мира, способствовали знакомству с народными традициями и культурой, что вело к познанию своеобразного национального, духовно оригинального "ярмарочного" независимого мира. Именно на периферии дольше сохранялись народные, национальные, духовные приоритеты, элементы смеховой культуры, ее многоголосия.

Хотя за последние годы много сделано в познании культуры Нежина Александром, Григорием и Сергеем Самойленко (издан пятитомник "Очерки истории культуры Нежина") [16], однако многое еще остается невыясненным. Поэтому исследования в этом направлении

следует продолжать, это даст возможность глубже изучить и наследие Н.Гоголя.

Кроме проблем, связанных с ранним творчеством писателя, нежинские гоголеведы внимательно изучали художественное наследие писателя. Это прежде всего работы Н.М.Жаркевич о "Вечерах на хуторе близ Диканьки", Е.Н.Михальского о психологизме и эстетическом сознании Гоголя, Т.И.Агаевой о петербургских повестях и их критической интерпретации, З.В.Кирилук о поэтике литературного характера в прозе Гоголя.

Следует отметить и интенсивную работу в области гоголеведения доктора филол. наук П.В.Михеда. В своих статьях и в книге "Крізь призму бароко" (2002) ученый обращает внимание на истоки художественного мира Н.Гоголя (и здесь творчество писателя рассматривается во взаимосвязи с произведениями В.Т.Нарежного), способы сакрализации художественного слова в "Выбранных местах из переписки с друзьями". Особое внимание привлекла проблема взаимосвязи творчества Гоголя с барокко. В монографии "Пізній Гоголь і бароко: українсько-російський контекст" П.В.Михед доказывает, что если украинские повести Гоголя имеют преимущественно эстетику низового народного барокко, то его наследие 40-х годов, которое, трансформируя, прежде всего, украинскую, а также русскую и европейскую традиции, представляет явление, получившее в литературоведении определение "гоголевского барокко". В работах П.В.Михеда много интересных находок, смелых выводов, которые дают возможность по-новому, с позиций нашего времени посмотреть на творческие проблемы, связанные как с ранними, так и поздними произведениями Н.Гоголя, его жизнью.

А.Г.Ковальчук в последние годы перешел от театрализации как принципа построения мира художественного произведения к изучению страха в творчестве Гоголя. В трактовке этой проблемы немало интересных наблюдений о человеческой душе на перекрестке страха, о любви как средстве защиты от страха, о бытии и страхе, о грусти как симптоме тоски и т.п. Все эти размышления нашли свое развитие в книге ученого "Гоголь: буття і страх" (2002).

Много было опубликовано статей в 80–90-е годы о традициях Н.Гоголя в русской литературе. Это работы Т.П.Маевской, З.В.Кирилук, Е.Н.Евстафьевой, Г.А.Киричка, а также в литературах народов СССР (это прежде всего работы автора этих строк). В наших работах

сосредоточено внимание на связях наследия Гоголя с литературами народов бывшего Советского Союза, на раскрытии его влияния на творчество писателей разных национальностей. К сожалению, современная библиография говорит о том, что интерес к наследию М.Гоголя в последние десятилетия в нынешних независимых государствах снизился. Только в России, Белоруссии, Эстонии и на Украине к гоголевской теме по-прежнему обращаются исследователи.

Несколько интересных статей на тему "Гоголь и Украина" опубликовали Ф.С.Арват, А.Г.Ковальчук, О.П.Охрименко, В.П.Крутиус, Г.Я.Недилько и др. К.П.Исаенко напечатала цикл статей и защитила кандидатскую диссертацию на тему: "Микола Гоголь і Пантелеймон Куліш: проблема типології художньої свідомості" (2005), а проф. Самойленко Г.В. опубликовал книги "Нежин – город юности Гоголя" (2002) и "Николай Гоголь и Нежин" (2008), "Музей Гоголя в Нежине" (2008).

Отличительной чертой Нежинской высшей школы последнего двадцатилетия, связанной с изучением творчества Н.Гоголя, является то, что в исследовании наследия писателя принимают участие преподаватели других кафедр филологического факультета, о чем свидетельствуют их работы.

Особо хотелось бы остановиться на трудах кафедры русского языка, которую возглавляет известный в Украине и далеко за ее пределами языковед, профессор Н.Н.Арват. Она сумела организовать членов кафедры на разработку коллективной темы "Язык и стиль произведений Гоголя". Итогом их труда является "Словарь языка "Вечеров на хуторе близ Диканьки", а также циклы работ о языке произведений Н.Гоголя. Члены кафедры Н.Н.Арват, А.С.Белая, Н.А.Бондарь, А.Н.Букарева, Л.И.Гетман, Т.И.Крыга, Е.Н.Нещерет, В.А.Сидоренко берут одно произведение Н.Гоголя и всесторонне исследуют его. В центре их внимания были повести "Тарас Бульба", "Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем", "Старосветские помещики", "Шинель". Это поучительный пример коллективной работы. Хотя, конечно, у членов кафедры были и другие темы. Много работ опубликовала профессор Н.Н.Арват о художественной специфике текста произведений Н.Гоголя, и его ритмической структуре. В.А.Сидоренко исследует художественное время как текстообразующую категорию, О.В.Шинкаренко – вторинную номинацию в художе-

ственной речи Гоголя, а Л.И.Гетман – средства организации художественного текста Гоголя и т.д.

За эти двадцать лет изучения творчества Н.Гоголя у нежинцев накопился опыт, расширилось познание наследия писателя. Да и он стал им ближе. А это очень важно. Не эпизодическое обращение к его наследию, а постоянное помогает познать все, с чем знакомишься в повседневной жизни. Более того, она помогает глубже воспринимать под ее углом зрения и Гоголя. А это ведет к тому, что произведения писателя осмысляются с позиций нового времени, осовремениваются некоторые их трактовки. Становятся ближе и гоголевские образы. Все это помогает глубже осветить проблему "Гоголевский художественный мир в современной жизни". Интерпретация произведений Гоголя на сцене многих театров особенно показательна. Режиссеры и актеры отходят от устоявшихся традиций, хотя это не всегда оправдано, так как часто теряется гоголевский дух [17].

Немало сделано нежинцами и в составлении гоголевской библиографии. Некоторые книги из этой серии получили высокую оценку литературной общественности, в частности, библиографический указатель "Н.Гоголь и литература народов СССР", который был составлен Г.В.Самойленко (один из разделов написан совместно с Е.Н.Михальским) [18]. Известный ученый-библиограф из Института русской литературы (Пушкинский Дом) В.Баскаков писал: "Пособие такого объема создано в этой области впервые: в указателе зарегистрировано свыше 2000 публикаций. Эта работа имеет и более широкое значение: она стоит у начала библиографического усвоения связей русской литературы в целом с литературой народов СССР" [19]. Ныне продолжается сбор библиографических источников о восприятии Гоголя в различных странах. Проф. Г.В.Самойленко завершил работу и подготовил к изданию тематико-библиографический указатель "Гоголь в XX веке", в котором представлено около 8 тыс. публикаций ученых Европы, Средней Азии и Закавказья о Гоголе и его творчестве. Гоголевской библиографией ныне занимаются сотрудники библиотеки, в частности Л.В.Гранатович, которая подготовила книги "Гоголь: бібліографічні посібники і джерела. Анотований показчик" (1998 г.), "Бібліографія праць ніжинських вчених про Гоголя (1979–1999)" (2000 г.), а также Н.В.Кузьменко, опубликовавшая библиографию литературы о Н.В.Гоголе на украинском языке (2005–2007) в сборнике "Гоголеведческие студии". Здесь же была напечата-

на и русскоязычная литература о писателе, подготовленная проф. МГУ В.А.Воропаевым.

Ученые Нежина сделали много для изучения наследия Н.Гоголя. Только в "Нежинской гоголиане" за 1979–1999 годы отмечено 372 работы. Думаю, что это солидное достижение. Ни один другой университет, институт или научно-исследовательское учреждение не могут засвидетельствовать подобное. Это и дало нам право открыть в сентябре 1995 года Гоголевский научно-методический центр.

Гоголевский научно-методический центр возглавляет известный ученый-гоголевед, доктор филол. наук, проф. Павел Владимирович Михед. Благодаря ему центр стал заниматься также издательской деятельностью. С 1996 г. начал выходить сборник "Гоголеведческие студии" (вышло 11 выпусков, с 2007 г. выходит под названием "Новые Гоголевские студии"). Под этим названием уже вышло 6 выпусков, в котором принимают участие гоголеведы многих стран мира. Изданы также "Летопись жизни и творчества Николая Гоголя, нежинский период (1820–1828)", "Аннотированный библиографический указатель справочников гоголеведческой библиографии", "Библиотека Шевырева. Русский Фонд" (опись книг, приобретенных в 1876 г. дирекцией Нежинского Историко-филологического института) у сына проф. С.Шевырева. Центром проводятся международные научные конференции. Сотрудники Центра ведут большую поисковую и исследовательскую работу, поддерживают связи со многими гоголеведами различных стран мира, координируют проблемы изучения наследия писателя. Ныне проводится большая работа, связанная с подготовкой к 200-летию со дня рождения Н.Гоголя.

В пропаганде гоголевского наследия важную роль играет и научный сборник "Література та культура Полісся", основанный автором этих строк в 1990 г. В 50 его выпусках опубликовано 250 статей о Гоголе. Некоторые выпуски (3, 7, 12, 16, 24, 32, 45, 50) полностью посвящены жизни и творчеству Гоголя.

В связи с подготовкой к 200-летию со дня рождения писателя в каждом выпуске сборника введена специальная рубрика, посвященная творчеству Гоголя (вып. 41, 42).

С Нежинским университетом сегодня связаны ученые С.-Петербурга, Москвы, Киева и многих других вузов Украины, России, Белоруссии и т.п., а также Польши, Италии, Греции, Канады, Австралии и других государств. Это дает возможность нежинцам соизмерять свои

силы, быть в курсе гоголеведческих исследований в других странах. Нежин сегодня воспринимается в мире прежде всего как город Гоголя, который не только помнит великого писателя, но делает все, чтобы его наследие глубже изучалось и познавалось, чтобы оно помогало нам жить, утверждать прекрасное и бороться с тем, что мешает двигаться вперед.

Литература

1. Кулжинский И.Г. Воспоминания учителя // Москвитянин. – 1854. – Т. 6. Отд. 5. Смесь. – С. 1–16.
2. Заболотский П. Опыт обзора материалов для биографии Н.В.Гоголя в юношескую пору. – СПб., 1902. – С. 7.
3. Лавровский Н.А. К биографии Гоголя. – Киев, 1881. – 19 с.
4. Заболотский П. Гоголь в русской литературе // Гоголевский сборник. – Киев, 1902. – С. 607.
5. 4 сентября 1881 года в Нежине: Открытие памятника Н.В.Гоголю. – Киев, 1862.
6. Сребницкий И. Гоголь как национальный русский поэт-художник: Речь, произнесенная на торжественном акте в Историко-филологическом институте кн.Безбородко по случаю открытия бюста Н.В.Гоголя в Нежине. – Киев, 1881.
7. Пономарев С.И. Памяти Гоголя: Материалы для библиографии литературы о нем // Известия Историко-филологического института кн.Безбородко в Нежине. – 1882. – Т. 7. – С. 1–60. Отд. изд.: Киев, 1882. – 60 с.
8. Заболотский П.А. О влияниях, под которыми слагались личности и творчество Н.В.Гоголя // Филологические записки. – 1902. – Т. 2–3. – С. 17–38. Отд. изд.: М., 1902. – 22 с.
9. Сперанский М.Н. Гимназия высших наук и нежинский период жизни Н.В.Гоголя. – Киев, 1902. – 30 с.
10. Сперанский М.Н. Один из учителей Н.В.Гоголя: И.Г.Кулжинский. – Нежин, 1906. – 82 с.
11. Данилов В.В. К характеристике И.Г.Кулжинского и его литературной деятельности // Украина. – 1907. – Т. 4, октябрь. – С. 20–43.
12. Заболотский П.А. Гоголь и славянство: Речь, произн. на акте 14 апреля 1909 г. в Институте кн.Безбородко // Изв. Ист.-филол. ин-та кн.Безбородко в Нежине. – 1911. – Т. 26. – С. 1–27. Отд. отт.: Нежин, 1911. – 29 с.
13. Стогнут А.С., Кононенко И.К. Новые страницы к "Делу о вольнодумстве" в Нежинской гимназии высших наук // Ученые записки Нежинского пед. ин-та. – 1954. – Т. 4–5. – С. 163–209.

14. Жаркевич Н.М. Юбилею Н.В.Гоголя посвящается // Русский язык и литература в школах УССР. – 1979. – №4. – С. 79–80; Свєрбілова Т. Наукова конференція в Ніжині // Радянське літературознавство. – 1979. – №8. – С. 92–94; Воропаєв В.А. Конференція, посвященная 170-летию со дня рождения Н.В.Гоголя // Филологические науки. – 1980. – №1. – С. 92–93.

15. Летопись жизни и творчества Н.Гоголя. Нежинский период (1820–1826) / Сост.: Н.М.Жаркевич, З.В.Кирилюк, Ю.В.Якубина; Вступ. ст. П.В.Михеда. – Нежин: НГПУ, 2002. – 232 с. // Гоголеведческие студии. Вып. 8.

16. Нариси культури Ніжина. – Ніжин: НДПІ, 1995–1998.

Ч. 1. Література / Самойленко Г.В. – Ніжин, 1995. – 99 с.

Ч. 2. Театральне та музичне життя XVII–XX ст. / Г.В.Самойленко. – Ніжин, 1995. – 165 с.

Ч. 3. Розвиток освіти та науки в Ніжині в XVII–XX ст. / Г.В.Самойленко, О.Г.Самойленко, С.Г.Самойленко. – Ніжин, 1996. – 226 с.

Ч. 4. Забудова міста та архітектурні пам'ятки XVII–XX ст. / Г.В.Самойленко, С.Г.Самойленко; Фото Т.Пінчук, О.Климця, В.Кичка, О.Савченка. – Ніжин, 1998. – 100 с. + 16 с. іл. + 7 додатків.

Ч. 5. Образотворче мистецтво та скульптура в Ніжині в XVII–XX ст. / Г.В.Самойленко, С.Г.Самойленко. – Ніжин, 1998. – 145 с. + 16 с. іл.

17. Сучасна ніжинська Гоголіана (1979–2000) // Гоголеведческие студии. Вып. 6. – Нежин, 2000. – С. 3–45.

18. Самойленко Г.В., Михальский Е.Н. Н.В.Гоголь и литература народов СССР: Библиограф. указ. / Предис. Г.В.Самойленко. – Нежин: НГПИ, 1984. – С. 147.

19. Советская библиография. – 1986. – №1. – С. 82–83.

20. Ніжинська Гоголіана (1979–1995): Бібліографічний покажчик. – Ніжин, 1996. – 28 с.

21. Самойленко Г.В. Изучение наследия Н.В.Гоголя в Нежинском институте // Наследие Н.В.Гоголя и современность. – Нежин, 1988. – Ч. 2. – С. 98–99; Самойленко Г.В. Наследие Гоголя в трудах ученых Нежинской высшей школы // Микола Гоголь і світова культура. – К.; Н., 1994. – С. 208–217.

22. Самойленко Г.В. Нежинская Гоголиана на современном этапе // Література та культура Полісся. Вип. 16. – Ніжин, 2002. – С. 182–186; Самойленко Г.В. Украинская гоголиана на рубеже веков (1979–2004) // Література та культура Полісся. Вип. 24. – Ніжин, 2004. – С. 3–13.

Гоголевские традиции в многонациональной литературе XX века

Проблема творческого освоения наследия Гоголя постоянно привлекала к себе внимание ученых братских республик, ибо связи писателя с литературами народов СССР разнообразны и значительны, проявлялись в самых различных направлениях. Конечно же, это во многом зависело и от времени возникновения литератур, от переводов произведений Гоголя на языки народов СССР и их приобщения к национальной культуре и т.д. Уже в конце XIX века в критических статьях встречаются высказывания о плодотворном влиянии творчества Гоголя на национальные литературы. Однако только в советском литературоведении появляются солидные исследования на тему "Гоголь и литература народов СССР". Как русских исследователей, так и ученых братских республик интересовали вопросы жизни и творчества писателя. В азербайджанском литературоведении о Гоголе известны работы М.Пашаева, в армянском – А.Бакунца, Р.Оганисяна, А.Салахяна, Е.Алексяна, в белорусском – М.Климковича, в грузинском – В.Шадури, Г.Талишвили, А.Николадзе, Б.Бахтадзе, Т.Буачидзе, в казахском – В.Марковича, в латышском – А.Упита, Я.Судрабална, в украинском – А.Белецкого, Н.Крутиковой, А.Карпенко и др. В результате общих усилий как русских, так и ученых других братских республик глубже изучены творчество Гоголя, его вклад в развитие романтизма и реализма, особенности юмора, сатиры, стиля, поэтики, жанровой природы произведений и т.д.

Однако основными все же оставались вопросы, связанные с изучением влияния Гоголя на ту или другую национальную литературу, оценкой качества переводов произведений писателя.

Следует отметить, что первые переводы произведений Гоголя на национальные языки были сделаны еще до революции. Однако широкое освоение творчества писателя началось только после Великого Октября. В 20–30-е годы появляются переводы "Женитьбы", "Ревизора", "Тараса Бульбы" и других произведений. В 50-е годы во многих союзных республиках выходят "Избранное", а затем и "Собрание сочинений" Гоголя. В большинстве случаев переводчиками были известные писатели национальных литератур (А.Бакунц, Д.Демирчян,

М.Ауэзов, С.Васильченко, Остап Вишня, М.Рыльский и другие), которые затем выступили в печати со статьями об особенностях переводов произведений Гоголя, о их языке и стиле и т.д.

Для некоторых писателей перевод был своеобразной школой, ибо в процессе этой работы они постигали гоголевское мастерство в построении сюжета, в создании характеров, в использовании сатирических приемов. К сожалению, критических работ по этой проблеме еще очень мало (С.Талжанов "О некоторых основных проблемах художественного перевода (на материале переводов "Ревизора" и "Мертвых душ" Н.В.Гоголя на казахский язык)", 1961; Ф.С.Арват "Иван Франко как переводчик: "Мертвые души" Н.В.Гоголя в переводе И.Я.Франко", 1968; С.Адылова "Некоторые проблемы воссоздания стиля писателя в художественном переводе (на материале переводов произведений Н.В.Гоголя на узбекский язык)", 1978; И.Я.Заславский "Гоголь в украинских переводах", 1984 и некоторые другие), а поэтому не раскрыты достижения, а также отдельные недостатки, характерные для этих переводов. Почти нет работ о переводах одного и того же произведения Гоголя разными писателями. Интересно было бы раскрыть то общее, что имеется в наследии Гоголя и в оригинальных произведениях переводчиков, то есть проследить за процессом воздействия великого русского художника слова на творчество писателей братских республик. Известно, например, что А.Бакунц был близок к Гоголю по характеру своего дарования и по эстетическим принципам творчества. Ему были характерны "...обостренное внимание к психологии и социальной судьбе простого труженика, беспредельная любовь к родному народу, язык и манера письма, включающие в себя и романтическую приподнятость, и мягкий юмор" (И.Б.Вардапетян). А Бакунцу была особенно близка повесть Гоголя "Тарас Бульба", так как она напоминала ему, по его же свидетельству, историю родного народа. И на это он указал в своем предисловии к переводу, раскрывая идейное содержание и художественное своеобразие гоголевской повести. Он собирался также переводить "Мертвые души".

Творчество Гоголя оказывало плодотворное воздействие на многих писателей нашей многонациональной литературы. Этой проблеме посвящено уже немало интересных статей, хотя многие ее аспекты еще требуют углубления, а то и нового подхода к освещению.

Гоголь – певец дружбы русского и украинского народов. Своим творчеством, проникновенным рассказом об украинском народе и его

чарующей природе он укреплял великие узы товарищества и братства. Тема "Гоголь и Украина" привлекала внимание многих исследователей. Особенно плодотворно работает в этом направлении член-корреспондент АН УССР Н.Е.Крутикова. Ее книги и статьи открывают всегда новые аспекты в этой важной проблеме, дают возможность представить творчество Гоголя в контексте глубоких исторических связей и стилевых традиций народно-поэтического эпоса, раскрыть творческое взаимообогащение двух братских культур и литератур, связующим "золотым мостом" которых и явился гений Гоголя.

Говоря об освещении гоголевских традиций в национальных литературах, следует назвать книги М.Ларченко "Гоголевские традиции в белорусской литературе" (1952), Г.Овнана "Н.В.Гоголь и армянская литература" (1952), Г.Талиашвили "Гоголь в грузинской литературе" (1952), Е.Алексян "Армянский реализм и опыт русской литературы: Традиции Гоголя" (1977) и др.

Значительным было и влияние Гоголя на советских писателей. "Создав после Пушкина славный период в литературе, выступив учителем русской художественной прозы, – писал К.Федин, – Гоголь не перестает быть им и теперь. Он по-прежнему не только читаемый, но и учащий писать художник... Чудесный гений Гоголя, преодолевающий время, протягивает руку нашим современным писателям и зовет их к высокому мастерству изображения врага во всех его обличиях, как звал он к этому великую русскую литературу классиков. Он воистину наш вечный спутник". Гоголевские традиции в советской многонациональной литературе, те основные пути, наиболее очевидные и важные мотивы и образы, стилевые особенности, по которым происходит сближение наших писателей с наследием Гоголя, исследуют многие ученые, хотя в этом плане предстоит еще больше сделать. Это касается как русской советской, так и литературы на других языках народов СССР.

Однако несмотря на некоторое оживление в изучении этих проблем, они продолжают оставаться актуальными и сегодня, ибо до сих пор нет обобщающих исследований о влиянии Гоголя не только на весь многонациональный литературный процесс, но и на творчество отдельных писателей.

Художественное и эстетическое влияние Гоголя на советских писателей многопланово и многообразно. Оно прослеживается в нескольких основных аспектах: жанрово-стилевом, идейно-образном, в

сфере поэтики и стилистики. Причем нередко в определении того или иного пути использования гоголевской традиции следует учитывать не просто все творчество великого русского писателя, но и отдельные конкретные произведения. Академик М.П.Алексеев указывал, что именно с повести "Тарас Бульба" началось знакомство с Гоголем в Европе, а затем и на других континентах. Одной из первых эта повесть была переведена и на языки народов СССР. Советских писателей привлекало в "Тарасе Бульбе" умение художника создавать сильные характеры, воспроизводить героику народной борьбы, ее широкий размах, при этом выпукло, ярко рисуя рядовых ее участников. Романтическая стилистика повести нашла новое развитие в произведениях А.Серафимовича "Железный поток", Б.Горбатова "Непокоренные", А.Фадеева "Молодая гвардия".

В "Железном потоке" немало страниц, проникнутых романтическим пафосом, одухотворенной патетикой, чисто гоголевской интонацией. И как заметила Л.М.Поляк, фраза "много казацких папах с белыми ленточками раскатилось по степи, и много черкесок, тонко перехваченных серебряными с чернью поясами, зачернело по сияющим курганам, по желтому жнивью, по перелескам" [3] является поистине левской, органически входит в текст романа, сливается с его общим ритмом, поэтической интонацией [4]. А.Серафимович использует не только стилистические приемы, присущие Гоголю, но пытается проникнуться гоголевским духом показа героики. Его лирический герой, как и у Гоголя, наблюдает за всем происходящим не со стороны, а как бы находясь в центре событий.

Героико-романтическая тональность характерна и для "Конармии" И.Бабеля, "Первой Конной" Вс.Вишневского. Это дало право А.М.Горькому поставить их рядом с "Тарасом Бульбой" [5]. И.Бабель, Вс.Вишневский, как и А.Серафимович, сумели проникнуть в глубину гоголевского мышления, в сферу его видения и понимания структуры образа и произведения в целом. Именно это воспринял от Гоголя и украинский писатель Ю.Яновский.

Можно было бы привести немало интересных примеров из его романа "Всадники", которые в какой-то мере соотносятся с "Тарасом Бульбой". Здесь и отдельные стилистические конструкции (например, "Ну, що? Допомогли тобі твої Генерали"? [6] или: "Лютували шаблі, і коні бігали без вершників..., і летіли їхні голови... Висвистували шаблі" [7]), и трактовка некоторых жизненных ситуаций (сцена братоубий-

ства, эпическо-возвышенное описание смерти положительного героя, который отдает свою жизнь за Родину) и т.д. Но главное состоит в том, что Ю.Яновский по-гоголевски подходит к возвеличению героизма народа.

Гоголевские традиции прослеживаются также в романе П.Панча "Осада ночи". Конфликт между отцом, старым шахтером, командиром партизанского отряда и его сыновьями Климом и Ильком напоминают взаимоотношения Тараса Бульбы, Остапа и Андрия. Правда, критики упрекали П.Панча в прямолинейности использования гоголевской коллизии, считали, что она совершенно не подходила для раскрытия проблемы отцов и детей во время гражданской войны. Указывалось, в частности, что автор не сумел глубоко показать коммунистов-рабочих, которые влияли на формирование мировоззрения основного героя произведения – Г.Байды [8].

Элемент сюжета "Тараса Бульбы", убийство отцом сына, позаимствовали и развили в своих произведениях и другие писатели, например, балкарец Зейтуна Толгуров в "Алых травах", белорус А.Кулаковский в рассказе "Дорогами жизни". Однако не всегда это заимствование было творческим.

Заметны гоголевские традиции и в "Непокоренных" Б.Горбатова и "Молодой гвардии" А.Фадеева.

Восприятие повести Гоголя Фадеевым носит не случайный характер, а объясняется той постоянной любовью, которую питал он к произведениям великого русского писателя.

Использовали традиции "Тараса Бульбы" также А.Довженко, К.Симонов, Л.Первомайский, В.Луговской и другие. В предвоенные годы А.Довженко обратился к произведению Гоголя и создал киносценарий "Тарас Бульба". Но если А.Довженко использовал сюжет гоголевской повести в новом жанре, то К.Симонов, В.Луговской, Л.Первомайский классические образы переносят в другую эпоху. Произошла так называемая "трансплантация" художественного персонажа. Подобный прием известен в литературе. Введение популярных образов в сюжет другого художественного произведения используется писателем, как отмечает советский ученый Н.В.Осьмаков, для создания "соответствующего общественно-психологического и колорита", иногда же для соотнесения "создаваемого произведения с широко распространенными художественными типами" [16]. Для К.Симонова, в данном случае, образ Тараса Бульбы являлся симво-

лом мужества и стойкости, и поэтому он использует его для сравнения. Рассказывая о страшных последних минутах жизни Тараса, К.Симонов переносит внимание читателя на описание поля боя с фашистами, на котором находится танк с экипажем советских воинов, принявших решение сгореть, но не сдаться врагу.

Л.Первомайский прибегает к приему "оживления героя" (А.С.Бушмин), который сохраняет свои основные черты в новых исторических условиях. В произведении украинского писателя Тарас Бульба вместе с Остапом показан в момент их схватки с фашистами. Та же ситуация, что и в повести Гоголя. Любимый сын Тараса пленен, но в данном случае не шляхтичами, а гитлеровцами. И на призывные слова Остапа Тарас отзывается:

– Чую, синку!

Гнів людський виходить з берегів.

Хоть загину, а звільню Україну
від неситих, лютих ворогів [17].

К подобному приему прибегает и С.Журахович в произведении "Отряд Тараса Бульбы". У Л.Первомайского и С.Жураховича Тарас, теряя свою конкретную социальную сущность, превращается в символ стойкости и мужества народа.

Все это свидетельствует о том, что советские писатели по-разному осваивали гоголевские традиции. Одних привлекал гоголевский героико-романтический стиль, других – сюжетные коллизии, третьих – понимание трагического и т.д.

Тяготение к повести Гоголя объяснялось, очевидно, еще и тем, что она сама по себе представляет пример художественного освоения величайших памятников культуры русского и украинского народов: "Слова о полку Игореве", воинских повестей, украинского эпоса. Поэтому для художников слова это произведение открывается все новыми гранями, мастерски созданными гением Гоголя.

Привлекает советских писателей и гоголевская традиция в изображении народа. Веселые, жизнерадостные, полные юмора и лукавства, доброты и ума, смелости и душевной широты люди – таковы основные герои "Вечеров на хуторе близ Диканьки", такими пытаются изобразить своих героев и белорусские писатели Якуб Колас ("Василь Чурило", "Соцкий подвел"), Янка Купала ("Павлинка", "Примаки"), В.Вольский ("Нестерка"). О пьесе "Нестерка" А.Фадеев писал ее автору: "Смех, который она так естественно порождает, сродни тому, кото-

рый вызывают веселые – с перцем – народные сказки или "Вечера на хуторе близ Диканьки", ибо она, комедия Ваша, очень народна по своей основе" [18]. Гоголевские принципы изображения народа развивали украинские писатели С.Васильченко, О.Гончар, М.Стельмах и др.

Самостоятельную и интересную страницу в литературе представляет также трансформация гоголевской фантастики; с ней связаны имена таких писателей, как А.Грин, М.Булгаков, О.Вишня.

Драматические произведения Гоголя "Женитьба" и "Ревизор" вместе с пьесами А.Островского оказали сильное воздействие на формирование национальной драматургии и национального театра. Особенно это ощутимо там, где ранее их не было.

Постижение гоголевского мастерства в построении сюжета, в создании характеров шло в процессе перевода "Женитьбы" и "Ревизора", ибо переводчики, а ими обычно выступали драматурги, создавая свои произведения, органически опирались на традиции Гоголя, брали все то лучшее, что было у великого русского писателя. Многому научились у Гоголя Дж.Мамедкулизаде, Н.Везиров, С.Ахвердов, Х.Ниязи, Д.Гулиа, И.Микитенко, А.Макаенок, К.Крапива, С.Михалков, А.Корнейчук и многие другие.

Киргизский писатель М.Токобаев, создавший первую пьесу на родном языке, признавался, что "Горемычную Какей" он написал, прочитав "Ревизора". И прежде всего Л.М.Токобаев усваивал способ речевой организации драматической формы – диалога и монолога, получил определенное понятие и о приемах построения сюжета, о композиции, о стиле и т.д. "Это было началом освоения принципов художественного анализа, т.е. творческих и эстетических принципов реализма" [19].

Но в национальных литературах, не имевших ранее своей драматургии, шло использование не только гоголевского реализма в целом, а и конкретных находок великого русского писателя. Например, киргизский драматург и актер Р.Шукурбеков под впечатлением "Ревизора", в котором исполнял роль Хлестакова, создал комедию "Джапалак Джатпасов". В ней он рассказал о новоявленном Хлестакове.

Современные Хлестаковы и хлестаковщина разоблачаются и в комедии "Алекай и Телекай" кумыкского драматурга А.-В.Сулейменова. Но если в комедии Гоголя единственным положительным героем был смех, то кумыкский писатель усиливает сатирическое звучание своей комедии, введя в произведение положительных героев.

Учился у Гоголя разоблачению Хлестаковых и мордовский писатель В. Коломасов. В романе "Лавгинов" основной герой своим самовосхвалением напоминает знаменитого гоголевского персонажа. Прием самохарактеристики, удачно использованный Гоголем для создания образа Хлестакова, помог также И. Микитенко остро высмеять "новоявленных вельмож" в комедии "Соло на флейте".

Говоря о воздействии пьес Гоголя на развитие драматургии, и в частности, национальной комедии, следует также учитывать и сатирическую направленность этих произведений, ибо сатира автора "Ревизора" и ее использование писателями СССР – это еще одна линия освоения гоголевских традиций.

Когда спросили известного украинского писателя-юмориста Остапа Вишню, имел ли влияние Гоголь на его творчество, он ответил: "Ну, а как вы думаете? Разве может писатель, каждый писатель, а тем более такого жанра, как я, пройти мимо творчества моего великого земляка Николая Васильевича Гоголя? И читал, и изучал, и каждый раз удивлялся: "Откуда бралось, из каких колодцев, из каких родников фонтаном било чарующее гоголевское слово?"

...Слово великого Гоголя не только не умерло, и никогда не умрет, а даст еще чудесные ростки!" [20].

И действительно, зерна, посеянные Гоголем, были возвращены и использованы советскими сатириками. На себе ощутили гоголевское воздействие В. Маяковский и Демьян Бедный, И. Ильф и Е. Петров, С. Михалков, узбек Абдулла Каххар, белорусы К. Крапива, А. Макаенок, чувашские сатирики М. Мучи, П. Митта, армянин Ч. Бакунц, якут А. И. Софронов, калмык Нимгир Манджиев, казах Ильяс Джансугуров и многие другие.

Однако, выявляя гоголевские традиции у этих художников, необходимо видеть то, что присуще именно гоголевской сатире, а не сатирической поэтике вообще. К сожалению, в некоторых работах о Демьяне Бедном, Маяковском "присущие вообще сатирической поэтике приемы иронии, комизма, аллегории, фантастики, гиперболы, гротеска, зоологических уподоблений возводятся как к первоисточнику к сатире Гоголя, Салтыкова-Щедрина или Некрасова. Поскольку гоголевский, щедринский, некрасовский акценты в данном случае не уточняются, то и генеалогия приемов, прикрепление их к тому или иному предшественнику остаются неубедительными. Вернее сказать, начало этих приемов следует видеть прежде всего в специфике сатиры *вообще и в коллективной художественной сатирической традиции.*

Гоголь – это еще не до конца изведанный и изученный океан, глубины которого каждый раз открываются по-новому. И вот "способность угадать в традиции намеки на перспективу, отыскать в классическом наследии ростки, склонные к развитию, осуществить, иными словами, воздействие настоящего на прошлое..." – все это, действительно, дело весьма тонкого и проникновенного умения" [22].

Советский писатель С.Залыгин, выступая на симпозиуме "Н.В.Гоголь и европейская культура", который состоялся в Венеции в апреле 1976 г., подчеркивал, что Гоголь "был предтечей если не всех, так очень многих современным литературных направлений" [23]. И он связывает "Шинель" с современным реализмом и неореализмом, "Вий", "Портрет" – с современным мистицизмом, "Нос" с творчеством Кафки, "Ревизор" – с Карелом Чапеком, "Тараса Бульбу" – с историческим романтизмом в его современном виде, "Мертвые души" – с художественно-социологическими исследованиями, "Старосветских помещиков" и "Коляску" – с художественным бытописанием, "Игроков" – с детективом, "Женитьбу" – с водевилем, "Выбранные места из переписки...", "Театральный разъезд" – с эссе и т.п.

И хотя в этой классификации есть доля схематизма, нельзя отрицать широкого и многогранного воздействия Гоголя на творчество как отдельных писателей, так и на развитие целых литератур новейшего времени.

Влияние Гоголя на советскую литературу многопланово. Оно определяется и своеобразием гоголевской сатиры в целом, и героико-романтической стилистикой "Тараса Бульбы", и трактовкой героического и трагического, раскрытием духовных качеств народа, трансформацией гоголевской фантастики. Все это, конечно же, не исчерпывает тех путей, по которым шло и будет идти влияние Гоголя на многонациональную литературу. Перед исследователями стоит задача дальнейшего изучения затронутой нами проблемы, выявления глубинных связей советской литературы разных народов, отдельных художников с гоголевской традицией – этим вечно живым наследием.

Литература

1. Алексанян Е. Армянский реализм и опыт русской литературы (Традиции Гоголя). – Ереван, 1977; Алтынбекова Р. Гоголь и казахская советская сатира // Проблемы журналистского мастерства. – Алма-Ата, 1979; Бегжанова М. Традиции Н.В.Гоголя в узбекской советской литературе: Автореф. дисс. ... к. филол. н. – Ташкент, 1980; Гончар О. Гоголь и Украина // Радуга. – 1976. – №7; Табаров С. Гоголь и таджик-

ская литература // Табаров С. Жизнь, литература, реализм. – Душанбе, 1978. – Кн. 2.

2. Алексеев М.П. Мировое значение Гоголя // Гоголь в школе. – М., 1954.

3. Серафимович А. Собр. соч.: В 7 т. – М., 1960. – Т. 6. – С. 589.

4. История русской советской литературы: В 4 т. – М., 1976. – Т. 1. – С. 295.

5. Там же. – С. 351.

6. Яновский Ю. Твори: У 5 т. – К., 1958. – Т. 2. – С. 169.

7. Там же.

8. Литературный критик. – 1934. – №6. – С. 223.

9. История русской советской литературы. – Т. 3. – С. 294.

10. Фадеев А.А. Воспоминания современников. – М., 1965. – С. 446.

11. Фадеев А.А. Собр. соч.: В 7 т. – М., 1970. – Т. 3. – С. 290.

12. Там же. – С. 296.

13. ЦГАЛИ, ф. 1628, оп. 1, ед. хр. 67, л. 15.

14. Фадеев А.А. Собр. соч.: – Т. 3. – С. 350.

15. Там же. – С. 357.

16. Осьмаков Н.В. Историко-функциональное исследование произведений художественной литературы // Русская литература в историко-функциональном освещении. – М., 1979. – С. 26.

17. Правда Украины. – 1944. – 31 марта.

18. Фадеев А.А. Собр. соч.: – Т. 7. – С. 473.

19. Борбугулов М. Единство национального и интернационального. – М., 1979. – С. 25.

20. Вишня О. Твори: У 2 т. – К., 1956. – С. 351.

21. Бушмин А.С. Преемственность и развитие литературы. – Л., 1978. – С. 120.

22. Современные проблемы реализма и модернизма. – М., 1965. – С. 322.

23. Залыгин С. Читая Гоголя // Москва. – 1976. – №11. – С. 200.

Гоголь в восприятии и оценке Н.Асеева

Личность Н.Гоголя всегда привлекала внимание не только литературоведов, но и писателей разных эпох. У каждого из них это восприятие было личностным. В наследии великого художника слова они черпали то своеобразное, что обогащало их творческую индивидуальность, что помогало им в осмыслении эстетических и социальных проблем.

Известный советский поэт Н.Асеев также постоянно проявлял интерес к Гоголю, о чем свидетельствуют его статьи, поэмы, стихотворения и эпистолярные материалы. Однако обозначенная нами тема еще никем не рассматривалась.

Воспоминания современников поэта, его письма свидетельствовали о том, что одним из писателей, которого он любил, к которому он постоянно обращался, перечитывал, был Гоголь. Он ставил его среди тех, кто формировал его как поэта. Гоголевский "Тарас Бульба" и "Страшная месть" "навсегда оставались для меня образцом поэзии", – неоднократно подчеркивал Н.Асеев.

Что значит – остаться в истории?

Слава как мел: губку смочишь – и стер её,

Но не сотрется из памяти прочь

"Страшная месть" и "Майская ночь"!

Гоголь оставался его постоянным творческим учителем. "С его колдовскими оборотами, на всю жизнь врезавающимися в память. С его украинской степью и днепровской широтой, с его панночками и парубками, колдунами и кузнецами Вакулами. И другой Гоголь, петербургский, в шинели и в мундире, при шпаге и шляпе, почти что русский Мефистофель, выбивающий огонь из пепла, вино из деревянного стола! И, наконец, третий Гоголь – Гоголь римский, с его тоской по России, с язвительной точностью берущий на острие пера, как на штык, городничих и смотрителей богоугодных заведений, Бобчинских и Добчинских русского лихолетья. Как многообразен мир созданных им лиц, характеров, обличий, харь, рож почти чертовских измышлений!" [1, с. 38].

Особенно привлекала Н.Асеева своей таинственностью повесть "Вий". "Я очень теперь увлечен раскрытием тайны гоголевского "Вия", – заметил поэт в письме академику Д.С.Лихачеву [1, с. 488].

Что же интересовало Н.Асеева в этом произведении, какие тайны он пытался разгадать в нем? Прежде всего поэта увлек сам характер сюжета. Называя общеизвестные его источники (народные предания, украинские и русские сказки, произведения немецких романтиков), Н.Асеев указывал и на некоторую неточность в их определении, ибо исследователи не называли конкретно, а какие же именно сказки были созвучны повести Гоголя. Более того, сравнив "Вия" с произведениями немецких романтиков, поэт считал, что их сюжеты не очень-то и близки. Возникает вопрос: а было ли произведение, которое служило определенным толчком для Гоголя? По мнению Н.Асеева, таким была баллада Роберта Саути, переведенная В.Жуковским, которую знал Гоголь. "Мне же думается, что эта-то баллада, – пишет Н.Асеев, – и дала Гоголю основу для повести. И ни фольклорные мотивы, ни народные сказания не подходят так близко к описанию тройного бдения у гроба ведьмы, где даже сын ее – чернец не осмеливается молиться за преступную мать; сын чернец превращен в "философа" Хому Брута" [1, с. 489]. И поэт высказывает здесь свое предположение (правда, такая мысль уже мелькала в литературоведении в начале XX века), что "старуха ведьма при жизни была, очевидно, красавицей, а троекратные ужасы от чтения в церкви Святого письма над покойницей были, конечно, ужасами самого Гоголя перед колдовской красотой женского обличия". Н.Асеев считал, что Вий придуман Гоголем для отвлечения от основной темы – "убийственной женской красоты для творчества, для развития духовных сил человека, если эта красота – внешняя прелесть, внешнее очарование, покоряющее и делающее человека смолоду рабом страстей" [1, с. 489].

Для того чтобы обосновать свою точку зрения, Н.Асеев берет примеры как из художественных произведений, так и из жизни. Перечитывая книги Гоголя, Н.Асеев вел с ним беседу, спорил о жизни, о смерти, о России, предназначении писателя, о месте художника в обществе и т.д. Кроме того, общение с Гоголем рождало новые творческие замыслы, помогало ему найти необходимые поэтические средства для раскрытия той или другой темы. Именно увлечение Гоголем помогло Н.Асееву создать стихотворения "Песня запорожцев (Тулумбасы, бой, бей, запороги, гей, гей!..)", "Песня Андрия" и др.

Размышлял поэт не только над произведениями Гоголя, но и о его жизни, о чем свидетельствует "Поэма о Гоголе" (М., 1956), над которой он работал в 1952–1953 годах, когда страна отмечала 100-

летие со дня смерти писателя. В эти дни Н.Асеев опубликовал также статью "О Гоголе". А в 1963 г. написал статью "Хома Брут и панночка (К истокам гоголевского "Вия")".

"Поэма о Гоголе" состоит из 13 глав. Каждая из них – это рассказ поэта о какой-то жизненной ситуации или творческом этапе писателя. Н.Асеева волнует вопрос, кто такой Гоголь, в чем сила его произведений и необычность им написанного.

Несколько глав посвящено восприятию "Вечеров на хуторе близ Диканьки", "Ревизора", "Мертвых душ". Н.Асеев увлекся высказанной в печати гипотезой, что Гоголь не сжигал второго тома поэмы, а это сделали люди из его окружения, такие, как Струдзе, Волконский и другие. "Боясь, что, может быть, молодая Россия, – подчеркивал Н.Асеев в своем выступлении перед молодыми критиками, – под влиянием Белинского, могла пойти по другому пути, – возможно, что им это не понравилось, и они оставили вариант, в котором этот откупщик и благодетельный генерал остались на своих местах" [ЦГАЛИ, ф. 631].

Воспроизводя в художественной форме различные ситуации из жизни писателя, поэт стремился показать, что перед нами несломленный Гоголь. В этом состоит особенность восприятия Н.Асеевым творчества автора "Вечеров..." и "Мертвых душ". Он хотел воспроизвести жизнь Гоголя так, чтобы у читателя сам по себе возник вопрос: "Как же так, он совсем не такой, каким его изображают на памятнике – полубольной, унылый человек. Он был очень хитрый украинец, и для него желание сохранить себя как писателя часто облекалось в невероятные формы, которых мы и не подозревали" [ЦГАЛИ, ф. 631]. Эта точка зрения не нова, она особенно широко бытовала в конце 40-х – начале 50-х гг. Принята она была и поэтом. Но не думаю, что здесь сыграло чье-то давление. Н.Асееву именно таким виделся Гоголь, и в этом индивидуальное право читателя, художника на свое восприятие наследия писателя. Обращаясь к гоголевской теме, Н.Асеев отказался от осложненной формы, но это не лишило поэмы оригинальности, своеобразия.

Вместе с книгами Гоголя Н.Асеев размышлял о жизни, о её сложностях, настоящем и будущем. И в этом он получал от писателя хорошую поддержку.

Литература

1. Асеев Николай. Родословная поэзии. – М., 1990.
2. Асеев Николай. Стихотворения и поэмы. – М., 1990.

Наследие Гоголя в годы Великой Отечественной войны

Историко-функциональный подход к изучению конкретных явлений позволяет определить не только "долгожительство" (Н.В.Осьмаков) шедевров русской и мировой литературы, но и выявить их воздействие на сознание последующих поколений, увидеть, как по-разному они воспринимаются и интерпретируются в различные периоды, какова их социально-эстетическая функция.

У крупных художников слова всегда есть то, что связывает его не только с современной ему действительностью, но и будущим. Каждое поколение новой эпохи находит для себя в творчестве писателя что-то особое, близкое ему. Советские читатели на различных этапах развития государства обращались к наследию Гоголя. Сам характер восприятия во многом зависел от специфики, характерных особенностей самого времени. Так, в годы борьбы советского народа за свободу и независимость страны в центре внимания читателей была повесть Гоголя "Тарас Бульба". В мирное время, когда приходилось искоренять недостатки, бичевать бюрократизм, бралась на вооружение сатира писателя. Советских людей также интересовали нравственные, общечеловеческие проблемы, которые ставил и решал Гоголь в своем творчестве.

Период Великой Отечественной войны был особым как в развитии советской литературы, так и в восприятии наследия писателей прошлого. К сожалению, тема "Роль классической литературы в годы борьбы с фашизмом" почти не исследована, а она представляет значительный интерес. Наша статья является первой попыткой осмыслить характер восприятия и интерпретации творчества Гоголя в годы войны. Произведения Гоголя в этот период выдержали несколько изданий, в частности, в серии "Писатели-патриоты Великой родины" в 1943 г. вышла книга "Избранное" писателя, а в 1944 г. – "Вечера на хуторе близ Диканьки" [1]. Пьесы Гоголя шли на сценах театров, а отрывки из спектаклей входили в репертуар фронтовых актерских бригад. В воспоминаниях фронтовиков, работников театров находим не-

мало свидетельств о том, как воспринимали эти выступления. Особой популярностью пользовались сцены из "Женитьбы" Гоголя. Генерал Г.Коротков вспоминал, как в 22-й армии, которой он командовал, родился фронтовой театр, в котором раскрылось артистическое дарование Федора Мишина, в будущем актера Малого театра, великолепно исполнявшего сцены в гоголевской "Женитьбе" [2].

Отрывки из "Ревизора", "Мертвых душ" показывали артисты Малого театра, МХАТа и других коллективов,

В 1941 году были завершены работы над двумя кинофильмами по произведениям Гоголя: "Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем" (с великолепным актерским ансамблем: В.Песов, С.Блинников, О.Абдулов, Ф.Раневская, В.Владиславский) и "Майская ночь" (среди актеров назовем С.Шкурата, Н.Ужвий, Т.Окуневскую). В 1944 году в Алма-Ате был создан фильм "Черевички". Эти три работы советских кинематографистов демонстрировались не только в городах и селах, но и во фронтовой обстановке.

Перелистывая сегодня пожелтевшие страницы фронтовых и армейских газет, встречаем в них в качестве боевых лозунгов слова из произведений Гоголя: "Пусть же пропадут все враги и ликует вечные веки Русская земля"; "Поднялась вся нация, ибо переполнилось терпение народа, – поднялась отомстить за посмеяние прав своих, за позорное унижение свое, за оскорбление предков"; "Да разве найдется на свете... такая сила, которая бы пересилила нашу силу, русскую силу!"

По-новому эти слова воспринимались в боевой обстановке. Они были не только своеобразным напоминанием о выполнении каждым солдатом своего гражданского долга, но и вселяли надежду, веру в торжество победы над фашизмом.

На страницах газет встречаем рисунки и подписи к ним, взятые из произведений писателя, под общей рубрикой "Почти по Гоголю", "На гоголевские темы" [3] и другие. На одном из плакатов "Окон ТАСС" был изображен Тарас Бульба. Художник смог при помощи гоголевского образа выразить призыв к защите Родины, к стойкости, непокорности, к святому гневу. О силе этих рисунков и плакатов хорошо сказал поэт-фронтовик Борис Палийчук: "Никогда не забыть мне боевых, суровых дней 1943 года. После разгрома гитлеровских полчищ под Сталинградом наша Советская Армия начала свой победоносный исторический путь на Запад. В одном из фронтовых изданий был

напечатан рисунок. На нем художник изобразил непокоренного, несломленного Тараса Бульбу, хотя враги и привязали его к столбу и подожгли. Рядом в огонь и дым с автоматом наперевес шел советский воин. Он спешил на зов народа, спешил изгнать с родной земли гитлеровских извергов. Под плакатом короткая подпись: – Слышишь, сынку? – Слышу, батько!"

Эти несколько перефразированные гоголевские слова волновали солдатскую душу, звали на победный бой, в бой за Родину, за свободу, за счастье народа" [4].

Повесть Гоголя "Тарас Бульба" политработники использовали в своей работе с бойцами. М.Осипов в статье "Книга на фронте" рассказывал, как он однажды перед лекцией подошел к политработнику и спросил, о чем он будет вести речь. И тот протянул листок. Все вопросы были так или иначе связаны с обороной. Один пункт показался М.Осипову оригинальным: "У Дубно Тарас Бульба расстрелял за измену своего сына Андрия. О долге и преданности" [5].

На огромную силу классической литературы, и в частности, Гоголя, в воспитании у бойцов чувства патриотизма, гордости за свою Родину указывал и С.Киселев [6]. Слесарь Харьковского тракторного завода П.Байдаков вспоминал: "Участник Великой Отечественной войны, я хорошо помню, как на фронте, в землянках и блиндажах, в минуты короткого отдыха, солдаты, собравшись у коптилки, читали и перечитывали "Тараса Бульбу". Бессмертная книга вдохновляла воинов на подвиги, на беззаветную борьбу с немецко-фашистскими бандами, напавшими на нашу родину. И сколько таких героев, как Тарас, мы видели среди своих солдат, простых, скромных советских людей, горячо любящих свою родину" [7].

Студенты режиссерского факультета ГИТИСа Дмитрий Лондон, Ольга Дзюбинская, Александр Конников по пути на передовую на станциях читали гоголевского "Тараса Бульбу". Особенно хорошо доносил до слушателей слово Гоголя Митя Лондон. Отрывок о клятве Тараса звучал как пламенная речь, сказанная от своего собственного имени, как напутствие перед боем бойцам, среди которых окажется и сам актер. Он погибнет в одной из очередных атак 1 марта 1942 года [8].

Бессмертная книга Гоголя "Тарас Бульба" вдохновляла советских людей на подвиг. Один из партизанских отрядов в самом начале войны был назван именем гоголевского героя. О бесстрашных подвигах

этого отряда ходили легенды. С.Журахович в очерке "Отряд Тараса Бульбы" писал: "Он не погиб. Нет, не погиб славный Тарас Бульба. Он живой и бессмертный, как живы и бессмертны славные традиции нашего народа, его вековечная борьба за честь, за свободу... Живут и бесстрашно воюют славные внуки Тараса Бульбы, навевают страх на фашистов. И в лесах украинских рождается чудесная легенда: партизанский Тарас Бульба, бессмертный воин и патриот, бьет и громит преданного проклятию врага нашей Отчизны" [9].

В годы войны бойцы в промежутке между боями читали произведения Гоголя. Так, воины из подразделения сержанта Горинкова путем громких чтоток познакомились с "Сорочинской ярмаркой" [10], а солдаты других подразделений читали коллективно в затишье после боя при тусклом свете коптилки повесть "Тарас Бульба" [10]. Заместитель политрука Геннадий Булдаков в трудные дни под Москвой, когда приходилось выкраивать несколько часов для сна, на лестничной площадке, едва освещенной коптилкой, в разбитом Плавске читал "Тараса Бульбу". "Третий раз перечитываю..., – говорил он. – До чего же сильно. Другое читаешь – полное равнодушие, а тут все забирает, прямо до души доходит" [11].

Г.Булдаков на фронте перечитал "Вечера на хуторе близ Диканьки", "Мертвые души", "Ревизор" и другие произведения. Слово Гоголя помогало бойцам преодолевать трудности, зажигало их на новые подвиги. У поэта-фронтовика были все основания сказать:

И в сорок первом шли на смерть солдаты.

С его "Тарасом Бульбой" в вещмешке.

К наследию Гоголя обращались и писатели. Строки из его произведений, гоголевские образы вводились в фельетоны, публицистические статьи. Так, фельетон Д.Заславского "Балканы в Берлине" построен на основе диалога Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем [12].

М.Марьянов своеобразно вводит гоголевского Поприщина в фельетон "Вшивые колумбы", повествующего о несбыточных мечтах Гитлера и его генералов стать новыми Наполеонами и Колумбами [13].

А.Твардовский, используя традиции фольклора и классической литературы, создает стихотворный фельетон "Письмо", в котором воспроизводит "грамоту-послание", написанное "потомками Тараса

Бульбы" танкистами непобедимой части Киевского Особого округа". "Гитлеру мерзкому, палачу безумному" [10].

А.Довженко в статье "Я вижу победу", написанной в своеобразной поэтической манере и повествующей о вступлении советских войск на территорию Украины, использует слова Тараса Бульбы о товариществе "В великое время мы подали, товарищи, руку на братство..." "Прожумели столетья, – пишет далее А.Довженко. – Грянул гром, и среди грома и грохота переключки веков звенят могучим набатом гордые слова Тарасовых правнуков... Поднимем же, братья, товарищество на такую высоту, чтоб радовало оно и освещало весь добрый человеческий мир" [10].

Слова о товариществе, о беззаветной любви к Родине приводятся и в передовой статье газеты "Красная Армия", посвященной "богатырскому подвигу Николая Голубятникова" [10].

Советские писатели в своих публицистических статьях и выступлениях используют не только отдельные выражения из произведений Гоголя, но и обращаются к художественно-изобразительным средствам. Поэтику повести Гоголя использует В.Кондратенко ("Потомки Тараса Бульбы" [10]), А.Фадеев ("Бойцам Нижнеднепровской стрелковой дивизии 37 армии" [14]) и другие художники слова.

В годы войны наблюдается своеобразное явление, когда гоголевские образы "трансплантируются" в другие произведения, переносятся в иную эпоху, в частности, в период борьбы с фашистскими захватчиками. Для К.Симонова образ Тараса Бульбы является символом мужества и стойкости и выражением глубокой связи между прошлым и новым поколениями в борьбе за свободу и независимость Родины. Рассказывая о последних минутах жизни гоголевского героя, о том, как "в дыму задыхается старый Тарас, прикрученный к дубу тройными цепями", как "сквозь пламя и дым куренным он велит рубиться весь век с бусурманскими псами", поэт переносит читателя на поле боя с фашистами, на котором находится танк с экипажем советских воинов, принявших решение сгореть, но не сдаться врагу:

Мы вспомним Тараса и песню споем,
Как пули свистали в клубящемся прахе,
Как трое танкистов сгорели живьем,
Не сдавшись в неволе, на Киевском шляхе.
Я знаю – Отчизна им силу дала,
Им службу Тарасова кровь сослужила,
Я знаю – она в это время текла
В их черных, от пламени вздувшихся жилах [15].

Поэт Л.Первомайский в стихотворении "Тарас Бульба" прибегает к приему "оживления героя", который сохраняет присущие ему характерные черты, но действует уже в новых исторических условиях. Тарас Бульба пытается помочь своему старшему сыну Остапу, который попал к гитлеровцам в плен. И на призыв Остапа Тарас отвечает:

Чую, сину!

Гнів людський виходить з берегів.

Хоч загину, а звільню Україну

Від неситих, лютих ворогів [3].

"Нынешнему, нашему Тарасу – потомку Тараса Гоголя, – писал академик А.И.Белецкий, – бесконечно дорога вся неразделенная советская Родина, созданная в результате совместного труда и борьбы. Гоголь был также одним из деятелей этого объединения, этого родства не по крови, а по душе" [3]. На это обратил внимание и М.Рыльский. Анализируя стихотворение Л.Первомайского, он подчеркнул, что поэт сумел в произведении выразить чувства любви к Родине всех честных украинцев, когда давал проекцию легендарного образа Тараса Бульбы.

Тему ответственности каждого человека перед Родиной, своим народом, верности клятве, данной перед товарищами по оружию, освещают многие писатели военных лет. Оригинально она интерпретируется и в творчестве писателей непрофессионалов. Белорусский партизан Е.Авсянкин создал поэму "Отец-патриот", которая вышла в типографии партизанской бригады им. А.Флегонтова. В ней поэт использует сюжет гоголевского "Тараса Бульбы", в частности, казнь Тарасом Андрия, но эта ситуация раскрывается на современном для автора материале. Обращение Е.Авсянкина к гоголевскому образу не случайно. Тарас Бульба был близок и дорог партизанам.

В поэме "Отец-патриот" рассказывается о том, как у старика Мирончика, который честно прожил свою жизнь, сын с приходом фашистов становится полицейским громилой. Отец не смог перенести такого стыда и уходит в партизаны. В одном из боев он встречается с сыном. Не задумываясь, он стреляет в него.

Поздно в бою сдаваться.

Быстро винтовку поднял,

выстрел мгновенно раздался

И сын, покачнувшись, упал [16].

Эти и другие примеры свидетельствуют о том, что для советских писателей образы и отдельные сцены из повести Гоголя "Тарас Бульба" служили средством более глубокого раскрытия остро звучавших в

годы войны тем о мужестве, долге, чести и т.д. Умелое вплетение в художественную ткань стихотворения, очерка знакомого образа или эпизода приближало произведение к читателю.

Некоторые художники слова, создавая свои произведения, опираются на гоголевские традиции. Как свидетельствуют многочисленные факты, к Гоголю обращаются обычно те писатели, которые любили его произведения. А.Фадеев, например, неоднократно перечитывал "Вия" и "Тараса Бульбу", читал наизусть многие отрывки из этих повестей своим знакомым. Десятки раз он упоминал имя Гоголя в своих статьях, считая его "величайшим реалистом прошлого", который приближался к "объективной исторической правде и в художественных образах, живущих века". А.Фадеев опирался на художественный опыт Гоголя во время осмысления конкретных теоретических вопросов. Отмечая мастерство и новаторство Гоголя-реалиста, он все же больше любил Гоголя-романтика. "Тарас Бульба" – одно из любимейших его произведений. Этим, очевидно, объясняется и то, что в "Молодой гвардии" находим отдельные сходные реминисценции с повестью Гоголя. Ощущаются в романе А.Фадеева и стиль "Тараса Бульбы", его поэтика. Вспомним сцену, как в страшных мучениях, в тоске невыносимой душа Шульги обращалась к Проценко и воспрощала: "Где же ты, Иван Федорович? Як ты? Чи жив ты? Бьешь ли ты проклятых ворогов, пересилил ли ты их, перехитрил ли ты их?" Заметны они и в описании боя партизан с фашистами, когда Проценко, как Тарас Бульба, обращался к своим товарищам: "Ну як, Корней Тихонович, трохи жарко?" – "Та не могу сказать, щоб прохладно, но еще и не жарко", – отвечает тот [17].

Составляя план произведения, А.Фадеев писал: "Шульга и Валько в тюрьме. Юмор, взаимная поддержка, презрение к немцам, как казаки-запорожцы". Эта мысль нашла очень яркое художественное воплощение в романе. Поведение Валько и Шульги в тюрьме во время допроса, их диалог после схватки (А ты дюжий казак, Матвей...) – "И ты добрый сичевик, Андрий, ох добрый!") напоминают сходные ситуации в жизни гоголевских героев, воскрешают отдельные их черты. В то же время Фадеев показывает, что стойкость и мужество Шульги и Валько, их ненависть к врагам, взаимовыручка формируются в иных исторических условиях. Перед нами советские люди, которые формировали свою волю в борьбе с врагами Отечества, с теми трудностями, которые приходилось преодолевать им в жизни.

Далее Фадеев развивает мысль о товариществе. Исповедуясь друг другу о пройденном пути, Шульга и Валько гордятся тем, что они

всю свою жизнь честно трудились, не уходили от трудностей, были всегда на переднем крае вместе с народом. Шульга и Валько – это товарищи по тому святому делу, которому они служили всю жизнь – борьбе за счастье людей. И Валько горд, что они с Шульгой – товарищи по борьбе и труду – остаются такими же честными и стойкими и в свой смертный час.

Эти и другие примеры свидетельствуют о том, что Фадеев творчески развивает гоголевские традиции, умело использует стилистические приемы его произведений.

В критике уже неоднократно указывалось и на влияние "Тараса Бульбы" Гоголя на повесть Б.Горбатова "Непокоренные". Гоголевское начало заметно как в пафосе изображения народной борьбы против фашизма, так и в аналогии имен основных героев, в использовании романтических приемов, фольклора, в развитии психологизма, гуманизма, гражданственности, в ритмическом повторении фраз. Но самое главное – это то, что Б.Горбатов, вслед за Гоголем, изображает своих героев в неразрывной связи с народными массами, с борьбой всего украинского народа. Образы Тараса, Степана, Насти при всей их монументальности ярче видятся именно в сочетании со всей многоголкой народной средой, в недрах которой таятся силы, помогающие выстоять в жестокой борьбе. Смысл жизни для обоих Тарасов – в свободе их Родины и народа. Сравнивая многие эпизоды из жизни героев, поступки Тараса Бульбы и Тараса Яценко, Остапа и Степана, Андрия Бульбы и Андрия Яценко, отношения отцов к своим детям, находим немало сходного. Но это не слепое подражание, а творческий, новаторский подход к использованию традиций великого предшественника. Внутреннее родство этих двух произведений заметил и известный кинорежиссер М.С.Донской. Создавая в годы войны фильм "Непокоренные" по повести Б.Горбатова, он заявил в своем интервью: "Эпиграфом к фильму "Непокоренные" мы избрали слова Тараса Бульбы: "Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая пересилила бы русскую силу!" Этот мотив звучит во всем поведении Тараса Яценко, в его поступках, мыслях, порывах и желаниях. Эти чувства – чувства людей, непокорившихся немцу, и уверенных в своей победе, владеет каждым украинцем" [3].

Приведенные нами примеры, а их можно было бы увеличить, свидетельствуют о том, что произведения Гоголя нашли своего читателя среди бойцов на фронте, использовались в пропагандистской работе, служили средством патриотического воспитания, осмеяния врага. Гоголевские традиции получили дальнейшее развитие в твор-

честве советских писателей. "Трансплантация" гоголевских образов, их оживление, ретроспектива помогли Л.Первомайскому, К.Симонову, В.Луговскому и другим писателям глубже выразить мысль о защитниках Родины, раскрыть лучшие черты нашего народа. Обращение А.Фадеева, Б.Горбатова к повести Гоголя не лишило их творческой оригинальности, а, наоборот, помогло глубже, интереснее, художественно достовернее раскрыть важнейшие проблемы, связанные с борьбой народа с фашистскими захватчиками.

Творческое наследие Гоголя оказалось действительно и в самые трудные для нашей Родины дни борьбы с фашизмом, помогало приблизить нашему народу счастливый день Победы.

Литература

1. Гоголь Н.В. Избранное / Подготовка текста и вступ. статья "Гоголь и Родина" С.Н.Дурылина. – М.: Гослитиздат, 1943. – 116 с. На обложке: Писатели-патриоты Великой родины; Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки / Илл. В.Двораковский. – Л.: Гослитиздат, 1944.

2. Коротков Г. Слово о Федоре Мишине // Когда пушки гремели. – М.: Искусство, 1973.

3. Правда Украины. – 1944.

4. Київський комсомолецъ. – 1959.

5. Осипов М. Книга на фронте // Красная звезда. – 1944.

6. Киселев С. Художественное слово на вооружении бойца // Красная Армия. – 1943.

7. Красное знамя. – 1952. – 4 марта.

8. Талант и мужество. Воспоминания. Дневники. Очерки. – М.: Искусство, 1967. – С. 152.

9. Комунист. – 1941.

10. Красная Армия. Красноармейская газета Киевского особого военного округа, затем Юго-Западного фронта.

11. Литература и искусство. – 1944.

12. Заславский Д. Фельетоны. – М.: Правда, 1949.

13. Марьянов М. Вшивые колумбы // Красная Армия. – 1942.

14. Вопросы литературы. – 1972.

15. Симонов К. Тарас Бульба // За честь Родины. – 1944.

16. Зазеко И.В. Традиции русской и белорусской литературы на страницах партизанской печати // Учен. зап. / Белорусс. гос. ун-т. – Вып. 39. Серия филологическая. – 1957.

17. Фадеев А.А. Собр. соч.: В 7 т. – М.: Худож. лит., 1970.

**ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ГОГОЛЯ
В СЦЕНИЧЕСКОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ
КОРИФЕЕВ
УКРАИНСКОГО
ТЕАТРА**

Твори М.Гоголя в репертуарі Миколи Садовського

"Всі ми пішли від Гоголя, – писав видатний український діяч театру Микола Садовський, – це наш великий учитель. Поруч з безсмертним Тарасом Шевченком геній Гоголя завжди буде витати в нашій літературі. Люблю Гоголя за його любов до народу, за любов до нашої пісні (а пісня – то душа народу), за любов до меншого брата-мужика, за його ненависть до чиновників та градоправителів – душителів свободи!" [1].

Ці слова Миколи Карповича Садовського, видатного актора, режисера, організатора театральної справи в Україні, можуть служити основою для подальшого викладу матеріалу, пов'язаного з його практичною діяльністю, для ознайомлення українського читача з творами М.Гоголя рідною мовою, втіленням його спадщини на українській сцені.

Любов М.Садовського до М.Гоголя виразилася перш за все у глибокому знанні творчості письменника. Він був не просто читачем, а перекладачем, видатним тлумачем творів письменника на сцені.

М.Садовський переклав українською мовою "Тараса Бульбу", "Ревізора", "Мертві душі", "Шинель", "Коляску", "Записки божевільного", "Іван Федорович Шпонка та його тітка", "Оглядини" ("Женитьба"), "Сутяжництво" ("Тяжба"), "Вечори на хуторі біля Диканьки", інсценізував повісті "Сорочинська ярмарка", "Як посварився Іван Іванович з Іваном Никифоровичем" ("За масляні вишкарки").

М.Садовський-перекладач – це особлива тема, яка заслуговує на спеціальну розмову, бо це яскрава сторінка в історії літератури.

Серед різних постановок, здійснених М.Садовським за творами М.Гоголя, виділяються дві – "Тарас Бульба" і "Ревізор". Повість М.Гоголя "Тарас Бульба" Микола Карпович любив і про це неодноразово заявляв у своїх виступах. Він вважав, що коли б Гоголь написав лише одного "Тараса Бульбу", то й цим твором він віддячив би народові, що породив його. Образ Тараса Бульби М.Садовський розціню-

вав як такий, у якому найяскравіше втілено "національні риси патріота-українця".

Тож коли Михайло Старицький написав п'єсу за славнозвісною повістю, М.Садовський включив її до репертуару свого театру. Незадовго до цього він створив у 1906 р. разом з М.Заньковецькою на основі ніжинської і полтавської труп перший на Україні стаціонарний театр. У сезоні 1908–1909 років і була поставлена вистава "Тарас Бульба", для якої вперше готувалися декорації, костюми, реквізит. Як відзначає відомий режисер В.Василько, який у цей час працював у театрі "постановка "Тараса Бульби" – одна з програмних, капітальних робіт Миколи Карповича. У ній яскраво була втілена тема патріотизму, вірності, братерства. Перше враження від вистави – це нічого показного, нарочито підкресленого. Їй притаманні суворість і простота. Усе гранично реальне, переконливе, глибоко правдоподібне. І в грі акторів, і в костюмах, і в декораціях – у всьому була глибина і велич творчого задуму авторів спектаклю, ніякої помпезності, театральщини, до якої легко можна було б вдатися при постановці історичних п'єс" [2].

М.Садовський був завжди уважний до створення вистави, до кожної дії, продумував до дрібниць кожну мізансцену. В першій дії події відбуваються на подвір'ї садиби Тараса Бульби. Чітко виписана декорація: добротна хата заможного козака з невеличким ганком, через усю сцену – частокіл, посередині її широка брама з хвірткою. Ліворуч на передньому плані – міцний, величезний дуб, під яким стоїть стіл і лави. Все зроблено на совість: добротно, міцно. Саме тут відбудеться знаменита сцена зустрічі Тараса з синами Остапом та Андрієм, які повернулися з Київського колегіуму.

Тараса Бульбу грав сам Микола Садовський. Він ретельно продумав як вбрання, одягнувши білий жупан, який пасував до його сивої чуприни та вусів, червоні шаровари і такі ж чоботи, дорогий "слуцький" пояс, на якому зависала крива шабля, два пістолі, порохівниця, пірнач, так і зовнішні риси, які проявлялися в густих бровах, орлиному пронизливому погляді. Микола Карпович добре володів зміною голосу та пластичністю руху. І тут він обрав трохи хрипливатий, але міцний голос, а також тверду, хоча і старечу, ходу.

Роль Остапа грав один із видатних учнів М.Садовського Олександр Корольчук, який був у театрі вчителя з дня його заснування і до 1920 року. Високий на зріст юнак з розвиненою мімікою та пластичною виразністю, хорошим голосом – таким залишився він у пам'яті сучас-

ників. О.Корольчук грав переважно характерні ролі. Серед кращих його робіт і гоголівські образи: Хорунжий ("Вій"), Чарівник ("Страшна пошта") та Остап ("Тарас Бульба").

Андрія грав видатний актор Іван Мар'яненко, який працював у театрі з 1906 р. Він мав "прекрасні зовнішні та внутрішні дані – високу струнку постать, красиве обличчя, чудовий грудний голос, наявність певної акторської психотехніки, високу загальну культуру" [3].

Підбір акторів на головні ролі відповідав гоголівським типам героїв: високі, статні, дужі стоять сини перед Бульбою. "Тарас глузує з їхнього довгополого вбрання. Андрій (І.Мар'яненко) стоїть засоромившись, а в очах Остапа (О.Корольчук) забігали бісики завзяття. Починається бій навкулачки батька з сином. У цій сцені не було ніякої метушливості, комедійності, події будувалися на цілковитому серйозі: випробування силою, ділом, а не словами. Тарас захоплювався, навіть пишався Остапом. Він бачив у ньому свою молодість, і сам ніби молодшав" [4].

М.Садовський продумав кожну картину. Закінчилася зустріч з дітьми. Пішли розмови про подальшу їх долю. І глядач, слідкуючи за Тарасом – М.Садовським, розуміє, що збудження героя не випадкове. Він вважає, що змужніти сини зможуть лише на Січі, і це означає, що необхідно їхати туди зараз. Емоційність Тараса, коли він б'є горшки, викликана саме цим рішенням, цим піднесенням почуттів.

Глибоко психологічно розкрита сцена прощання матері з синами. Образ матері створила видатна актриса Ганна Борисоглібська. Невисока на зріст, огрядна, з круглим обличчям, хитруватими очима, трохи хрипливатим голосом, актриса уміла яскраво створювати побутові образи. І в цій сцені бачимо, як Г.Борисоглібська правдиво, щиро, з великим драматизмом передає материнські почуття. Ніч. Мати, схилившись над головами своїх синів, проголошує, причитаючи в стилі народного голосіння, монолог. І в характері його виголошення відчувається, що мати назавжди прощається зі своїми дітьми. Материнське серце підказує їй, що вона їх більше не побачить. Це справляє сильне враження.

Усі, хто працював разом з М.Садовським, зокрема В.Василько, І.Мар'яненко та інші, звертають увагу на вміння режисера організувати масові сцени. М.Садовський досить чітко все продумував, вибудовував. Кожний персонаж масовки відігравав свою функціональну роль. І у виставі "Тарас Бульба" теж дуже вдало поставив народну

сцену під Дубно. "Біля фортеці, що видніється вдалині, розкинувся військовий табір козаків, оточений возами з гарматами. Відчувається суворий побут походу, похмурий гумор, військова дисципліна. Кожний знає своє місце і завдання. Все організоване, чітке, виразне. Спускається ніч, і у таборі поступово стихає вир життя. Своєю природністю і невимушеністю ця сцена справляє сильне враження" [5].

Тарас Бульба приліг на возі. Він стомився і заснув. Прокидаючись, він промовляв лише одну фразу. Але робив це М.Садовський природно, й аніскілечки не відчувалося ніякої гри. Це був природний стан людини, що, не розслабляючись, поринала в сонне забуття. І тому Тарас не звернув уваги ні на жінку-татарку, ні на сина Андрія, які витягли у нього з-під голови мішок з хлібом. Монотонно щось промовляючи, Тарас повернувся на інший бік. І все це зроблено М.Садовським психологічно правдиво.

Велике враження залишала сцена зустрічі Тараса з Андрієм під час бою і його страти. І знову М.Садовський глибоко розкриває свої переживання. І тут відіграють і міміка, й інтонації голосу, і ритм гри. Посередині сцени твердо, трохи розставивши ноги, стоїть Тарас – Садовський і суровим поглядом дивиться на Андрія. І може, перед Бульбою промайнули хвилюючі епізоди з дитячого та юнацького життя сина, який зрадив надії батька. І ось звучить суворий, трохи надтріснутий голос батькового вироку: "Я тебе породив, я тебе і вб'ю". І в цій мізансцені двоє: батько і син. Хоча на сцені багато козаків, але глядач не звертає уваги на них. Усе зосереджено на двох, на тій трагедії, яка розіграється за хвилину. А зараз батько й син пильно дивляться один на одного, і їх погляди зійшлися. Але в цю хвилину батько втратив не просто сина, а захисника Батьківщини, а тому природним і був вистріл і слова: "Чим не козак був?" І в цих словах відчувався страшний біль і глибокий батьківський сум. Усю цю сцену М.Садовський будував на поглибленому психологізмі. І не відчувалося тут сценічної гри. М.Садовський передавав глибоке батьківське горе. "Це була справжня патетична трагедійна сцена", – підкреслював В.Василько.

Продумано була поставлена і остання сцена загибелі Тараса. Фінал п'єси. Охоплений полум'ям, Бульба, перериваючи слова від болю і задухи, бо йому не вистачає повітря, кричить козакам, які знаходяться біля човнів, як можна урятуватися, і закликає повернутися і віддячити ляхам по заслугам.

Вистава була зіграна майстерно, бо всі актори відчували особливу відповідальність. М.Садовський добивався від кожного актора точної передачі характеру героя, створення того типу, який би відповідав епосі. Учасник цього колективу актор І.Мар'яненко відзначав, що М.Садовський краще поставив цю виставу, ніж М.Кропивницький: "І декорації, і костюми, і масові сцени, і музичне оформлення – все перевершувало давню поставу Марка Лукича. Спектакль звучав як широке монументальне полотно героїчних подій. Та прекрасне в цілому виконання Тараса Садовським вже не могло дорівнятись до виконання Кропивницького, – Миколі Карповичу не вистачало голосових ресурсів" [6]. І все ж М.Садовський по-своєму зумів майстерно створити образ Тараса, який надовго запам'ятався глядачам.

До постановки п'єси М.Гоголя "Ревізор" М.Садовський готувався заздалегідь. Спочатку він переклав її українською мовою, а потім продумував характер її втілення на сцені, бо відчував з боку деяких діячів театру та журналістів негативну реакцію на його працю. Журнал "Театр и искусство" писав: "Хохлы после гопаков и горилки на театральных подмостках вздумали удивить мир постановкой пьесы "Ревизор" Гоголя, и, как слышно, в первый раз она пойдет в театре Садовского в Киеве. Это номер..." [7]. Деякі критики задум М.Садовського сприймали як "нахабність".

Сам режисер розумів, що постановка "Ревізора" – це певний іспит "на право стати з високо піднесеною головою серед усіх європейських театрів" [8]. Тому необхідно було зосередитись і, як висловився М.Садовський, "усім ворогам української культури заткнути пельку" [9].

Перш за все М.Садовський, працюючи з акторами, намагався відключити їх від того шаблону, який уже утвердився в театрі щодо постановки "Ревізора" і гри на сцені. Він вимагав творити характер, ліпити образ персонажа, пам'ятаючи, що подібні типи зустрічаються не лише в Саратовській губернії Росії, а й на Україні. "Хоч Гоголь і написав п'єсу по російському... – звертав увагу М.Садовський, – але він, мабуть, сам того не почував, що всі дієві особи його суто українські типи, якими тоді кишіла наша благодатна Україна" [10].

Колектив театру відчував відповідальність і довго працював над п'єсою. Було проведено понад 20 репетицій і лише після цього вирішено було показувати виставу глядачам.

М.Садовський уважно поставився до відбору акторів і розподілу ролей. Наводимо список виконавців першої постановки "Ревізора" на сцені:

Городничий – М.Садовський.
Жінка його, Анна Андріївна – О.Полянська.
Марія Антонівна, дочка їхня – Л.Петляш.
Хлестаков – І.Мар'яненко.
Бобчинський – І.Загорський.
Добчинський – І.Ковалевський.
Купець Абдулін – Ю.Милович.
Суддя Ляпкін-Тяпкін – М.Вільшанський.
Попечитель богодільні Земляника – Ф.Левицький.
Директор шкіл Хлопов – Г.Березовський.
Поштмейстер Шпекін – О.Певний.
Коробкін – Є.Рябчинський.
Слюсарша – Г.Борисоглібська.
Унтер-офіцерша – П.Колісничиха.
Підшльопкіна – М.Марченко.
Держиморда – Я.Зубко.
Свистунов – М.Миленко.
Мишка – Я.Доля.
Лікар Гібнер – К.Верховинець.
Йосип – С.Паньківський.

Переважна більшість акторів – це самобутні особистості, які поставилися до роботи з усією відповідальністю. Хвилювалися. Виконавець ролі Хлестакова відомий актор І.Мар'яненко зізнавався, що перед ним, актором, який здебільшого грав пристрасно героїв у козацькому вбранні, стояло вельми складне завдання створити образ хвалька, "що не має ніякого контролю над своїми словами і вчинками, що паморочить інших брехнею, як чимось цілком реальним; я мусив втілити істоту, вдягнути у випадково вцілілий фрак – "свистульку" з підрізаними полами, – істоту з такими ж дрібними руками, яке дрібне було життя Хлестакова до фатальної помилки, коли його прийняли за ревізора. Воістину колосальні труднощі стояли передо мною" [11].

Напруга, хвилювання були не лише серед акторів, але і в залі, серед глядачів, бо чекали, що ж то покажуть актори і чи будуть танцювати чиновники гопак, підкріплюючи його горілкою. Але були і ті, що сподівались на успіх, бо вірили М.Садовському, його таланту.

І.Мар'яненко стверджував, що в першій дії "від хвилювання навіть у Садовського рвався і не слухався голос". Був знижений темп. Але актори, переборовши хвилювання, провели нормально не лише першу дію, але і другу. "У третій дії, починаючи зі сцени Мар'ї Антонівни та Анни Андріївни, настає чіткіший перелам у сприйманні вистави, а четверта дія вже завойовує переважну більшість глядача. Проте меншість протестує і демонстративно залишає театр. У п'ятій дії стає ясно, що перемога на нашому боці" [12].

Вистава йшла в реалістичному плані. І М.Садовський, і актори, які були зайняті у ній, намагалися підкреслити сатиричний бік твору, соковито подати кожний образ. Поступово створився чудовий акторський ансамбль. Кожний сам по собі і в цілому разом подали п'єсу М.Гоголя майстерно.

Скрізь, де показували виставу, її приймали захоплено, нагороджуючи акторів гучними оплесками та неодноразовими викликами на сцену. Але були й ті, що у пресі намагались применшити успіх вистави.

М.Садовський включив п'єсу М.Гоголя "Ревізор" і в програму гастрольної поїздки до С.-Петербурга. Звичайно, хвилювалися ще більше – "Ревізор" у столиці малоросійською мовою! Як поставиться глядач, чи приймуть виставу? Ці та інші питання виникали неодноразово.

Актор Григорій Березовський, який виконував роль директора шкіл Хлопова, у своїх "Згадках" наводить свідчення і про поїздку до столиці: "Усі хвилювалися, – зазначає він, – як прийме нас столична публіка. Перед початком вистави швейцар доповів Миколі Карповичу, що О.С.Суворін (редактор газети "Новое время" і відомий театральний діяч – Г.С.) хоче бачити п.директора. Увійшов Суворін – величезного зросту і на вигляд "стопроцентний бюрократ". Привітавшись з Миколою Карповичем, почав іронічно розпитувати, у чім граємо "Ревізора" – чи у свитках, чи в "зипунах". Микола Карпович посміхаючись запитав його: "А в чім на російській сцені грають "Отелло", співають "Ріголетто", "Сільську честь"? "Обидва засміялися, і Суворін сказав: "Подивимось, подивимось!" Під грім оплесків пройшли перші три дії. Після третьої дії знов підходить за куліси Суворін, з ним два генерали з царськими коронами на еполетах. Суворін приходить до Миколи Карповича і, відаючи рукою доземний уклін, урочисто каже: "Привіт тобі, Миколо Карповичу, від усього Петербурга! Спасибі! Ніяк не сподівався! Адже Александрінка–коліска "Ревізора", але ти вніс щось свіже, нове. Я

відчуваю запах гоголівських степів". Після останньої дії викликали всіх без кінця, доки не опустили залізної завіси" [13].

Газета "Обозрение театров" писала про виставу: "Безсмертна комедія Гоголя знайшла собі гідних втілювачів у особах малоросів. Геніальна сатира, пройнята блискучим гоголівським гумором, якнайкраще підходить до вчорашніх виконавців. Багато продуманості, багато життя в їхній грі.

Особливо хороший п.Садовський. У кожному русі, у кожному слові талановитого актора відчувається цілісний і завершений тип городничого... Уся мерзотність провінційного, дрібного чиновницького оточення, яке тремтіло перед приїздом всевладного ревізора, здавалася опуклою, рельєфною. Пан Мар'яненко, що виступив у ролі Хлестакова, дає правдивий образ порожнього петербурзького фата, що волею долі потрапив у "каліфи на годину". Решті виконавців удалося підтримати чудовий ансамбль" [14].

Постановка "Ревізора" в театрі М.Садовського довела не тільки спроможність акторів упоратися зі складним сценічним матеріалом, витримати екзамен "на акторську дозрілість" (І.Мар'яненко), а й підтвердити, що українською мовою можна грати будь-яку п'єсу, майстерно перекладену з іншої на рідну мову. Вистава "Ревізор" розвіяла всі підозри і недоброзичливі нарікання, недоречні і несправедливі насміхання. Видатним майстрам української сцени М.Садовському, І.Мар'яненку, І.Ковалевському, Ф.Левицькому, Г.Борисоглібській та іншим були посильні образи світової драматургії.

М.Садовський, створюючи різнохарактерні образи Тараса Бульби і городничого Сквозника-Дмухановського, продемонстрував не лише свою акторську майстерність, а й започаткував як режисер постановку на сцені творів М.Гоголя українською мовою, бо до цього "Ревізор" ішов лише російською. Внесок М.Садовського у сценічну українську Гоголіану був настільки показово виразним, що може ще довго слугувати прикладом для подальшого його наслідування.

Література

1. Василько В. Микола Садовський та його театр. – К.: Держ. вид. образ. мист. і муз. літ., 1962. – С. 21.
2. Там само. – С. 59.
3. Там само. – С. 192.
4. Там само. – С. 136.

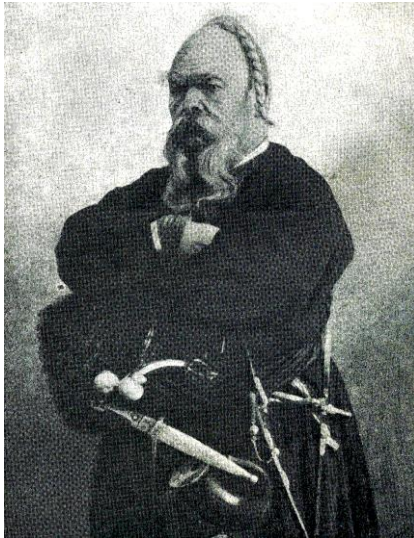
5. Там само. – С. 53.
6. Мар'яненко І. Минуле українського театру. Зустрічі, творча праця. – К.: Мистецтво, 1953. – С. 164.
7. Садовський М.К. Мої театральні згадки. – К.: Держ. вид. образ. мист. і муз. літ., 1956. – С. 164.
8. Там само.
9. Там само. – С. 165.
10. Там само. – С. 165.
11. Мар'яненко І. Минуле українського театру. Зустрічі, творча праця. – К.: Мистецтво, 1953. – С. 159.
12. Там само. – С. 160.
13. Державний музей театрального мистецтва України, інв. №4056.
14. Обозрение театров. – 1911. – 24 марта.

Гоголівський Тарас Бульба у сценічній інтерпретації корифея української сцени Марка Кропивницького

Рідко зустрінеш українську інтелігентну сім'ю XIX ст., у якій би не любили твори М.Гоголя, не зачитувалися його малоросійськими повістями. Родина Кропивницьких не була винятком. Про це розповідав сам Марко Лукич, згадуючи свої дитячі та юнацькі роки. У своїй автобіографії він писав: "Увечері до дядьків збирались товариші, найпаче у неділю, частувалися, співали... Іноді грали в карт, у преферанс, а іноді і читали гуртом, найчастіше Гоголя і "Енеїду" Котляревського" [1]. Тому гоголівські герої рано увійшли до читацьких інтересів Марка Кропивницького. Тож пов'язавши своє життя зі сценою, він хотів утілити у сценічній інтерпретації долю гоголівських персонажів. І це вдалося здійснити акторові. Він зіграв у виставах "Ревізор" (городничий, Хлопов) та "Одруження" (Ячіниця, Анучкін), а також у п'єсах, створених на сюжети гоголівських повістей: "Сорочинський ярмарок" (кум Цибуля), "Тарас Бульба під Дубно" (Тарас), "Вій" (Сотник), "Пропавша грамота" (Гаврило Суховій), "Царичині черевички" (Пацюк), "Утоплена" (голова Макогоненко), "Русалка" (Мельник).

Починаючи з 1884 р. в "Ревізорі", а з 1892 р. в інших гоголівських виставах, Марка Кропивницького бачили глядачі Одеси, Курська, Ромен, Харкова, Києва, Севастополя, Москви, Петербурга, Вільно, Варшави, Чернігова, Кишинева, Миколаєва, Полтави, Катеринослава та інших міст. У деяких із них він під час гастролей виступав неодноразово, зокрема, у Харкові, Одесі, Києві, Москві, Петербурзі.

Останній раз М.Кропивницький, гастролюючи з трупою Волика в Петербурзі, виступив 16 березня 1904 р. у "Сорочинському ярмарку", а 31 березня – у "Вії". Останні шість років до самої смерті 8 квітня 1910 р. актор уже не грав у виставах на гоголівські сюжети, бо часто хворів, виступав у чужих колективах, у репертуарі яких не було вищезазначених п'єс на гоголівські сюжети.

М.Л.Кропивницький – Тарас Бульба

Важливою сторінкою у творчій біографії Марка Кропивницького була робота актора над роллю Тараса Бульби у виставі "Тарас Бульба під Дубно" за інсценізацією Костянтина Ванченка-Писанецького за повістю М.Гоголя [3]. Перший раз виставу показали на гастролях у Курську 17 січня 1893 р. [4]. Цю інсценізацію побачать шанувальники театру багатьох міст протягом тривалого часу.

Уперше в Україні виставу показали 15 серпня 1893 р. у Харкові [5], де базувалася власна трупа М.Кропивницького. Але на початку 1893 р. ця трупа розпалась, і керівник змушений був набирати нову. І ось у репертуарі цієї трупи п'єса "Тарас Бульба під Дубно" закріпилася надовго. Після Харкова [6] її часто показували під час гастролей по Україні у 1894–1896 роках у Чернігові, Ніжині, Гомелі, Бобруйську, Києві, Катеринославі, Одесі. По-різному складався репертуар театру, тому виставу "Тарас Бульба під Дубном" ставили двічі (26 липня та 18 серпня).

Інтерес до цієї вистави був у глядачів постійним. І не лише тому, що це був знайомий гоголівський сюжет, а більше шанувальників театру зацікавила його інтерпретація на сцені. Автор інсценізації К.Ванченко-Писанецький виділив із повісті чотири основних епізоди, які найбільше хвилювали читачів: зустріч Тараса з синами, прощання ма-

тері з Андрієм і Остапом, убивство Тарасом Бульбою свого сина Андрія та власна смерть Тараса, коли поляки прив'язали його до дерева і підпалили. І саме ці сцени дали можливість розкритися багатьом акторам, які брали участь у виставі.

Критика постійно відзначала гру М.Кропивницького, підкреслюючи, що він це робить жваво і викінчено. Вражав глядачів і акторський "оксамитний, широкого діапазону міцний бас-баритон, що так імпував у "Тарасі Бульбі" [8]. Як відзначав Г.Маринич, "у цій ролі Кропивницький перевілювався до невпізнання: зовсім інша, велична постать, і мова, і орлиний погляд, і тверда, широка хода, і поведінка військового" [9].

Спогади акторів дають можливість відтворити основні картини інсценізації. Її автор дещо відступає від гоголівського тексту повісті, бо необхідно було створити її сценічний варіант. Декорація першої дії в основному співпадає з гоголівським описом Тарасової світлиці: "Середина хати Тараса Бульби. Двоє вікон. Двері посередині – надвір, двері праворуч – у другу кімнату. Праворуч – великий стіл, покритий великим килимом, а зверху – гаптованою українською скатертиною. На столі – дзбани, келихи, дерев'яний посуд з бутафорськими стравами, між якими – шматочки справжнього сала, ковбаси та хліба. Лави понакриті килимами, табурети в червоних чохлах. На стіні – щит, обтягнутий килимом, на ньому висять шаблі, пістолі, кремінні рушниці, порохівницці. На вікнах і дверях – українські ткани рушники" [10].

І ось на сцені бачимо Тараса Бульбу – Марка Кропивницького, який сидить на лаві. Він одягнутий у широкі червоні шаровари, підперезані зеленим поясом, червоні чоботи, білу вишивану сорочку. На його обличчі виділяються білі довгі вуса, біла чуприна – оселедець, кінець якого закладений за ліве вухо, сиві наклеєні брови і горбинка на носі. А з-під брів дивляться розумні, надзвичайно виразні очі. Чекаючи синів, Тарас – Кропивницький перебирав струни на бандурі, до речі, актор добре умів грати, і співав пісню "Ой під лісом та під Лебедином". "Під м'які, чарівні звуки бандури оксамитно, з глибоким почуттям ллється пісня", – зауважує актор Іван Мар'яненко, який грав також з М.Кропивницьким у цій виставі [11].

Клопочеться біля столу дружина Тараса Соломія (арт. Г.Борисоглібська), турбується про своїх синів: "Як то вони доїдуть?" У цей час заходять сусіди – Товкач, Шило та інші. "Вони вносять із собою жвавий, бадьорий настрій. Змінився ритм, задзвеніли келихи, заграли яскравими барвами жупани" [12].

З'являються сини Остап і Андрій. Змінюється і тональність розвигу дії вистави. Звучить перша репліка Тараса: "А повернись, сину, цур тобі, який ти смішний. А ну, побіжи котрий з вас, чи не впадеш, заплутавшись у поли?.." У цих словах відчувається і задержуватий характер Тараса, і гордість, що, нарешті, прилетіли його богатирського складу сини-соколи, і гумор.

Остап ображається і кидає різкувато, але з гордістю слова: "Ой, не смійся, батьку! далєбі поб'ю". "Тарас – Кропивницький, ховаючи внутрішнє захоплення, якось через сміх, що від нього весь він труситься, цілком серйозно дивується: "Як, батька?.." – і далі всю бійку веде дуже легко, на жартівливому серйозі, без фізично-м'язового напруження" [13]. І лише після того, як Остап подужав Тараса, батько цілується з сином, промовляючи: "Отак, синку, бий усякого, хто зачепить!" Гра акторів у цій сцені була настільки природною і майстерно побудованою, що завжди викликала захоплення і гучні оглєски.

Порівняно з гоголівським текстом, в інсценізації з'являються нові персонажі, зокрема, Кобзар, який приносить звістку про те, що польська шляхта плюндрує рідний край, знущається з людей. Настрій у присутніх змінюється. Обурення, гнів чується із вуст козаків, які хапаються за шаблі. Тарас Бульба з обуренням, психологічним надривом б'є горшки, вигукуючи: "На біса мені ця хата! На біса мені ці горшки! Завтра ж їду з синами на Запоріжжя". Його підтримують і сусіди.

Усі розходяться. Залишається у хаті лише Андрій. Біля сонного сина затримується мати і виголошує монолог, у якому передає гарячу материнську любов і тугу. Що чекає на її синів-соколят, чи зможе вона знову їх побачити? Допомагає актрисі Ганні Борисоглібській передати материнське горе, щем серця, тугу самотності музичний супровід. Музика дає можливість прискорити розвиток дії. Завершальні музичні акорди передають почуття пробудження. Світає. Виходять Тарас з Остапом, щоб зібратися у дорогу.

М.Кропивницький у сцені прощання дружини-матері з чоловіком та синами відходить від гоголівської трактовки поведінки Тараса. У цей час він проявляє чутливість до своєї дружини. Іван Мар'яненко згадував:

"Тарас по паузі спиняється перед матір'ю, що сидить скорботно, схиливши голову, над Андрієм. Старий хитає головою і, зітхнувши, промовляє: "Ну, пора, пора!" В цьому "пора" звучить і готовність до

виконання рицарської повинності захищати рідний край від напасників, і людське почуття до материнської любові.

– Поблагослови дітей своїх. Материна молитва зо дна моря винесе, – стримуючи глибоке хвилювання, говорить Тарас.

Мати теж насилу стримується, проказуючи благословення. Сцена набуває глибоко драматичного, затамованого напруження: здається, от-от вирветься зойк із материних грудей.

Та старий Бульба – Кропивницький швидко піднімає синів:

– Ну, синки, час, час!

І тут мати в пориві кидається до дітей, благає Тараса залишитися ще трохи. Тарас стримує її і свої почуття, що перехоплюють йому голос. Останній зойк – і мати, як підкошена, падає на руки Тарасові.

– А, мати!.. – тамуючи велику схвильованість промовляє Бульба – Кропивницький і швидко виходить з рішучим наказом: "На коней!" [14]. У цей час вибухнула пісня "Засвітали козаченьки". На сцені залишається осиротіла жінка й мати, яка схилилась на одвірок і плаче. Не витримуючи своєї туги, вона знепритомнівши падає на землю. Поступово стихає пісня.

"Від цієї мужньої гамми почуттів, – зауважує І.Мар'яненко, – заходиться серце і підступають до горла сльози навіть у нас, виконавців ролей Андрія й Остапа. Публіка теж плаче" [15].

Критика постійно відзначала сцену підготовки козаків до бою з польською шляхтою під Дубно, насичену стурбованістю Тараса про зникнення сина Андрія, думкою про зраду, сумнівами і, нарешті, зустріч з ним.

Тонкий психологічний малюнок зміни думок з чимраз чіткішими, виразнішими інтонаційними барвами, переконання в зраді сина. Мимохіть захоплюєшся і живеш почуттями героя. І ось Тарас довідується про зраду Андрія. Враз гостро змінюється ритм. В очах замигтіли блискавиці. Мов грім, лунають бурхливим рокотом страшні прокльони, заповнюючи сцену й зал. Акторам не вистачає сили дотримуватися відповідного тону. Напруження невпинно зростає. Починається бій.

"Рубаючи направо й наліво, влітає на сцену Андрій.

– Стій! – гукає Тарас.

Велика пауза. Під важким поглядом Тараса Андрій немов кам'яніє.

– Ну що, синку, допомогли тобі твої ляхи? – стримуючи себе величезним напруженням волі, удаючи спокій, важко промовляє Тарас –

Кропивницький. – Так продати віру, продати своїх... – За цим спокоєм, за цією непорушністю почуватися внутрішнє клетотіння гніву й розпачу, а разом – болю й сорому за сина. В залі мертва тиша. Постріл. Зойк. Андрій падає мертвий.

– А чим не козак був... – по великій паузі ринуть з глибини душі органі, затамовані звуки невимовного горя батька-рицаря. Потім бурхливий порив – заклик до бою" [16].

Важко сказати, з кого писали свого Тараса Бульбу художники Герасимов та Кибрик, але, мабуть, вони бачили світлини, на яких зображений актор Марко Кропивницький у ролі Тараса. Саме таким уявляеш собі гоголівського героя.

Козака-велетня Тараса бачимо в останню його хвилину, коли він, прив'язаний до дерева, охопленого вогнем, керує відступом своїх побратимів, закликаючи їх повернутися навесні і влаштувати "поминки" – помститися ненависним панам – ляхам. "Це були висоти художньо-реалістичної героїки", – зазначає Іван Мар'яненко. У виконанні М.Кропивницького Тарас Бульба виростав у легендарного велетня, мужнього борця за свободу України від будь-яких її ворогів. Майже не було жодного разу, щоб критика різних міст не відзначила цю роль великого майстра [17].

Виконання М.Кропивницьким ролі Тараса Бульби демонструвало не лише уміння актора створювати на сцені живі образи реальної дійсності, піднімаючи їх до своєрідної символіки, а й збуджувати почуття глядачів, спонукати їх до роздумів про долю України і її народу.

Література

1. Марко Лукич Кропивницький: Збірник статей, спогадів і матеріалів. – К.: Мистецтво, 1995. – С. 3.
2. Там само. – С. 155.
3. Ванченко-Писанецький К.І. Спогади українського лицедія. – К., 1928.
4. Курянин. – 1893. – 19 января, №11; 23 января, №13.
5. Южный край. – 1893. – 17 августа, №4335.
6. Южный край. – 1894. – 20 сентября, №4707; 1896. – 29 мая, №5286.
7. Новороссийский телеграф. – 1896. – 8 января, №6672; Театр. – 1896. – №8. – С. 2.
8. Мар'яненко І. М.Л.Кропивницький та його театр // М.Л.Кропивницький: Збірник статей, спогадів і матеріалів. – К., 1955. – С. 262.
9. Маринич Г. Спогади про Марка Лукича Кропивницького // Там само. – С. 303.

10. Мар'яненко І.О. Минуле українського театру. – К.: Мистецтво, 1953. – С. 36
11. Там само. – С. 36.
12. Там само. – С. 36.
13. Там само. – С. 37.
14. Там само. – С. 37–38.
15. Там само. – С. 38.
16. Там само. – С. 38.
17. Про виставу "Тарас Бульба під Дубном" відгукувалися:
 Курянин (Курськ). – 1893. – 19 января, №11; 1893. – 23 января, №13;
 Южный край (Харків). – 1893. – 17 августа, №4335;
 Южный край (Харків). – 1894. – 31 декабря, №4804;
 Южный край (Харків). – 1895. – 24 января, №4826;
 Южный край (Харків). – 1895. – 8 апреля, №4892;
 Новоросс. телеграф (Одеса). – 1896. – 8 января, №6672; 1896. – 6 февраля, №6699;
 Театр (Одеса). – 1896. – №8. – С. 2;
 Крым. вестн. (Севастополь). – 1896. – 01 октября. – С. 213;
 Новоросс. телеграф (Одеса). – 1896. – 29 октября, №6949;
 Одесский лист. – 1896. – 29 октября, №283;
 Русский листок (Москва). – 1896. – 30 декабря. – №362; 1897. – 17 января, №17; 1897. – 21 апреля, №105;
 Спб. ведомости. – 1897. – 27 июня, №12; Новости (Петербург). – 1897. – 27 июня, №174;
 Петерб. листок. – 1897. – 26 июня, №172; Петерб. газ. – 1897. – 26 июня, №172;
 Бирж. вед. (Петербург). – 1897. – 27 июня, №173; Мировые отголоски (Петербург). – 1897. – 4 июля, №182;
 Новое время (Петербург). – 1897. – 4 июля, №7668;
 Сын Отечества (Петербург). – 1897. – 4 июля, №178;
 Театр и искусство (Петербург). – 1897. – №27. – С. 490;
 Варшав. дневн. – 1897. – 4 ноября, №294;
 Курьер (Москва). – 1898. – 3 января, №3;
 Чернигов. губ. вед. – 1898. – 29 апреля, №1468;
 Южн. обзор. (Одеса). – 1898. – 01 октября, №601; Одесские нов. – 1898. – 30 сентября, №4414; 1.Х, №4415;
 Бессарабец (Кишинів). – 1898. – 17 ноября, №224;
 Южанин (Миколаїв). – 1900. – 24 марта, №6.

Гоголівська тематика у репертуарі труп М.Кропивницького гастрольної поїздки 1897 р. до Петербурга

Після чотиримісячних гастролей у Москві трупа М.Кропивницького виїхала до Петербурга. М.Кропивницького та акторів його трупи тут уже давно знали. Про винятково високу майстерність його та Марії Заньковецької, Миколи Садовського глядачі довідалися ще під час попередніх гастролей 1886–1887, 1887–1888, 1890 та 1891 років.

Цього разу після шестирічної перерви М.Кропивницький приїхав до столиці з новою трупою. До її складу входили відомі актори, з грою яких уже були знайомі глядачі С.-Петербурга з попередніх їх приїздів у інших трупах. Це, зокрема, Ганна Затиркевич-Карпінська, яку "Биржевые ведомости" назвали "найкращою з усіх малоросійських комедійних старух", Іван Загорський – комік, який декілька років тому викликав справжній фурор у трупі М.Садовського, а також Г.Борисоглібська, О.Ратмирова, А.Войцехівська, В.Розсудов-Кулябка та інші. Оркестром керував відомий диригент М.Т.Васильєв.

Репертуар театру складався, в основному, з відомих вистав, які вже показували в попередні роки інші трупи, а також нових, побудованих на п'єсах С.Гулака-Артемовського, І.Котляревського, Т.Шевченка, Панаса Мирного, М.Старицького, І.Карпенка-Карого, О.Стороженка, В.Самійленка, І.Тогобочного, Л.Манька: "Запорожець за Дунаєм", "Ой, не ходи, Грицю, та й на вечорниці", "Наталка Полтавка", "Назар Стодоля", "Дядькова хвороба", "Наймичка", "Чорноморці", "Циганка Аза", "Борці за мрії", "Нещасне кохання", "Жидівка-вихрестка", "Лимерівна", "Гаркуша", "Мазепа", "Москаль-чарівник" та деякі інші.

Цього разу широко були представлені твори М.Кропивницького: "Невольник", "Зайди голова", "Залети соцького Мусія". "Пошились у дурні", "Дай серцеві волю – заведе в неволю", "Олеся", "Вуси", "Глум і помста", "Лихо не кожному лихо – іншому й талан", "Дві сім'ї", "Підгоряни" та інші. Всього було представлено глядачам 36 п'єс першого плану та 14 – другого (це водевілі та сценки), бо поруч із українською п'єсою повинна була бути і російськомовна [1]. Хоча у цей приїзд з бо-

ку влади були зроблені послаблення. Часто україномовна вистава не супроводжувалася російськомовними водевілями.

Трупа М.Кропивницького гастролювала в С.-Петербурзі з 9 травня по 31 серпня 1897 р. За три місяці було показано 143 вистави. Грали кожного дня.

На жаль, ці гастролі до С.-Петербурга 1897 р. не були об'єктом дослідження театральних науковців. У статті О.Кузнєцової "М.Л.Кропивницький у Петербурзі" [2] про них лише згадується. А вони у порівнянні з попередніми були наповнені новими пошуками в режисурі, створенні нових яскравих образів, зокрема, і у виставах, поставлених за творами М.Гоголя. Саме в цей приїзд були показані "Сорочинський ярмарок" М.Старицького – 6 разів, "Тарас Бульба під Дубно" К.Ванченка-Писанецького – 5 разів, "Вій" М.Кропивницького – 17 разів. Дві останні вистави йшли в Петербурзі вперше. В подальшому зупинимося лише на характеристиці гоголівського репертуару цього гастрольного часу.

"Сорочинський ярмарок" – весела з численною кількістю персонажів комічна опера М.Старицького показана була на шостий день гастролей. До цього глядачі уже ознайомилися з оперою "Запорожець за Дунаєм", якою були відкриті гастролі, "Невольник" та "Ой, не ходи, Грицю, та й на вечорниці".

У виставі "Сорочинський ярмарок" брали участь актриси – Г.Затиркевич-Карпінська, Г.Борисоглібська, Є.Величко, Корсакова, Онищенко, Д.Шевченко-Гамалей, Шевченко, актори – М.Кропивницький, С.Глазуненко, М.Глоба, Голубенко, І.Загорський, Ф.Туманенко, Шепелєв та ін.

За час перебування М.Кропивницького на сцені понад 50 разів показували "Сорочинський ярмарок" у різних містах України та Росії за його участю. Тут він майстерно грав роль кума Цибулі. Це життєрадісна комічна музична вистава, в центрі якої все зосереджено навколо любовної колізії: парубок із Сорочинців Панько закохався в дочку підстаркуватого козака Солопія Черевика Хотину. Щоб одружитися з нею, він підключив до цієї справи цигана Хвенька, який хоче значно дешевше купити у хлопця воли. Здійсненню плану заважає сварлива мачуха Хотини Хівря, яка приїхала на Сорочинський ярмарок не лише за покупками, а й щоб зустрітися зі своїм коханцем семінаристом Афанасієм Івановичем Пречистеньким.

Для успішного вирішення справи циган Хвенько пускає чутку про бісівську червону свиту. Це надає страху учасникам дійства і поступово сприяє вирішенню справи. Ярмарка в Сорочинцях стає яскравим фоном, на якому розгортається дійство.

М.Старицький виділяє у п'єсі 4 основні епізоди, які й становлять основу для чотирьох дій: "На переправі", "На ярмарку", "У кума", "На дворищі". Інколи драматург відходить від гоголівського тексту і по-своєму komponує розвиток сюжету [3]. Якщо у Гоголя знайомство Грицька Голопупенка з Парасею відбувається біля мосту через річку Псел, свідком якого була лише мачуха Хівря та батько Солопій Черевик, а також парубки, то М.Старицький вирішив зібрати у цій сцені майже всіх персонажів п'єси.

Відкриває дійство п'єси кум Цибуля (його роль грає Марко Кропивницький), який вийшов з шинку і співає веселу життєрадісну пісню "Та була в мене Хвеська". Володіючи гумором та хорошим голосом, актор своєю піснею одразу ж притягнув до себе глядачів, збуджуючи їх до сприйняття того, що відбуватиметься на сцені. В подальшому кум Цибуля – М.Кропивницький буде знаходитися серед інших персонажів п'єси, звертаючи на себе увагу лише окремими репліками, виголошеними соковитим гучним голосом.

На передньому плані Цибуля – М.Кропивницький з'явиться уже у VIII виході, коли зустрінеться з кумом Солопієм Черевиком. Гумор, уміння викликати Солопія на далеке від реалій вихваляння про свої переваги над своєю жінкою Хіврею – все це викликає пошвавлення глядачів.

М.Кропивницький виступив у виставі і режисером. Він так скомпонував дійство, що всі персонажі, які були носіями тих чи інших реплік, що торкалися розвитку дії, обов'язково знаходилися на передньому плані.

У першій дії М.Старицький не лише знайомить усіх персонажів, а й зав'язує воедино всі сюжетні ходи. Парубок Панько Голопупенко, з'явившись на сцені, розповідає своєму товаришеві Стасю про те, що в церкві він бачив дівчину, яка йому дуже сподобалась, і він хотів би її зустріти на ярмарку. Циган Хвенько, який чує випадково цю розмову, просить Панька продати йому дешевше сірі воли, а за це – зможе допомогти знайти йому дівчину. На допомогу Хвеньку приходять циганка Груня. У цей час на сцені з'являється Хотина, батько якої Солопій Черевик попрямував до шинку, і Панько, не гаючи часу, освідчується їй у

коханні. Мачуха Хівря (арт. Г.Затиркевич-Карпінська) з погрозами забирає батька і дочку до воза. Ображений Панько кидає в неї грязюкою і попадає в очіпок, при цьому називає її столітньою бабою, що викликало з вуст Хіврі бурхливий потік образливої лайки. Мокрина, дружина кума Цибулі, напідпитку розповідає, що засідателю відвів цього року під ярмарку "прокляте місце, біля руїни, де чорти завели кубло". Циган Хвенько доповнює цю інформацію: "Вчора волосний писар ішов поночі біля руїни, а звідтіль як висунеться свиняче рило та як захрюкає!" Мокрина: "Ох мені лишенько! Вони, вони. Бути лиху, бути! Ще, чого доброго, з'явиться червона свита!" [4].

Друга дія називається "На ярмарку". У своїй повісті Гоголь детально описує ярмарку. Вона постає як дійова особа: зі своїм голосом, своїм психологічним станом, своїм серцебиттям. Це "величезне страховисько, яке шевелиться всім своїм тулубом на площі і на тісних вуличках, кричить, гогоче, гримить" [5]. М.Старицький передає це через сприйняття Хотини: "Що, боже ти мій, господи! Чого, чого нема на цім ярмарку: колеса, сало, дьоготь, тютюн, ремінь, воли, вівці, свині, крамарі всякі..."[6].

У ремарці М.Старицький зазначає: "Музична інтрада, впродовж якої іде ярмарочний гвар. Народ – хазяї, баби, парубки, дівчата, жиди, цигани – снуються, штовхаються, торгують, перебивають руки – по ятках, коло возів. Німа сцена під музику. Впродовж цієї дії стоїть тихий гвар, поки головні персони ведуть розмову, а коли вони примовчують – гвар росте і всякий викрикує про свій крам" [7].

Режисер М.Кропивницький приділяв цій ремарці особливу увагу, бо вона давала йому можливість чітко продумати всю другу дію, яка була пов'язана з Сорочинською ярмаркою. Саме на ній відбувається ще ближче знайомство і освічення Хотини і Панька, зустріч куми Мокрини з Хіврею, яка запрошує її переночувати у своїй хаті, бо вони будуть залишатися біля товару на ярмарці, а це дає можливість Хіврі зустрітися на самоті з семінаристом Афанасієм Івановичем, а цигану Хвеньку розгорнути свою діяльність у розповсюдженні легенди про чорта, який шукає червону свитку.

Дія проходить в емоційній, насиченій на репліки розмові багатьох учасників.

Третя дія пов'язана з короткими зустрічами в хаті кума Цибулі Хотини і Панька, проникнутими ліризмом, який підкріплюється піснями, а також Хіврі, яка намагається позбутися їх, бо чекає на домовлену

зустріч з семінаристом і, нарешті, сцена залицання до Хіврі Афанасія Івановича, мова якого пересипа латинськими та українськими словами, сказаними на латинський манер. Але все це проміжні сценки. Глядач чекає на щось важливе, що приведе до кульмінаційного моменту. І такою сценою є розповідь кума Цибулі про червону свитку. Марко Кропивницький психологічно точно передає цю історію, яка захоплює учасників дійства, викликає страх перед нечистою силою. І побіжні репліки окремих учасників лише ще більше посилюють ситуацію. Проте цей страх має різний відтінок. Хівря боїться не стільки чорта, скільки свого розвінчання, бо під столом вона заховала Афанасія Івановича, який неадекватно поводить себе під час розповіді кума Цибулі. І шум та звуки із-під столу ще більше збуджують учасників зібрання. Перелякані всі, і коли у вікнах з'являються пики нечистої сили та свинячі рила, а цей маскарад організував циган, страх повністю заволодів тими, хто зібрався в хаті. І реакція кожного з учасників своя. Саме тут проявляється майстерність акторів. На якусь мить вони застигли, передаючи страх своїх персонажів.

Четверта дія, яка відбувається на дворіщі кума Цибулі, супроводжується різними пригодами з Афанасієм Івановичем та Хіврею, Черевиком, Цибулею та соцьким тощо. Усі ці непорозуміння влаштовані Паньком та циганом лише з однією метою: змусити Солопія Черевика видати свою дочку Хотину заміж за Панька Голопупенка, а Хіврю погодитися з цим рішенням. Поки Хівря, отримавши гроші за продані пшеницю та стару коняку, витрочала їх на різні товари, на дворі Цибулі Солопій дає згоду на весілля своєї дочки з Паньком, а посаджена мати Мокрина благословляє дітей на щасливе життя. Хівря змушена була погодитися з тим, що сталося. Черевик вигукує: "Годі гвалту! Цупте сюди горілки, меду, музик!.. Ого! Я покажу, що я Черевик! – Цибуля: "Гуляй, катая! А ну те, хлопці й дівчата, вшкварте" [8]. І тут же сам пішов до танців, приспівуючи. На сцені відбуваються спільні танці у супроводі музики і співів.

Так закінчується вистава життєрадісним ствердженням того, що поборені всі недобрі сили і що народилася нова любляча сім'я.

Столична критика відгукнулася на першу [9] та четверту [10] вистави. Були відзначені талановита гра М.Кропивницького (кум Цибуля), Г.Затиркевич-Карпінської (Хівря) та інших акторів, а також музичні сцени та сольні виступи.

Під час гастролей різними містами Російської імперії трупа М.Кропивницького постійно показувала виставу К.Ванченка-Писанецького "Тарас Бульба під Дубном". У С.-Петербурзі вона вперше була виставлена 25 червня 1897 року. Це був уже 62 виступ трупи у столиці. У виставі брали участь М.Кропивницький, Г.Борисоглібська (мати), К.Вукотич (Остап), В.Розсудов-Кулябка (Андрій), А.Войцеховська (Людвіга), С.Глазуненко (казак Корженко), Є.Величко, Вороний, І.Загорський, Г.Рафальський, Ф.Туманенко, Ярмоленко, Шепелєв, Листопад та інші.

Це було начебто запрошення на побачення. Вдруге виставу показали 5 липня, а потім 13 та 26 липня і, нарешті, 4 серпня. Чому за тривалий гастрольний сезон М.Кропивницький вирішив показати "Тараса Бульбу" лише 5 разів, нині важко сказати, хоча ця вистава користувалася успіхом.

Про перший показ вистави відгукнулися відомі столичні газети "Санкт-Петербургские ведомости", "Биржевые ведомости", "Мировые отголоски", "Новое время", "Сын отечества", "Театр и искусство".

Газета "Биржевые ведомости" (27 червня, 1897) відзначала досить вдалу компановку в п'єсі найважливіших сцен повісті Гоголя: Тарас Бульба з синами Андрієм та Остапом вирушає у похід на Січ, облога Дубно, зрада Андрія через кохання до полячки Людвіги та трагічна смерть Андрія і Тараса Бульби. Журналісти відзначили талановиту гру М.Кропивницького (Тарас Бульба) [11], який піднімав свого героя до легендарного велетня, борця за свободу України. Відмінно була підтримана ця висока майстерність іншими акторами, зокрема, В.Розсудовим-Кулябкою (Андрій), К.Вукотичем (Остап), А.Войцехівською (Людвіга). А.Войцехівська, зазначає її партнер по сцені І.Мар'яненко, була відомою актрисою і мала значний успіх. "Голос і темперамент у неї були невеликі, але вона вміло ними володіла, була безпосередня і мала надзвичайну сценічну привабливість" [12]. Чудово зіграв С.Глазуненко п'яного козака Корженка, який пропив усі гроші у шинкаря.

Газета вказувала і на хороші музичні сцени.

Третьою виставою за твором М.Гоголя була фантастична комедія на 5 дій з апофеозом "Вій", яка була написана М.Кропивницьким наприкінці 1894 р. В Інституті рукопису НБ ім. Вернадського НАН України зберігається автограф лібрето [13]. Цензурний дозвіл на друкування автор отримав 9 січня 1895 р.; за цим дозволом 5 дія п'єси

була вміщена в "Альманасі", присвяченому А.С.Олександрову, упорядкованому Біліловським і виданим у м.Харкові 1896 р.

У листі до Б.Грінченка від 10 березня 1895 р. М.Кропивницький зазначав: "Вія" мого (комедію) вже розрішили, хоч всі ті місця, де зустрічається: козак, запорожець, січ і таке інше, – перечіркнuto, або нотабировано..." [14].

А в листі до цього ж адресата від 24 червня 1895 р. читаємо: "Комедію "Вій" уже розрішили, але повичіркували такі фрази: "скачи, враже, як пан скаже", "пани вигадують під час таке, що і мудрящий не розчовпе". Обчиркнуті всі місця, де стоїть слово "козак, запорожець..." Чудасія! Лібретто "Вій" ще й досі у цензурі.

А знаєте, у мене не те, що опадають руки, а щось таке діється, що я й не вмію вимовити: охота – не охота, отчай – не отчай, а щось погане" [15].

Під час гастролей у С.-Петербурзі фантастична комедія-оперета "Вій", створена на основі п'єси М.Кропивницького за сюжетом повісті М.Гоголя, користувалася більшою популярністю, ніж "Сорочинський ярмарок" та "Тарас Бульба". Газета "Биржевые ведомости" у декількох своїх номерах подала анонс про майбутню виставу. І ось 23 травня вона була вперше показана в столиці. У ній грали Г.Затиркевич-Карпінська, Г.Борисоглібська, Є.Величко, Ратмирова, Д.Шевченко-Гамалій, Онищенко, О.Полянська, Корсакова та інші представниці трупи, а також М.Кропивницький, К.Вукотич, Вороний, С.Глазуненко, М.Глоба, І.Загорський, В.Розсудов-Кулябка, Г.Рафальський, Туманенко, Шепелєв, Ярмоленко та інші.

У процесі показу вистави М.Кропивницький уточнював деякі сцени, переробляв окремі партії. Так, в оголошенні про спектакль від 6 липня 1897 р. повідомлялося не тільки про те, що буде показана фантастична комедія "Вій" у 5 діях, зі співами, хорами та танцями, названі основні актори, але й зазначено, що деякі номери переоркестровані, а деякі знову оркестровані і будуть виконані: арія Хоми біля домовини панночки, а також хор підземних духів.

Суворінське "Новое время" назвало "Вій" найбільшою репертуарною п'єсою сезону, бо переробка гоголівської повісті вдалася М.Кропивницькому [16]. Розлогі рецензії на виставу дали "Биржевые ведомости". Критик відзначав, що М.Кропивницький настільки вдало переробив чудову гоголівську легенду-повість "Вій", яка дихала поезією старої Малоросії, наскільки взагалі можливо і допустимо це зро-

бити. Найголовніше те, що колорит залишився яскравий і блискучий, епізоди проходять зв'язно і жваво один за одним, а персонажі М.Гоголя не спотворені і діють [17].

М.Кропивницький – режисер та і весь колектив учасників вистави добре розуміли, що вони не просто показують наступну виставу, а представляють Гоголя, його відомий твір, та ще й українською мовою. Тут відповідальність була особливо відчутна. Марко Лукич уважно підійшов до розподілу ролей, до оформлення вистави, до психологічного навантаження мізансцен, хоча передати дух Гоголя сценічними засобами було не так просто. Критика відзначила, що найбільш сильні драматичні місця повісті М.Кропивницький переклав гаряче і в той же час досить витримано. Глядачам сподобалася своєю красою і хорошим голосом Ратмирова – панянка-відьма, красивим і великим тегго-сопрано Д.Шевченко-Гамалій – няня, яка схвилювала слухачів умінням передати теплоту почуттів, а також М.Глоба – Хома Брут, який від природи володів гарним голосом. Він заслуговував на увагу як виконавець, і як актор. Сам це відмітив і один із рецензентів, заявивши, що роль філософа Хоми Брута виявилася такою, що підходила як до таланту М.Глоби, так і до його зовнішньої фактури, артист був дійсно дуже гарний. Він дуже вдало і красиво виконав разом з Г.Рафальським (Холява) дует у 2 акті. І.Мар'яненко, який грав у трупі М.Кропивницького, згадував: М.Глоба (Нефедов), чоловік Є.Величко, "був глибоким ліричним актором з надзвичайно м'яким, задушевним голосом-тенором. Участь у феєрії "Вій" у ролі Хоми Брута, де йому доводилось багато співати і виголошувати величезні тиради на фоні підвищеного звучання оркестру, підірвали його і без того слабке здоров'я" [18].

Марко Кропивницький у виставі грав Сотника і притягав до себе увагу глядачів своєю прекрасною грою і виконанням сольних номерів.

У статтях були відзначені музичні сцени за участі артисток Азовської та Д.Шевченко-Гамалій, панночки і няні, які володіли приємними, гарно поставленими голосами. З великим інтересом сприймалась сцена у 4 акті, де козаки Дорош і Свирид (актори П.Кирпенко і Д.Гайдамака) розповідають про писаря Микиту і бабу-шептуху. Вдалася цим акторам і сцена у шинку.

Особливо сильно вразила глядачів прекрасна пара шинкар Хаїм (І.Загорський) та його дружина Хайка (Г.Затиркевич-Карпинська). І це не випадково, бо кожний із акторів був справжнім майстром своєї

справи. Газета "Биржевые ведомости" відзначала: "Типовий говір і надзвичайна правдива життєва передача маленької ролі Хайки виявили в пані Затиркевич актрису надзвичайно спостережливу і обдарованою розвинутим художнім почуттям. Завдяки їй, епізодична сцена в корчмі виокремилась на фоні всієї п'єси" [19].

Запам'ятались глядачам і інші виконавці та епізоди. Ефектною була сцена на подвір'ї у сотника. Вона була перш за все гарно оформлена сценічно. Місяць своїм сріблом заливав дві яскраво вибілені маленькі хати з куциками червоного маку біля їх стін. Недалеко на подвір'ї за низькими столами після важкої денної праці на вечерю зібралися селяни, сотники. Під час жвавої розмови звучить розповідь про псаря Микиту, якого загубила відьма. Ця історія "картинно і жваво" виголошена талановитим актором трупи В.Розсудовим-Кулябка.

Не менш ефектною була остання сцена, яка вимагала від учасників психологічної напруги: Хома Брут готується читати псалтир у нічній церкві перед домовиною, у якій лежить панночка. Трепет охоплює його душу. Занавіска відсунута, і перед очима бурсака знаходиться розкішна домовина. Актор М.Глоба передає психологічне збудження Хоми, яке ось-ось дійде до свого логічного кінця. Відчувається сильний драматичний підйом. І в цей момент піднімається з домовини панночка, і Хома втрачає розум. На сцені з'являються різні представники бісівської сили.

Режисерської, та й акторської, інтерпретації цієї сцени не сприйняли деякі критики. Вони вважали, що попередня напруга проти очікування раптом знімається і змінюється балаганом. "Замість страшних чудовиськ, так художньо описаних Гоголем, з'являються гарненькі і кокетливі опереточні чортенята і якийсь змій. Хома Брут удає, що боїться, і це виходить безглуздо. Страхіття Вій, за задумом п.Кропивницького, курйозна забавна дитяча іграшка у вигляді ведмеда чи барана з великими очима. Ось і всі "жахи". Якби вони з'явилися у інший час, глядач не був би так неприємно вражений. Сильно діє контраст драматичного стану з фарсом балаганного типу" [20]. Ця оцінка фінальної сцени змусила М.Кропивницького шукати більш переконливих засобів показу нечислої сили, щоб зберегти гоголівський характер зображення подій.

До речі, М.Кропивницький уважно прислухався до критики, особливо такої, яка допомогала краще розкрити гоголівський текст, передати дух Гоголя. Деякі критики вважали, що слід відмовитися від апо-

феозної кінцевої сцени, бо в ній не було потреби і закінчити п'єсу так, як закінчує повість Гоголь.

Критика позитивно оцінювала загальне оформлення вистави, а також хор, учасники якого трималися на сцені зразково – просто і природно, сприяли оживленню дійства. У виставі було багато сольного та хорового співу, танців. Серед акторів відзначали С.Глазуненка – виконавець ролі хорунжого, який хвацько, по-молодецькому танцював гопака.

Одна із рецензій на виставу закінчувалася словами: "Хто хоче послухати справжні, природні і граціозні пісні малоросів і подивитись проникнуту поетичним серпанком минулого картину України – не пошкодуєте, якщо сходите на "Вія" [21].

Газета "Новое время" постійно слідувала за гастрольними виставами трупи М.Кропивницького, відгукуючись на вистави, серед них і "Вія", яка була виділена серед інших як вдала інтерпретація повісті М.Гоголя, зазначала: "Остання вистава відбулася при безперечно повному зборі, і глядачі середечко попрощались зі своїми улюбленцями. Слід відзначити, що малороси повинні залишити про себе хороші спогади. Товариство, з п.Кропивницьким на чолі, не лише щеголяло прекрасним ансамблем, але й мало у своєму складі декілька видатних обдарувань. При цьому треба сказати, що всі малоруські артисти відзначалися рідкісною добросовісністю" [22].

Майстерність акторів трупи, велику роботу М.Кропивницького як режисера, актора, так і драматурга відзначали також газети "Биржевые ведомости", "Русь", "Сын Отечества" та інші періодичні видання.

Таким чином, гоголівський репертуар збагатив гастрольну поїздку до столиці трупи М.Кропивницького і дав можливість багатьом акторам продемонструвати свою майстерність.

Література

1. Кропивницький М.Л. Збірник статей, спогадів і матеріалів. – К.: Мистецтво, 1955. – С. 379–497.
2. Там само. – С. 170–190.
3. Старицький М. Сорочинський ярмарок // Старицький М. Твори: У 6 т. – К.: Дніпро, 1989. – Т. 2. – С. 292.
4. Там само. – С. 312.
5. Гоголь Н. Собр. соч.: В 7 т. – М.: Худ. лит, 1976. – Т. 1. – С. 18.
6. Старицький М. Твори: У 6 т. – К.: Дніпро, 1989. – Т. 2. – С. 314.

7. Там само. – С. 309.
8. Там само. – С. 358.
9. Санкт-Петербургские ведомости. – 1897. – 15 мая, №130; Новости. – 1897. – 15 мая, №132; Петербургский листок. – 1897 – 15 мая, №131; Театр и искусство. – 1897, №21. – С. 393.
10. Санкт-Петербургские ведомости. – 1897. – 13 июля, №188; Петербургская газета. – 1897. – 12 июля, №188.
11. Детально про виконання цієї ролі див. нашу статтю: Гоголівський Тарас Бульба у сценічній інтерпретації корифея української сцени Марка Кропивницького // Література та культура Полісся. Вип. 42. – Ніжин, 2008. – С. 38–45.
12. Мар'яненко І. М.Л.Кропивницький та його театр // Кропивницький М.Л. Збірник статей, спогадів і матеріалів. – К., 1955. – С. 263.
13. Інститут рукопису НБ ім.В.Вернадського НАН України, ф. 1, №35972.
14. Кропивницький М.Л. Збірник статей, спогадів і матеріалів. – С. 350.
15. Там само. – С. 362.
16. Новое время. – 1897. – 2 сентября, №7728.
17. Биржевые ведомости. – 1897. – 25 мая.
18. Мар'яненко І. Минуле українського театру. Зустрічі, творча праця. – К.: Мистецтво, 1953. – С. 75.
19. Биржевые ведомости. – 1897. – 25 мая.
20. Там само.
21. Там само.
22. Новое время. – 1897. – 2 сентября, №7728.

Содержание

Вместо предисловия.

Из ответов на анкету "Гоголеведческих студий" 3

Н.Гоголь в Нежинской гимназии высших наук кн.Безбородко

Бытовая и учебная жизнь Гимназии высших наук

кн.Безбородко в нежинских письмах Н.Гоголя 7

Библиотека Гимназии и круг чтения Н.Гоголя 30

Нежинский период творчества Н.Гоголя 43

Историко-бытовая основа повести Н.Гоголя

"Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан" 57

Театральная деятельность Гоголя

в Нежинской гимназии 75

Н.Гоголь в кругу современников. Мир его произведений

Н.Гоголь и "нежинские однокоритныки"

в Санкт-Петербурге 85

Мир ярмарки у Гоголя и его предшественников 94

Новонайденный список второго тома

"Мертвых душ" Гоголя 118

Гоголь в восприятии и оценке ученых и писателей

Наследие Гоголя в трудах ученых

Нежинской высшей школы 141

Гоголевские традиции в многонациональной литературе XX века 159

Гоголь в восприятии и оценке Н.Асеева 169

Наследие Гоголя в годы Великой Отечественной войны 172

Произведения Гоголя в сценической интерпретации корифеев украинского театра

Твори М.Гоголя в репертуарі Миколи Садовського 182

Гоголівський Тарас Бульба у сценічній інтерпретації корифея української сцени Марка Кропивницького 191

Гоголівська тематика у репертуарі трупі М.Кропивницького гастрольної поїздки 1897 р. до Петербурга 198

Наукове видання

Самойленко Григорій Васильович

**ТВОРЧА СПАДЩИНА М.ГОГОЛЯ
НА ПЕРЕТИНІ ЕПОХ**

Відповідальний за випуск – Самойленко О.Г.
Технічний редактор – Лисенко М.М.
Верстка, макетування – Борщ О.В.
Літературний редактор – Лісовець О.М.
Коректор – Конівненко А.М.
Дизайн обкладинки – Новгородська А.В.

При оформленні обкладинки використаний малюнок О.Лаврухіна

Підписано до друку 17.03.09 р.	Формат 60x84/16.	Папір офсетний.
Гарнітура Computer Modern.	Ум. друк. арк. 10,8	Тираж 130 прим.
Замовлення №		

Видавництво
Ніжинського державного університету
імені Миколи Гоголя.
м.Ніжин, вул. Воздвиженська, 3/4.

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру
суб'єкта видавничої справи ДК №2137 від 29.03.05 р.

8(04631) 7-19-72
E-mail: vidavn_ndu@mail.ru